БИБЛІОТЕКА
П. П.
КЛИМОВА.

РАЗНОСТИ
ЦЕРКВЕЙ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ
ВЪ СПОСОБАХЪ ВОЗЗРѢНІЯ И ВЪ УЧЕНІИ О ЛЮБВИ.

О ЛАТИНСКОМЪ КУЛЬТѢ СЕРДЦА ІИСУСОВА.

20264

Протоіерея А. Лебедева

Сочиненій о Разностяхъ Церквей

т. II.

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГІОЗНОГО
МУЗЕЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ № 45
1903.

ВТ
587

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

1131
72

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 15 Апрѣля 1903 г. Цензоръ, Іеромонахъ Александръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Нѣсколько словъ отъ автора . . . . . VII—IX

О латинскомъ служеніи Сердцу Іисуса . . . . . 1— 2

I. *Изображеніе Іисусова Сердца и опредѣленіе его значенія, какъ символа. Объясненіе его происхожденія изъ воззрѣнія латинской церкви.*—Двоякое значеніе Сердца въ культѣ: Сердце какъ символъ любви Христовой и Сердце какъ предметъ почитанія самъ по себѣ.—Несообразность послѣдняго значенія. Разборъ символическаго значенія Сердца. Вопросъ о нуждѣ въ новомъ символѣ любви. Пониманіе креста Христова въ смыслѣ совершеннѣйшаго символа любви въ православной Церкви; образцы такого пониманія; отрицаніе нужды въ новомъ символѣ. Особое пониманіе любви Христовой латинами; отвлеченіе любви отъ Христа и воплощеніе ея въ фигурѣ сердца. Представленіе символическаго Сердца въ смыслѣ живаго лица, въ смыслѣ сконцентрированнаго Христа. Примѣры толкованій символическаго Сердца. Объясненія относительно предпочтенія новаго символа кресту. Разности въ воззрѣніяхъ Церквей — *созерцательность*—православной и *непосредственность* латинской . . . . . 2— 32

II. *Внутреннія основы воззрѣній церкви православной и церкви латинской.*—Значеніе созерцательной силы души—ума въ Церкви православной. Пониманіе этого значенія; отсюда—характеръ православной церковности, православнаго мышленія и православнаго изображенія распятія Христова. Необходимость духовнаго развитія для достиженія созерцательнаго воззрѣнія.—Непосредственность латинскаго воззрѣнія. Значеніе въ этомъ воззрѣніи—воображенія и чувства. Характеръ мышленія при такомъ воззрѣніи. Господство *непосредственнаго воззрѣнія* въ средніе вѣка; отпечатокъ этого воззрѣнія на латинской церковности вообще и на изображеніи распятія Христова въ частности. Дѣйствіе картины распятія на благоч.

Стр.

зрителей. Ненормальность духовной жизни при *непосредственномъ воззрѣніи*. Свойства непосредственнаго воззрѣнія. Выясненіе внутреннихъ причинъ предпочтенія новаго символа кресту. Особыя свойства новаго символа . . . . . 32— 42

III. *О важности служенія Сердцу и установленіи его.*— Важность служенія Сердцу для церкви латинской, по представленію проповѣдниковъ культа. Возведеніе сего установленія къ непосредственному откровенію самого І. Христа. Явленія и откровенія Христа монахинѣ Маргаритѣ. Общецерковное значеніе этихъ откровеній; утвержденіе ихъ въ Римѣ. Разборъ этихъ видѣній и откровеній—а) со стороны уже даннаго откровенія, какъ полнаго и законченнаго,—б) со стороны отношеній къ нимъ верховной власти латинской церкви и наконецъ, в) со стороны ихъ внутренняго содержанія. Стихотворная форма ихъ изложенія. Общій выводъ. Изображеніе видѣній и откровеній по другому молитвеннику. Утвержденіе служенія Сердцу папами. Возраженія противъ культа со стороны его новости и мнимыхъ откровеній Маргаритѣ. Отвѣты защитниковъ культа іез. Свободы и іез. Юнгмана. Ссылка Юнгмана на авторитетъ Церкви; разборъ этой ссылки . . . . . 42— 64

IV. *Служеніе Сердцу Іисуса; его цѣли и средства.*—Высокое представленіе защитниковъ культа о его значеніи для вѣрующихъ. Служеніе Сердцу, какъ сконцентрированное служеніе сконцентрированному представленію Христа. Цѣли и обязанности служенія. Концентрированіе служенія въ особомъ обществѣ. Обязанности членовъ общества; *священныя мѣста* и *священныя времена* и *„привиллегіи“* Общества. Объясненіе тайны быстраго воздѣйствія культа на души вѣрующихъ а) со стороны *наглядности* служенія, б) со стороны *особенностей* его *системы*, и в) со стороны *учащенности исповѣди и причащенія*. Изслѣдованіе о свойствахъ любви, возбуждаемой культомъ. Сопоставленіе любви по православному разумѣнію съ любовію культа. Ревность о славѣ Божіей, какъ родовое начало любви культа. Достоинство этой ревности. Изслѣдованіе о напряженномъ благоговѣніи къ таинству причащенія, заботливо возбуждаемомъ въ культѣ.—Заключеніе главы . . . . . 64—102

V. *Объ апостолятѣ и присоединеніи къ нему культа Сердца.*—Связь съ предшествующимъ изслѣдованіемъ. Понятіе объ апостолятѣ и значеніе его въ латинской церкви. Приспособленіе культа къ цѣлямъ апостолята; девять службъ на пользу апостолята и описаніе ихъ. Неопредѣленность службъ и ту-

Стр.

манность въ ихъ изображеніи. Выясненіе ихъ назначенія: эксплуатація религіознаго чувства въ пользу апостолята; службы для пробы и постоянныя; забота о внутренней связи сочленовъ апостолята; опредѣленіе апостолята какъ особаго новаго общества, въ родѣ perpetuum mobile. Заключеніе главы . 102—121

Общее заключеніе. Выводы изъ всего изслѣдованія. Поучительный выводъ для насъ православныхъ и предостереженіе отъ увлеченія къ излишней непосредственности въ церковной проповѣди. Заключительный приговоръ о культѣ, выраженный словами іезуита Юнгмана . . . . . 122—126

Приложенія . . . . . 1—22

При началѣ своего изслѣдованія о латинскомъ культѣ Сердца, я вовсе не предполагалъ, что мое сочиненіе достигнетъ того объема, какой оказался по окончаніи, потому имѣлъ въ виду ограничиться тѣмъ небольшимъ вступленіемъ, какое сдѣлано при началѣ изслѣдованія; но теперь, выпуская свой трудъ отдѣльной книгой, считаю нужнымъ предпослать нѣсколько особыхъ предварительныхъ объясненій.

Вопросъ о латинскомъ культѣ Сердца не останавливалъ на себѣ вниманія нашихъ богослововъ, и потому объ немъ ничего нѣтъ въ нашей духовной литературѣ. Между тѣмъ по своему существу онъ представляетъ для насъ православныхъ глубокій интересъ: такъ какъ коренится въ догматическихъ воззрѣніяхъ латинской церкви, опредѣляетъ собою пониманіе ею самой основы духовной жизни—*любви*, и чрезъ то даетъ возможность выяснить ея коренныя особенности,—какъ это увидитъ читатель изъ предлагаемаго изслѣдованія.

По этому вопросу существуетъ довольно обширная литература въ латинскомъ мірѣ, особенно во Франціи, гдѣ это служеніе и получило свое начало. Изъ-за культа Сердца тамъ давно уже ведется рѣз-

кая полемика между латинскими богословами, съ одной стороны, и янсенистами—съ другой. Но для насъ православныхъ эта полемика мало имѣетъ интереса; потому что противники, стоя на общей почвѣ лат. воззрѣнія и мышленія, не могутъ возвыситься до основныхъ началъ своихъ разностей, изслѣдовать предметъ по существу, обособиться въ своихъ исходныхъ пунктахъ и разъ на всегда положить конецъ препирательствамъ. Только мы православные, стоящіе на иной почвѣ религіозной жизни и въ сторонѣ отъ спорящихъ сторонъ, можемъ совершить изслѣдованіе даннаго предмета по существу и строго и точно опредѣлить черты, отдѣляющія насъ отъ латинскихъ воззрѣній и представленій.

Взявши на себя трудъ составить именно такого рода изслѣдованіе о культѣ Сердца, я сообразно съ своей задачей разобралъ по существу прежде всего—*самый символъ* культа—*Сердце Іисусово*, затѣмъ—*воззрѣніе*, породившее этотъ символъ, далѣе—*видѣнія*, послужившія поводомъ къ установленію служенія,—послѣ того, *самое служеніе, тайну* его быстраго воздѣйствія на души благоч. католиковъ, *характеръ любви* возбуждаемой культомъ, и, наконецъ, его *практическое значеніе*.

Какъ въ первомъ моемъ сочиненіи: „Разности Церквей въ ученіи о Богородицѣ“ я старался выяснить разности чрезъ сопоставленіе ученія латинскаго съ православнымъ, такъ веду дѣло и здѣсь;—вдаюсь

не только въ полемику, но и въ изложеніе положительнаго ученія православной Церкви. Отъ такого сопоставленія, повторяю, православное ученіе выступаетъ ярче, сильнѣе, величественнѣе.

Не смѣю однакожъ думать, чтобы мой трудъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ богословской науки, какъ ее понимаютъ богословы въ настоящее время, но тѣмъ не менѣе осмѣливаюсь полагать, что съ достаточною ясностію въ немъ намѣчены тѣ пути, какими должны идти дальнѣйшія изслѣдованія не только даннаго предмета, но и другихъ богословскихъ вопросовъ, соприкосновенныхъ съ нимъ.

1882, 13 (25) Марта.

Авторъ.

О латинскомъ служеніи Сердцу Іисуса [1]).

Въ ученіи о лицѣ Господа нашего Іисуса Христа и тройственномъ Его служеніи для спасенія рода человѣческаго обѣ церкви, восточная и западная, согласны между собою; но въ почитаніи Его св. имени церковь западная создала такую разность, которой церковь восточная чуждается и всегда будетъ чуждаться. Мы разумѣемъ недавно возникшее тамъ служеніе сердцу Іисусову, — (или такъ называемый культъ Сердца Іисусова).

Восточная церковь знаетъ цѣлаго Спасителя и благоговѣйно умопредставляетъ Его въ единствѣ Его Богочеловѣчества. Латинская же церковь изъ Христова Богочеловѣче-

---

[1]) Книги, которыми мы пользовались при семъ сочиненіи, суть слѣдующія:

1. Uplná pobožnost k uctění nejsvětějšího Srdce Pána Ježíše a Marie Panny. Vydal Vojtěch Ruffer, probošt starobylé kral. kapitoly SS. Petra a Pavla na Vyšehradě, prelat... Nejnovější opravené a rozmnožené vydání. За заслуги духовной литературѣ авторъ награжденъ отъ папы Пія IX знакомъ ордена св. Сильвестра.

2. Apostolat modlitby spojený s úctou Božského Srdce Páně, čili čten. a rozjímaní o apostolatu a o Srdci Páně, modlitby ranní, večerní et cet. Výdal Josef Svoboda, kněz Tovaryšstwa Ježišova. S povolením duchovní vrchnosti. V Praze. Nákladem kněhkupectví B. Stybla.

3. Pravidla bratrstva, hodinky a modlitby ku poctě nejsvětějšího Srdce Pána Ježiše. V Praže 1865, Tiskem a nàkladem B. Stybla.

4. Fünf Sätze zur Erklärung und zur wissenschaftlichen Begründung der Andacht zum heiligsten Herzen Jesu und zum reinsten Herzen Mariä. Von Joseph Jungmann, Priester Gesellschaft Jezu, Doctor der Theologie und ord. Professor derselben an der Universität zu Innsbruk. Mit Gutheissung der Obern. Innsbruck 1869.

5. Die Andacht zum heiligsten Herzen Jezu und die Bedenken gegen dieselbe. Ein Schreiben an einen Freund aus dem Laienstande. Von Joseph Jungmann. Innsbruck 1871.

ства, такъ сказать, извлекла Его сердце и сдѣлала оное предметомъ своего служенія или культа.

Служеніе Сердцу одобрено и утверждено папами, снабжено „значительными духовными привиллегіями“, т. е. индульгенціями, и вошло въ практику латинской церкви. Поэтому о немъ можно говорить, какъ о такой опредѣленной разности, по которой вообще можно судить объ особенностяхъ этой церкви.

Правда, служеніе Сердцу Іисусову не относится къ области догматовъ и поэтому не должно бы имѣть мѣста въ нашемъ собственно догматическомъ изслѣдованіи [1]); но такъ какъ оно коренится въ свойствахъ латинскаго воззрѣнія и умосозерцанія, то мы считаемъ себя обязанными кратко обслѣдовать и этотъ предметъ. По плану нашего сочиненія намъ слѣдуетъ говорить только о существѣ самаго символа и служеніи ему; но опять и этимъ ограничиться нельзя. Такъ какъ служеніе тѣсно связано съ латинскимъ миссіонерскимъ обществомъ, или такъ называемымъ „апостолятомъ“, то придется коснуться и этого предмета, насколько того потребуетъ ясность и обстоятельность изложенія самой сущности дѣла.

I.

Изображеніе Іисусова сердца и опредѣленіе его значенія, какъ символа. Объясненіе его происхожденія изъ воззрѣнія латинской Церкви.

Начнемъ съ изображенія Сердца Іисусова.

Обыкновенно Сердце изображается или на персяхъ Христа Спасителя, или отдѣльно, — одно сердце само по себѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ оно рисуется одинаково: обвито терновымъ вѣнцомъ,—имѣетъ язву отъ копія, изъ язвы источаетъ капли крови и воды, окружено сіяніемъ, горитъ пламенемъ и, наконецъ, увѣнчано водруженнымъ на немъ кре-

[1]) Авторъ здѣсь разумѣетъ поставленную себѣ задачу полнаго изслѣдованія о всѣхъ разностяхъ въ вѣроученіи, существующихъ между церквами восточной и западной.

стомъ [1]). Подобнымъ образомъ изображается и „непорочно-зачатое“ Сердце Богоматери, только съ меньшими принадлежностями: оно обвито вѣнцомъ изъ розъ и пронзено или мечомъ, или крестомъ. Культъ обоимъ „Сердцамъ“ находится въ неразрывной связи; поэтому съ изображеніемъ Сердца Іисусова всегда рядомъ ставится и изображеніе Сердца Богоматери. Но мы будемъ говорить только о служеніи Сердцу Іисусову; ибо, какъ говорятъ сами латины,—служеніе Сердцу Богоматери аналогично со служеніемъ Сердцу Іисусову; почему сказанное о семъ послѣднемъ можетъ и должно относиться и къ тому.

Нѣтъ надобности усиленно доказывать, что какъ изобрѣтатели и поборники культа, такъ и освятившіе его своимъ верховнымъ авторитетомъ папы принимаютъ сердце въ смыслѣ *символа* пламенной любви Христовой. Но это не единственное и не совсѣмъ полное разумѣніе; вмѣстѣ съ символическимъ смысломъ они удерживаютъ и смыслъ *буквальный,* т. е. относятъ служеніе и почитаніе и къ *тѣлесному сердцу* Іисуса, какъ предмету достопоклоняемому по самому существу своему, чѣмъ и объясняется его отдѣльное изображеніе на иконахъ. Ученый поборникъ служенія сердца, профессоръ іезуитъ Юнгманъ, въ своемъ сочиненіи [2]) объ этомъ предметѣ защищаетъ и раскрываетъ слѣдующее положеніе: „Служеніе святѣйшаго Сердца Іисуса существенно направлено къ двоякому объекту: первый и главный предметъ онаго служенія образуетъ сердце Іисуса въ тропическомъ смыслѣ слова, а другой и второстепенный предметъ есть натуральный символъ перваго, *тѣлесное сердце* Спасителя (das leibliche Herz des Erlösers)“. „Мы должны, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, почитать также и тѣлесное сердце Искупителя и въ строгомъ смыслѣ слова *поклоняться* ему, такъ какъ оно принадлежитъ лицу Сына Божія [3])“... „Оно есть символъ любви, самое естественное и всенародное олицетвореніе того невидимаго, которое мы называемъ „сердцемъ“

---

[1]) Иногда изображается открытая язва, а въ язвѣ голубь.

[1]) Стр. 89.

[2]) Fünf Sätze von Jungmann. Стр. 55 и 83.

въ переносномъ смыслѣ. Это ясно было изложено двумя папами, Климентомъ XIII и Піемъ VI“ [1]).

Этотъ послѣдній предметъ, хотя и второстепенный, но такъ важенъ, что, по мнѣнію защитниковъ, отрицаніе его ведетъ къ ниспроверженію самаго служенія. „Насъ спрашиваютъ,—пишетъ Юнгманъ,—что̀ пользы янсенистамъ отвергать второстепенный предметъ культа? Отвѣчаемъ: это самое существенное. Какъ въ разумѣніи культа, по которому онъ отправляется, такъ и у заслуженнѣйшихъ поборниковъ и распространителей его, начиная съ блаж. Маргариты,—всегда было представленіе, что почитаніе „*тѣлеснаго* сердца Іисуса“ есть существенный элементъ культа. Если янсенизмъ правъ, то видѣнія *вдохновенной Салезіанки* суть произведенія возбужденнаго воображенія, а исходящій изъ Парэ-ле-Моніаль толчекъ къ тому движенію, которое мало по малу охватило всю католическую Церковь и милліоны сердецъ обратило къ Сердцу ихъ Искупителя,—въ лучшемъ смыслѣ есть недоразумѣніе или благочестивый обманъ; — тогда не представляется ни малѣйшаго основанія и впредь почитать Сердце Іисуса ревностнѣе и торжественнѣе, чѣмъ какъ это дѣлалось въ прежніе вѣка. Но и это еще не все. Духъ ереси довольно хитеръ, чтобы понять, что популярность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическое достоинство славнаго служенія будутъ подорваны, какъ скоро удастся отрѣшить это служеніе отъ его наружнаго символа и чрезъ то у благочестивыхъ христіанъ вырвать чувственный предметъ и осязательный центръ ихъ почитанія. Нельзя отрицать, что тактика нападенія была вполнѣ достойною эхидной хитрости янсенизма. Естественнымъ послѣдствіемъ этой оппозиціи было то, что второстепенный предметъ служенія его защитниками былъ выдвинутъ на первый планъ. Вопреки заблужденію, католическіе богословы стали утверждать слѣдующія три положенія: во первыхъ, тѣлесное сердце Спасителя есть необходимый предметъ нашего поклоненія; во вторыхъ, этотъ органъ есть естественный символъ способности чувствованій, des Gemüths (der Liebe) и потому вполнѣ законно, если христіане

[1]) Andacht... Стр. 34, 35.

оказываютъ ему почитаніе, преимущественное предъ другими органами тѣла Христова; въ третьихъ, св. престолъ дѣйствительно одобрилъ почитаніе и этого тѣлеснаго сердца, а не одного только символическаго сердца Іисуса, т. е. Его любви и остальныхъ актовъ Его внутренней жизни“ [1]).

Признаемся, мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можно разсуждать и вести споръ о почитаніи *тѣлеснаго сердца* Іисусова. Намъ кажется, что какъ у противниковъ, такъ и у защитниковъ существуетъ великое недоразумѣніе. Говорить *о почитаніи тѣлеснаго сердца Іисуса*, когда этого сердца не существуетъ на землѣ, просто невозможно и ни съ чѣмъ несообразно. Мы почитаемъ останки святыхъ — цѣлое ли то тѣло или части, только тогда, когда имѣемъ ихъ по преданію: они тогда составляютъ для насъ святыню, какъ наличныя части того существа, которое мы чтимъ. Если бы и Христосъ оставилъ намъ какую либо часть своего человѣческаго существа, мы бы хранили и почитали ее, какъ безцѣнное сокровище. Но Христосъ, съ препрославленнымъ своимъ человѣчествомъ, во всей его цѣлости, вознесся на небо,—слѣдовательно о почитаніи какого либо тѣлеснаго Его органа рѣшительно не можетъ быть и рѣчи. Другое дѣло почитать *изображеніе* тѣлеснаго сердца Іисуса. Но и здѣсь можетъ также быть недоразумѣніе. Изъ цѣлаго состава человѣческаго тѣла Іисуса выдѣлять Его одно сердце, изображать его и затѣмъ почитать, какъ предметъ достойный почтенія самъ по себѣ, это опять такая же нелѣпость, какъ если бы кто, начертавъ мозги, написалъ бы подъ ними: „вотъ мозги св. Августина иппонійскаго,—почитайте ихъ и поклоняйтесь имъ“;—или, начертавъ уста, сказалъ бы: „вотъ златословесныя уста Златоуста, цѣлуйте ихъ“,—или, начертавъ руки, сказалъ бы: „вотъ чудодѣйственныя руки Моисея, чтите ихъ“; а начертавъ кость, сказалъ бы: „вотъ кость св. мученика Лаврентія—благоговѣйте предъ нею“. Каждый, если бы не почелъ такое изображеніе шуткой,—отвергъ бы оное, какъ грубѣйшее суевѣріе. Существенная и единственная причина, почему нельзя брать и изображать для почитанія

---

[1]) Fünf Sätze... Стр. 90, 91.

какіе либо органы Христа или святыхъ, заключается въ томъ, что органы не суть носители образа Божія и не имѣютъ своей индивидуальности или особности, какъ органы такого, а не другаго человѣка. Только человѣкъ какъ нравственное существо носитъ на себѣ образъ Божій и въ этомъ только смыслѣ можетъ быть предметомъ почитанія (Anbetung). Какъ членъ цѣлаго рода, человѣкъ носитъ на себѣ всѣ свойства и черты, общія его роду,—но какъ личность, онъ отличается отъ другихъ себѣ подобныхъ по своимъ особенностямъ, внутреннимъ и внѣшнимъ. Поэтому мы можемъ изображать воплотившагося Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа, какъ опредѣленную личность,—можемъ изображать св. угодниковъ Божіихъ, тоже какъ опредѣленныя личности, которыя имѣли свои личныя особенности, большею частію извѣстныя намъ по преданію, можемъ и должны почитать ихъ, какъ носителей образа Божія, который въ нихъ раскрылся съ особою ясностію; но можно ли что нибудь подобное сказать объ изображеніи и почитаніи какого бы то ни было тѣлеснаго органа, хотя бы и Христова? Органы не имѣютъ своихъ индивидуальныхъ особенностей, они общи цѣлому виду или даже роду,—каково напр. сердце; его устройство одинаково у всего рода теплокровныхъ животныхъ. Правда, каждый органъ въ каждомъ человѣкѣ непремѣнно долженъ имѣть какія нибудь особенности; но эти особенности—достояніе живаго человѣка и неизвѣстны не только непосредственному воззрѣнію, но даже и наукѣ; только исключительныя особенности, какія нибудь напр. уродства, могутъ выдѣлять органъ изъ ряда подобныхъ и придавать ему научный интересъ. Поэтому никакъ нельзя изображать мозги Августина, какъ Августина, или сердце Спасителя, какъ Спасителя,—тогда какъ самого Августина мы изображаемъ, какъ Августина,—а Спасителя, какъ Спасителя.

Чтобы сердце Спасителя обособить отъ другихъ сердецъ, для этого сами латины нашли необходимымъ присвоить ему нѣкоторыя украшенія, частію воображаемыя, каковы: сіяніе и пламень, а частію взятыя изъ дѣйствительности, съ цѣлаго Христа, каковы терновый вѣнецъ, язва отъ копія, капли крови и воды, и самый крестъ. Съ этими украшеніями ста-

новится понятнымъ, что такимъ образомъ нарисованное сердце принадлежитъ Христу. Но такъ какъ сдѣланное обособленіе принадлежитъ не природѣ сердца, а волѣ и намѣренію художниковъ, то картина получаетъ свой смыслъ не отъ *существа дѣла*, а *отвнѣ*, она служитъ выраженіемъ мысли своихъ сочинителей; а въ такомъ случаѣ сердце, съ приданными ему украшеніями, становится *знакомъ*, посредствомъ котораго хотятъ выразить *любовь Христову*, иначе *символомъ*. Единственно въ этомъ только смыслѣ,—въ смыслѣ *символическомъ*, изображеніе сердца Христова и можетъ быть предметомъ нашего обсужденія и нашей рѣчи.

Когда такимъ образомъ мы строго опредѣлили для себя смыслъ изображенія Сердца Іисусова, тѣмъ самымъ мы уже показали невозможность его почитанія. Но защитники твердо настаиваютъ на этомъ пунктѣ, говоря, что символъ сердца имѣетъ *исключительное* значеніе самъ по себѣ, какъ часть тѣла Христова, и требуетъ потому *абсолютнаго* почитанія". „Нужно различать два рода символовъ, разсуждаетъ іезуитъ Юнгманъ. Есть символы, которые имѣютъ значеніе только по отношенію къ нашей нравственной (ethischen) дѣятельности, насколько они служатъ *символами, знаками* чего-то другаго; и есть символы такіе, которые уже по существу, сами по себѣ, и независимо отъ того, что представляютъ, требуютъ нашего почтенія и любви. Агнецъ напр. есть символъ Спасителя (символъ впрочемъ запрещенный пятошестымъ вселенскимъ соборомъ, но еще сохраняющійся въ латинской церкви), голубь—Св. Духа, око—всевѣдѣнія Божія. Образа, на которыхъ мы видимъ символическія изображенія этого рода, требуютъ нашего почитанія, но это почитаніе исключительно относительное. Если мы не станемъ смотрѣть на символическое значеніе означенныхъ изображеній, или представляя себѣ агнца и голубя, отрѣшимся отъ отношеній ихъ къ Божественнымъ Лицамъ, Которыхъ они изображаютъ, то они тотчасъ перестаютъ быть предметомъ нашего почитанія. Тѣлесное сердце—символъ не такого рода. Правда, мы избираемъ его предпочтительно предъ другими частями тѣла Богочеловѣка въ особенный предметъ нашего почитанія потому, что оно есть символъ невидимаго сердца, которое

мы хотимъ почтить. Но оно и по существу, само по себѣ требуетъ нашего *абсолютнаго почитанія*, такъ какъ тѣлесное сердце Іисуса есть нераздѣльная часть самого Богочеловѣка. Какъ такое (т. е. какъ часть?!), оно образуетъ само по себѣ необходимый предметъ нашего почитанія, и притомъ *такого почитанія*, какое принадлежитъ самому Лицу Богочеловѣка, т. е. *служенія* (latria) въ собственномъ смыслѣ этого слова [1])".

Мы нарочно привели всю рѣчь автора, чтобы сдѣлать на нее свои замѣчанія и покончить съ этимъ предметомъ.

Здѣсь, во-первыхъ, мы видимъ смѣшеніе представленій о тѣлесномъ сердцѣ съ его изображеніемъ, на каковомъ смѣшеніи и основывается все недоразумѣніе. Въ началѣ авторъ заговорилъ о символическомъ изображеніи сердца, а въ концѣ свелъ свою рѣчь на сердце, какъ часть тѣла Христова, вслѣдствіе чего вышло, что *изображеніе* сдѣлалось *частью* самого Богочеловѣка, а затѣмъ и заключеніе, рѣшительно невозможное по своему существу: изображенію нужно оказывать такое же *служеніе* (latria), какое слѣдуетъ воздавать части тѣла Господа (напр., реликвіи, еслибы таковая имѣлась), а части тѣла такое же, какое слѣдуетъ самому Господу. Слѣдовательно и изображенію сердца слѣдуетъ воздавать служеніе (latria), подобающее самому Господу!

Здѣсь, очевидно, во вторыхъ,—въ понятіяхъ объ *изображеніи* и *почитаніи* существуетъ неопредѣленность, неясность и сбивчивость. Какъ видно, авторъ забылъ совершенно опредѣленія VII вселенскаго собора объ иконопочитаніи. На этомъ соборѣ ясно опредѣлено, что „честь, воздаваемая иконѣ, относится къ ея первообразу, и поклоняющійся иконѣ поклоняется *ипостаси* (т. е. лицу) изображеннаго на ней [2])".

По смыслу этого опредѣленія, мы должны изображать на иконѣ не часть какого-нибудь тѣла, а личность, которая носитъ въ себѣ образъ Божій. А такъ какъ лице человѣка есть зеркало его души, то на иконахъ и изображается глав-

---

[1]) Fünf Sätze... Стр. 62, 63.

[2]) Дѣян. Всел. Соб. т. VII стр. 593, 594, въ перев. Каз. Академіи.

нымъ образомъ *лице* [1]), а съ лицемъ и прочія части, смотря по мѣсту полотна и по желанію художника. Отъ изображенія лица уже удобно переноситься мыслію къ первообразному, т. е. къ тому живому лицу, которое изображено на иконѣ, и уже этому лицу (vпостаси) выражать или къ нему относить свое почитаніе. Какое же *служеніе* (latria) можетъ быть воздаваемо нарисованному сердцу и отъ него *первообразному*, т. е. настоящему сердцу? Это значило бы, что смотря на картину сердца, мы должны представить себѣ первообразъ изображеннаго, т. е. дѣйствительное сердце Христово, какъ часть Его тѣла, а для сего мысленно вскрыть Его грудь и въ ней созерцать животрепещущее сердце Его. Таково бы было почитаніе сердца Іисусова, взятое по существу. Есть ли въ этомъ какой-нибудь человѣческій смыслъ?

Такимъ образомъ мы возвращаемся къ сдѣланному уже нами заключенію, что изображеніе сердца Іисусова можетъ быть принимаемо только въ одномъ и единственномъ смыслѣ *символа:* сердце взято въ смыслѣ пламенной любви Христовой.

Но если такъ поставить дѣло, то мы необходимо прихо-

---

[1]) Чтобы дать обращикъ латинскаго мышленія по этому предмету, приведемъ еще отрывокъ изъ того же сочиненія. Отвѣчая на возраженіе своего оппонента, что „лучше покланяться цѣлому Спасителю, чѣмъ одному Его сердцу",—іезуитъ Юнгманъ пишетъ: „Въ томъ же письмѣ, гдѣ ты повторилъ это возраженіе, ты прислалъ мнѣ свою фотографическую карточку. Если бы твое мнѣніе было основательно, то я долженъ бы былъ возвратить тебѣ эту карточку; потому что ты—мой другъ, а не голова твоя, и не верхняя половина тѣла, которая представлена на карточкѣ и которая дѣйствительно удалась превосходно. А когда 8 декабря нынѣшняго года при торжественномъ открытіи собора, кардиналы въ знакъ почтенія цѣловали у папы руку, епископы—колѣно, остальные же члены собора, не имѣющіе епископскаго сана—ногу, развѣ при этомъ каждый изъ нихъ чествовалъ не личность намѣстника Христова, но первые только его руку, а послѣдніе только ногу".—Andacht... Стр. 36, 37. Сущность этого отвѣта заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ отождествляется изображеніе *сердца* съ изображеніемъ *лица*, что не одно и то же, какъ мы показали выше; во второмъ же отношенія къ *образу* съ отношеніями къ *живому человѣку*,— что опять далеко не одно и то же.—Таково латинское мышленіе.

димъ къ новому вопросу: имѣемъ ли мы нужду и право для обозначенія любви Христовой создавать особый символъ, когда уже существуетъ дѣйствительное, данное самимъ Христомъ ея изображеніе въ Его животворящемъ крестѣ? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ открываются глубочайшія разности церквей, православной и латинской, въ ихъ воззрѣніяхъ и отношеніяхъ къ кресту Христову.

Къ православной Церкви, собственно говоря, вопросъ этотъ неприложимъ; она всегда взирала и взираетъ на крестъ Христовъ, какъ на полнѣйшее и совершеннѣйшее выраженіе любви къ намъ Божіей, и потому никогда не приходила къ мысли создавать новый какой-нибудь символъ для ея выраженія. Латинская же церковь, наоборотъ, находитъ, что крестъ Христовъ недостаточенъ, не полонъ, не соотвѣтствуетъ нуждамъ вѣры христіанина-католика, и потому создаетъ новый символъ любви, который и начинаетъ употреблять предпочтительно предъ крестомъ Христовымъ. Въ чемъ же заключается и на чемъ основывается эта противуположность взглядовъ той и другой церкви на крестъ Христовъ? Раскроемъ особенности воззрѣній сперва православной Церкви, а потомъ латинской.

По здравому сужденію, любовь, какъ отвлеченное понятіе по своей формѣ, и какъ начало нравственной жизни по своему существу, не можетъ быть выражена ни словами, ни красками: она являетъ себя только въ дѣйствіяхъ, въ поступкахъ нравственно-свободнаго существа, и только въ этихъ проявленіяхъ можетъ быть нами познаваема и изображаема. Въ порядкѣ жизни падшаго человѣчества, въ ряду всѣхъ проявленій любви, самоотверженіе до смерти, или смерть за другихъ, есть полнѣйшее и совершеннѣйшее ея выраженіе, ея завершеніе и запечатлѣніе. *Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя,* сказалъ Самъ Христосъ (Іоан. 15. 13). Посему выше, совершеннѣе, полнѣе и глубже креста Христова мы ничего не можемъ ни вообразить, ни выдумать для выраженія любви Его къ намъ. Онъ Самъ далъ намъ это выраженіе любви. Ученикъ любви св. Іоаннъ и исповѣдуетъ это, когда говоритъ: *о семъ познахомъ любовь, яко Онъ по насъ*

душу свою положи. (I Іоан. 3, 16). Ап. Павелъ, входя въ болѣе подробное изображеніе любви Христовой, въ самомъ самоотверженіи указываетъ нѣкоторыя степени совершенства и самоотверженную любовь Христову понимаетъ какъ самую совершенную. *„Едвали кто умретъ за праведника, развѣ за благодѣтеля, можетъ быть, кто и рѣшится умереть. Но Богъ Свою любовь къ намъ доказываетъ тѣмъ, что Христосъ умеръ за насъ, когда мы были еще грѣшниками.* (Рим. 5. 7, 8). Примѣръ этой любви такъ для насъ обязателенъ, что обращается въ заповѣдь, въ законъ. *Новую заповѣдь даю вамъ, да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбихъ вы.* (Іоан. 13, 34; 15, 12). Ап. Павелъ, убѣждая вѣрующихъ заботиться не только о себѣ, но и о другихъ,—говоритъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ,*—въ васъ должны быть тѣ же чувствованія, какъ и во Христѣ Іисусѣ“, — и вслѣдъ затѣмъ указываетъ на Его неисповѣдимое самоуничиженіе и послушаніе до смерти, *смерти же крестной* (Фил. 2, 4—8). Св. православная Церковь во дни воспоминаній о страданіяхъ и крестной смерти Христа Спасителя устами пѣснописцевъ и учителей старается вознести умные взоры своихъ чадъ отъ чувственной видимой стороны голгоѳскихъ событій къ разумѣнію тайны креста, къ созерцанію проявленной въ немъ любви, — и чрезъ то старается расположить ихъ къ усвоенію его духа и силы.—Образцовымъ выраженіемъ православнаго воззрѣнія на крестъ Христовъ могутъ служить проповѣди нашего знаменитаго учителя церкви, — блаженной памяти митрополита Филарета, на Великій Пятокъ и особенно его проповѣдь на слова: *Тако возлюби Богъ міръ.* (Іоан. 3. 16). Раскрывая эти слова, онъ учитъ насъ въ крестѣ Христовомъ созерцать любовь Отца небеснаго, давшаго для спасенія міра Своего Единороднаго Сына,—любовь Сына Божія, во плоти приносящаго себя въ жертву за грѣхи міра, и любовь Духа Св., открывающаго свое торжество въ смерти страждущаго Агнца Божія. Сдѣлаемъ нѣкоторыя извлеченія изъ этого замѣчательнаго слова.

„Очистимъ и расширимъ око наше любовію, говоритъ нашъ ораторъ, и тамъ, гдѣ оно смежалось страхомъ Божія

суда, насладимся зрѣніемъ любви Божіей. *Богъ любы есть* (I Іоан. 4, 16), говоритъ созерцатель любви. Богъ есть любовь по существу, и самое существо любви. Всѣ Его свойства суть облаченія любви; всѣ дѣйствія—выраженія любви. Въ ней обитаетъ Его всемогущество всею полнотою своею; она есть Его истина, когда осуществуетъ возлюбляемое; она есть Его премудрость, когда учреждаетъ существующее или существовать имѣющее, по закону истины; она есть Его благость, когда премудро раздаетъ истинные дары свои; наконецъ, она есть Его правосудіе, когда степени и роды ниспосылаемыхъ или удерживаемыхъ даровъ своихъ измѣряетъ премудростію и благостію, ради высочайшаго блага всѣхъ своихъ созданій. Приближьтесь и разсмотрите грозное лицо правосудія Божія, и вы точно узнаете въ немъ кроткій взоръ любви Божіей. Человѣкъ своимъ грѣхомъ заградилъ отъ себя присносущій источникъ любви Божіей: и сія любовь вооружается правдою и судомъ,—для чего?—дабы разрушить сей оплотъ раздѣленія. Но какъ ничтожное существо грѣшника подъ ударами очищающаго Правосудія невозвратно сокрушилось бы, подобно сосуду скудельному: то непостижимый Душелюбецъ посылаетъ единосущную Любовь Свою, т. е. Единороднаго Сына Своего, дабы Сей, *носящій всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. 1, 3), воспріятою на себя плотію нашею кромѣ грѣха, понесъ и тяжесть нашихъ немощей, и тяжесть подвигшагося на насъ правосудія; и единъ истощивъ стрѣлы гнѣва, изощренныя на все человѣчество, въ крестныхъ язвахъ своихъ открылъ бы незаградимые источники милосердія и любви, долженствующіе упоить всю, проклятую нѣкогда, землю благословеніями, жизнію и блаженствомъ. *Тако возлюби Богъ міръ*".

„Но, если Отецъ небесный изъ любви къ міру предаетъ единороднаго Сына Своего, то равно и Сынъ изъ любви къ міру предаетъ Себя Самого... *Пребывая въ Его любви*, въ ней Онъ и Самъ воспріемлетъ въ Свою любовь все, Отцу любезное, какъ и глаголетъ: *возлюби Мя Отецъ и Азъ возлюбихъ васъ* (Іоан. 15, 9—10). И такимъ образомъ любовь Отца небеснаго чрезъ Сына простирается къ міру. Здѣсь имѣющій очи да видитъ глубочайшее основаніе, и первоначаль-

ный внутренній составъ креста, изъ любви Сына Божія ко всесвятому Отцу Своему, и любви къ человѣчеству согрѣшившему, одна другую пресѣкающихъ, и одна другой придержащихся, повидимому, раздѣляющихъ единое, но во истину соединяющихъ раздѣленное. Любовь къ Богу ревнуетъ по Богѣ: любовь къ человѣку милуетъ человѣка. Любовь къ Богу требуетъ, чтобы соблюденъ былъ законъ правды Божіей: любовь къ человѣку не оставляетъ и нарушителя закона погибать въ неправдѣ своей; любовь къ Богу стремится поразить врага Божія: любовь къ человѣку вочеловѣчиваетъ Божество, дабы посредствомъ любви къ Богу обожить человѣчество: и между тѣмъ какъ любовь къ Богу *возноситъ отъ земли Сына человѣческаго* (Іоанн. 12; 32, 34), а любовь къ человѣку разверзаетъ объятія Сына Божія къ земнороднымъ,—сіи противоположныя стремленія любви соприкасаются, сорастворяются, уравновѣшиваются и слагаютъ изъ себя то дивное средокрестіе, въ которомъ прощающая *милость* и судящая *истина срѣтаются*, *правда* Божества и миръ человѣчества *лобызаются*, чрезъ которое небесная *истина возсіяваетъ отъ земли и правда* уже не грознымъ окомъ *приникаетъ съ небеси*, *Господь даетъ благость землѣ, и земля даетъ плодъ свой небу* (Пс. 84, 11—13)".

Еще Христосъ на крестѣ, а благодатная сила его уже начинаетъ дѣйствовать. Разбойникъ въ покаяніи молящійся о царствіи,—язычникъ, исповѣдующій Распятаго Сыномъ Божіимъ, — Іосифъ аримаѳейскій, прежде тайный ученикъ Христа, а теперь получающій *дерзновеніе* выразить свое почтеніе къ Учителю,—возставшія изъ гробовъ *многія тѣлеса усопшихъ святыхъ*, вотъ первые плоды крестной силы.—„Но чѣмъ далѣе простираться будетъ сила креста: тѣмъ болѣе торжественны будутъ ея дѣйствія. Она сосредоточитъ въ единомъ Іисусѣ распятомъ всякую власть на небеси и на земли, дастъ ощутить силу благодатнаго владычества Его и сущимъ въ темницѣ *духовомъ*, вознесетъ Его превыше всѣхъ небесъ; низведетъ Имъ оттолѣ Утѣшителя, Который не пришелъ бы, если бы Іисусъ не прошелъ путемъ креста и не содѣлалъ его путемъ истинно царскимъ. Тогда *любовь Божія* безпрепят-

ственно и презобильно *изліется* въ жаждущія *сердца* вѣрующихъ *Духомъ Святымъ* (Рим. 5, 5), и не смотря ни на какія препятствія, поведетъ крестными подвигами искупленный міръ ко всеобщему торжеству освященія и прославленія... И любовь, подобно предуготованному елею мудрыхъ дѣвъ, непримѣтно для юродивыхъ, соблюдется дотолѣ, какъ явится вожделѣнный Женихъ, и она седмеричнымъ пламенемъ воспылаетъ въ день брака агнчаго; — и дотолѣ, какъ прейдутъ небо и земля, и вѣра и надежда, и *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28), поелику во всѣхъ Богоносныхъ сердцахъ будетъ *любовь, изліянная* въ нихъ *Духомъ Святымъ* чрезъ язвы крестныя".

„Вотъ, христіане, и начало и средина, и конецъ креста Христова —все одна любовь Божія! Какъ въ чувственномъ семъ мірѣ, куда ни простремъ взоръ—къ Востоку или Западу, къ Югу или Сѣверу, всюду зрѣніе упадаетъ въ неизмѣримость неба: такъ и въ духовной области таинъ, по всѣмъ измѣреніямъ креста Христова, созерцаніе теряется въ безпредѣльности любви Божіей. Прекратимъ дерзновенное о семъ нѣмотствованіе. Слово крестное чѣмъ болѣе изрекается, тѣмъ болѣе онѣмѣваетъ языкъ плоти, и око земнаго ума слѣпотствуетъ отъ избытка небеснаго свѣта крестнаго. Самъ вѣчный Художникъ креста, *Отецъ Господа нашего Іисуса Христа да дастъ вамъ по богатству славы Своея, силою утвердитися духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ; вселитися вѣрою Христу въ сердца ваша: въ любви вкоренени и основани, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумѣти же* въ семъ непостижимомъ многокрестіи единую *преспѣющую разумъ любовь Христову, да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе* (Еф. 3, 14—19). Поелику же нашъ крестъ долженъ быть подобіемъ креста Христова: то не отрадно ли теперь помыслить, что и нашъ крестъ долженъ состоять изъ единыя любви?" [1]).

Другіе православные богословы раскрываютъ другія стороны того же необъятнаго предмета любви Божіей. Такъ

[1]) Сл. и рѣчи митр. Филарета. 1844. Т. I, стр. 85—93.

одинъ [1]), продолжая развитіе мыслей митрополита Филарета, съ особенною обстоятельностію останавливается на мысли о существѣ любви Божіей къ человѣку, и о томъ, какъ Боголюбезенъ духъ человѣколюбія Христова, по которому Онъ предалъ Себя крестной смерти, какъ виновный за всѣхъ. Вотъ его мысли: когда Христосъ, предъ вступленіемъ въ общественное служеніе явился къ Іоанну, чтобы принять отъ него *крещеніе покаянія,* и тѣмъ исполнить *всякую правду,* слѣдовательно, явился въ расположеніи Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, то тотчасъ же при выходѣ изъ воды Отецъ небесный засвидѣтельствовалъ Ему Свое благоволеніе: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ,* а Духъ Божій сошелъ на Него, и почилъ на Немъ, т. е. на Его человѣчествѣ. Въ другой разъ точно такое же благоволеніе Отецъ небесный выразилъ Ему на горѣ преображенія, когда Христосъ послѣ молитвы бесѣдовалъ съ Моисеемъ и Иліею о своихъ грядущихъ страданіяхъ въ Іерусалимѣ. Подобное было и въ третій разъ, когда по случаю желанія эллиновъ видѣть Іисуса, Онъ возмутился духомъ при мысли о наступающемъ грозномъ часѣ своего страданія и послѣдующемъ затѣмъ отверженіи іудеевъ и призваніи язычниковъ, и возопилъ къ Отцу: *Отче! прослави имя Твое.* Тогда пришелъ съ неба гласъ: *и прославихъ, и паки прославлю* (Іоан. 12, 28). Предъ самыми страданіями своими Онъ снова обращался къ Отцу небесному съ тою же мольбою: *Прослави Мя Ты, Отче, у Тебе самаго славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть.* (Іоан. 17, 5). Но на сей разъ, какъ и во все остальное время *крестныхъ страданій Господа,* не было съ неба благоволительнаго призрѣнія Божія,—а Страдалецъ дошелъ до такой непостижимой глубины страданій, что чувствовалъ себя какъ бы оставленнымъ Божествомъ. Но чрезъ это-то крайнее самопостщаніе и совершилось искупительное служеніе Его какъ Мессіи, чрезъ это послѣднее и крайнее выраженіе своего человѣколюбія Онъ вошелъ и своимъ человѣчествомъ въ ту пренебесную славу,

---

[1]) Это арх. Ѳеодоръ Бухаревъ. Смотри его статью о 12 праздникахъ въ книгѣ „О православіи въ отношеніи къ современности“.

какую имѣлъ у Отца по своему Божеству еще до сложенія міра. *Дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мѳ. 28, 18), сказалъ Онъ ученикамъ своимъ по воскресеніи. Такимъ образомъ въ своемъ препрославленномъ человѣчествѣ Онъ открылъ источникъ божественной любви для всѣхъ людей.

Сіе да мудрствуется въ насъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, т. е. чтобы войти въ любовь Отца небеснаго и сдѣлаться участниками въ дарахъ Св. Духа,—мы должны усвоить себѣ духъ человѣколюбія Христова, именно въ этой силѣ входить въ такую любовь къ ближнимъ нашимъ, чтобы печалиться, скорбѣть и болѣть о чужихъ бѣдахъ, недугахъ, скорбяхъ и грѣхахъ, какъ о своихъ собственныхъ и доводить эту скорбь до готовности на самопожертвованіе, какъ напр., мы видимъ это въ св. ап. Павлѣ, который, „какъ мать раждающая, болѣзновалъ о галатійскихъ христіанахъ, смущенныхъ лжеучителями“ (Гал. 4. 19), и который „имѣлъ печаль и непрестанное мученіе сердца ради израильтянъ, остававшихся въ ослѣпленіи и упорствовавшихъ въ невѣріи, — и готовъ былъ за нихъ быть отлученнымъ отъ Христа“ (Рим. 9, 2. 3). Такимъ *мудрствованіемъ еже и во Христѣ* мы не только сами на себя будемъ привлекать благоволеніе Божіе, но и на тѣхъ, къ которымъ будемъ относиться по духу человѣколюбія Христова.

И такъ крестъ Христовъ—ничѣмъ незамѣнимое выраженіе любви Христовой и безцѣнное знаменіе нашего спасенія. „Какъ видимый, вещественный крестъ есть державное знаменіе видимаго царства Христова; такъ крестъ таинственный—печать и отличіе истинныхъ и избранныхъ рабовъ невидимаго царствія Божія. Онъ есть драгоцѣнный залогъ любви Божіей, жезлъ Отчій, не столько наказующій и сокрушающій, сколько насущій и утѣшающій (Пс. 2, 9; 22, 4); очистительный огнь вѣры, спутникъ надежды, укротитель чувственности, побѣдитель страстей, возбудитель къ молитвѣ, стражъ чистоты, отецъ смиренія, наставникъ мудрости, пѣстунъ сыновъ царствія Божія“ [1]). Если таково зна-

[1]) Слова и рѣчи митр. Филарета. 1844. Т. 1, стр. 79.

ченіе креста, то само собою понятно, что онъ долженъ оставаться для христіанъ всѣхъ вѣковъ и народовъ постоянно новымъ, всегда живымъ, всегда совершеннымъ источникомъ размышленія, созерцанія и спасенія. Каждый долженъ возвышаться къ его разумѣнію и усвоять его спасительную силу; потому и пастыри и учители церкви какъ сами обязаны упражняться въ его созерцаніи, такъ и своихъ пасомыхъ обучать этому упражненію, постоянно возвращать ихъ мысль и вниманіе къ этому предмету и постоянно глубже и глубже вводить ихъ въ созерцаніе крестной тайны, чтобы изъ нея они напаялись силою любви Христовой.

Совсѣмъ не таково воззрѣніе латинянъ.

Желая выставить на видъ пламенную любовь Христову и сдѣлать изъ нея предметъ особаго богопочтенія, они строятъ такого рода умозаключеніе: пламенная любовь Христа, со всѣми другими совершенствами Его сердца (въ переносномъ смыслѣ), требуетъ съ нашей стороны изученія, почитанія и благодарности. А чтобы изучать, почитать и благодарить, для этого нужно эту любовь или это невидимое сердце воплотить въ чувственномъ образѣ, въ какомъ-нибудь символѣ. А такой символъ есть тѣлесный органъ Христа, Его тѣлесное сердце,—почему и слѣдуетъ сему послѣднему воздавать служеніе (latria), какое подобаетъ самому Богочеловѣку".

Основное заблужденіе, на которомъ построено все это умозаключеніе и утверждается все служеніе Сердцу Іисусову, состоитъ въ томъ, что, снятое съ Христа посредствомъ отвлеченія, понятіе о Его любви—взято, какъ нѣчто отдѣльно и самостоятельно въ Немъ пребывающее, какъ *живое личное представленіе*. Не Самъ Христосъ есть олицетвореніе пламенной любви, какъ бы слѣдовало понять, а Его невидимое сердце, воплощенное въ видимомъ; не Его во всей цѣлости нужно изучать, любить, благодарить и прославлять, а часть Его существа, чрезъ Его видимое—невидимое сердце,—т. е. нѣкоторыя отъ Него взятыя и въ тѣлесномъ сердцѣ воплощенныя совершенства, или, какъ латины говорятъ, добродѣтели. Такимъ образомъ понятіе Христа становится тѣснѣе, сосредоточеннѣе; представленія о Немъ сводятся къ одной

90264

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

точкѣ, какъ лучи свѣта чрезъ выпуклое стекло въ одинъ фокусъ. Является новый Христосъ *сосредоточенный*, такъ сказать, *концентрированный*, да проститъ намъ Господь такое грубое выраженіе, но вполнѣ выражающее сущность латинскаго изобрѣтенія!

Объясненія по этому поводу профессора іезуита Юнгмана представляютъ картину того движенія (процесса) мысли, посредствомъ котораго сначала сдѣланы были отвлеченія, а затѣмъ отвлеченіямъ дано олицетвореніе.

Сдѣлаемъ обозрѣніе самыхъ существенныхъ частей этого движенія. Такъ, сказавъ, что Христосъ на Себѣ показалъ образецъ любви, милосердія, послушанія, кротости, смиренія и под.,—защитникъ культа выводитъ слѣдующее справедливое заключеніе: „Онъ вправѣ отъ насъ требовать: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. 11, 33); почему и Апостолъ увѣщаваетъ насъ воспитывать въ себѣ тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Іисусѣ“. Это первая часть процесса [1]).

Затѣмъ слѣдуетъ вторая. „Но въ состояніи ли мы это сдѣлать, если мы не знаемъ основательно этихъ чувствованій? и возможно ли намъ знать ихъ основательно, если мы не направимъ себя всецѣло на то, чтобы ихъ понять, изучить, со вниманіемъ и тщательностію разсмотрѣть внутреннюю жизнь Господа (потому что только чрезъ нее мы можемъ понять внѣшнія дѣйствія Господа)? Преодолѣетъ ли Его самоотверженіе наше себялюбіе и Его самопожертвованіе—нашу страсть къ наслажденіямъ? проникнетъ ли на долгое время кротость и смиреніе Его *сердца* въ наше и вытѣснитъ ли оттуда гордость, если *это самое сердце не стоитъ предъ нашими глазами?* (Этимъ полагается начало олицетворенія). Если мы теперь размышляемъ о любви Іисуса, если припоминаемъ Его страданія, если молимся къ Его благости, надѣемся получить помощь отъ Его состраданія,—милости и прощенія отъ Его милосердія, если разсматриваемъ Его расположенія и Его внутреннюю жизнь, — то *что мы дѣлаемъ, какъ не прославляемъ Его сердце въ переносномъ смыслѣ (?!)*.., Сомнѣваешься

[1]) Andacht... Стр. 24, 25.

ли ты, что эти упражненія согласны съ основоположеніями вѣры и разума?“ [1]).

Далѣе слѣдуетъ третья часть—потребность въ олицетвореніи. „Теперь скажи мнѣ: еслибы тебя спросили: какія средства надо бы намъ употребить, чтобы облегчить себѣ тѣ упражненія, которыя по вышеуказанному составляютъ поклоненіе сердцу Іисуса? Какъ бы устроить это дѣло такъ, чтобы христіанъ, какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ, довести до того, чтобы они не забывали объ упомянутыхъ упражненіяхъ, напротивъ часто бы ихъ повторяли и все ближе и ближе съ ними знакомились; какой совѣтъ подалъ бы ты? Ты, я думаю, сказалъ бы: сѣдалище любви Іисусовой, Его внутреннихъ страданій и Его добродѣтелей (Tugenden)—сердце Іисуса въ переносномъ смыслѣ есть вещь совершенно невидимая, которую нельзя представить себѣ воображеніемъ, ни изобразить для людей посредствомъ какой-нибудь картины. Поэтому прежде всего *нужно пріискать какой-нибудь видимый знакъ, приличный символъ для упомянутаго невидимаго „сердца Іисусова“;* какъ скоро таковый найденъ, можно будетъ его размножить въ образахъ и образочкахъ, и тѣмъ поклоненіе Іисусову сердцу распространить повсюду, даже и между самими необразованными,... развѣсить эти образа по церквамъ и домамъ, и они сдѣлаются самыми дѣйствительными средствами напоминать христіанамъ о невидимомъ сердцѣ Іисуса и часто направлять къ нему ихъ мысли и благоговѣйныя чувствованія“ (т. е. не ко Христу, а къ сердцу [2]).

Итакъ любовь выдѣлена изъ Христа и сознана нужда воплотить ее въ какомъ-нибудь чувственномъ образѣ. Откуда же взять этотъ образъ? При рѣшеніи этого вопроса изобрѣтатели новаго символа встрѣтились съ прежнимъ символомъ любви Христовой, крестомъ;—но они его обошли, находя его недостаточнымъ, — на что и дали свои объясненія. Такъ іезуитъ Юнгманъ продолжаетъ: „Согласенъ ли ты съ планомъ, который я тебѣ описалъ? Въ этомъ случаѣ я спрошу

---

[1]) Ib. 26—28.
[2]) Ib. стр. 30.

дальше: какой же бы былъ самый подходящій, видимый знакъ, лучшій символъ для невидимаго сердца Іисусова? Крестъ, конечно, вполнѣ способенъ изображать собою страданія и смерть Спасителя и поэтому—подходящій символъ для Его любви къ намъ. Но онъ указываетъ только на это одно доказательство ея (!?); онъ не напоминаетъ намъ *непосредственно* ни о Его добродѣтеляхъ (Tugenden) и внутренней жизни, ни о другомъ великомъ дѣлѣ Его любви, -- о святѣйшемъ таинствѣ (причащенія). Чаша съ гостіей надъ нею, или колосья и виноградный гроздъ суть чувственное представленіе св. таинства, но они не заключаютъ въ себѣ другихъ моментовъ. Кратко, сколько бы ты ни искалъ, ты не найдешь другаго болѣе подходящаго символа для невидимаго сердца, какъ то видимое, которое съ первымъ носитъ одно имя, именно: тѣлесный органъ, называемый сердцемъ“ [1]).

Такъ [2]) совершилось воплощеніе или олицетвореніе любви Христовой въ символѣ сердца, и этотъ новый символъ предпочтенъ старому.

---

[1]) Ib. стр. 31.

[2]) Тотъ же самый процессъ іезуитъ Юнгманъ въ другой книжкѣ ведетъ нѣсколько иначе. Онъ раскрываетъ въ ней слѣдующія *пять положеній*:

I. Das natürliche Princip der Liebe, sowie aller übrigen Strebethätigkeiten, der übersinnlichen Güte oder Schlechtigkeit der Dinge gegenüber, ist in dem Menschen nicht der blosse rein geistige Wille, sondern das Gemüth. Eben dieses bildet darum naturgemäss auch den Träger seines ethischen Lebens. S. 1.

II. An den Thätigkeiten des Gemüths nimmt das leibliche Herz, mehr als irgend ein anderes Organ, einen sehr auffallenden, ganz singulären Antheil. 5, 13.

III. Die ältere Wissenschaft betrachtete in Folge jener innigen Beziehung das Herz als das Organ des sinnlichen Strebens. Das ist es indess, den Resultaten der neueren Physiologie zufolge, keineswegs: das Herz erscheint vielmehr lediglich als ein Organ des vegetativen Lebens, und muss auch in seiner Theilnahme an den Gemüthsthätigkeiten nur als solches gelten. S. 23.

IV. Auf die in dem Vorhergehenden besprochene physiologische Thatsache gründet sich der in allen Sprachen übliche Tropus, wonach „das Herz“ im übertragenen Sinne des Wortes, nicht das Organ des vegetativen, sondern den Träger des ethischen Lebens, das Gemüth, bezeichnet. S. 42.

Олицетвореніе любви въ символѣ сердца достигаетъ такой оконченности, что сердце становится совершенно *живымъ* лицемъ. Къ нему, какъ живому лицу, направлены *молитвы, размышленія, чувствованія, обращенія, воздыханія, благодареніе* и *прославленіе*. Словомъ, въ честь его установлено особое Богослуженіе, какъ-бы новоявленному и новопрославленному угоднику Божію; ибо, какъ сказано выше, ему подобаетъ такое же служеніе (latria), какое слѣдуетъ воздавать самому Богочеловѣку.

V. Die Andacht zum heiligsten Herzen Jesu richtet sich wesentlich auf ein zweifaches Object. Den ersten und hauptsächlichen Gegenstand derselben bildet das „Herz" Jesu im tropischen Sinne des Wortes: ihr zweiter und untergeordneter Gegenstand aber ist das natürliche Symbol des ersteren, das leibliche Herz des Erlösers. In ganz analoger Weise ist die Andacht zum reinsten Herzen Mariä aufzufassen. S. 54—112.

Въ раскрытіи этихъ положеній авторъ явилъ великую ученость, снабдивъ свое сочиненіе разными ссылками на древніе и новые авторитеты науки; но намъ кажется, онъ совершено напрасно потратилъ столько труда и побезпокоилъ столько авторитетовъ. У него фальшива—самая постановка вопроса; своими разсужденіями онъ, что называется, отводитъ только глаза. Вся его аргументація направлена къ утвержденію того, что „способность чувствованій", (das Gemüth) есть принципъ внутренней жизни и по связи съ тѣлеснымъ сердцемъ можетъ символизироваться въ немъ. Эту послѣднюю мысль не было никакой нужды доказывать, она уже практически доказана. Тѣмъ не менѣе однакожъ отсюда не слѣдуетъ тотъ выводъ, что необходимо „способность чувствованій" въ Спасителѣ воплощать въ символѣ Его Сердца и тѣмъ болѣе установлять въ честь этой способности—особое почитаніе (Andacht); между тѣмъ какъ авторъ имѣлъ въ виду доказать научнымъ образомъ именно эту мысль, какъ свидѣтельствуетъ заглавіе книжки. Самая сущность дѣла заключается въ томъ, (какъ мы уже и показали), имѣетъ-ли право Церковь создавать особый символъ любви, когда есть для нея дѣйствительное изображеніе въ крестѣ. А этого то вопроса Юнгманъ и не коснулся въ своей книжкѣ.

Далѣе. Самая научная постановка дѣла, какъ она представлена въ книжкѣ, грѣшитъ *преувеличеніемъ*. Никакой философъ, никакой психологъ, ни тѣмъ менѣе физіологъ не дерзнетъ доказывать ту невѣрную мысль, что „способность чувствованій" (das Gemüth) есть принципъ этической жизни. У людей, живущихъ *непосредственною* жизнію, это такъ,—но чѣмъ человѣкъ развитѣе въ духовной жизни, тѣмъ сильнѣе выступаетъ въ немъ разумный принципъ,—*умъ*. Умъ какъ владычественная сила души, управляетъ всѣми ея движеніями и опредѣляетъ самыя дѣйствія сердца... Но объ этомъ будетъ подробнѣе сказано во второй главѣ.

Приведемъ нѣсколько обращиковъ этого олицетворенія. Вотъ напр. вечернія привѣтствія Сердцу:

а) О Сердце Іисусово, въ таинствѣ алтаря сокрытое,
О Сердце вѣчнаго Слова,
О Сердце единороднаго Сына Божія,
О Сердце, отъ Духа Св. зачатое,
О Сердце, отъ Дѣвы Маріи рожденное
О Сердце, насъ ради человѣкъ принесенное,
О Сердце, ради грѣшниковъ умершее,
О Сердце всѣхъ сердецъ!
Твое, Іисусе, Сердце! мы ему покланяемся.
Твое, Іисусе, Сердце! мы любить его хотимъ,
Твое, Іисусе, Сердце! мы хвалить его хотимъ!
Versiculus: Любовію, которою ты пламенѣешь,
Responsorium: Воспламени наши холодныя сердца [1]).

} Хвала и вѣчная любовь да будетъ Тебѣ!

Во второмъ вечернемъ привѣтствіи Сердце величается „святыней Св. Троицы, сокровищемъ Божества, храмомъ святости, источникомъ праведности, берегомъ безопасности, условіемъ совершенства [2])“, въ третьемъ же, „принесеннымъ въ жертву, терпящимъ, оставленнымъ, поруганнымъ, осмѣяннымъ и преданнымъ [3])“.

Слѣдующее стихотвореніе представляетъ образецъ возношенія мыслей поклонника отъ изображенія сердца къ первообразному, т. е. тѣлесному сердцу во Христѣ:

Высшее сокровище небесъ,
Источникъ нашего спасенія,
Сердце Твое, Іисусе,
Славятъ благодарные гласы.

Да будетъ же прославляемо,
Отъ насъ величаемо,
Сердце Твое, Іисусе!
Да будетъ во вѣки чтимо!

---

[1]) Uplná Pob... Ruffera—стр. 148—149.
[2]) Ib. стр. 152.
[3]) Ib. стр. 175.

Это Сердце, которое отъ (начала) вѣковъ
Любовію къ людямъ кипѣло,
А изъ этой любви къ человѣку
Только жило и умирало.
Да будетъ же...

Ахъ! въ это Сердце глубоко
Вонзено копіе;
Въ потокѣ крови Его
Грѣхъ людей потопляется...

Кто имѣетъ сердце, погляди,
Какъ это Сердце бьется,
Какъ до послѣдней капли
Ради тебя кровь льется...

Посмотри, какъ умираетъ
Сердце твоего Господа,
И какъ въ немъ отверзаются
Тебѣ врата небесъ...

Течетъ изъ него сладость,
Издается райское благовоніе
На обновленіе жизни
Души, которая стонетъ...

Ахъ! душа моя тоже стонетъ
Отъ скорби и гибнетъ.
Божеское Сердце! Ты ее утѣшь,
Пусть минуетъ ее смерть!..

Сердце святое, слава Тебѣ!
Господу Спасителю
Буду воспѣвать благодаренія
Во всю свою жизнь [1])...

---

[1]) Prawidla bratr... стр. 5—6.

Слѣдующее стихотвореніе отличается силою возбужденія чрезъ подборъ хвалебныхъ возгласовъ:

„Сердце Господа! любовь моя, ты желанная лилія,
Дорогой перлъ, прекрасная роза, цвѣтокъ, пахнущій небомъ,
Рай мой, небо мое, спасеніе мое, Боже мой!
Научи меня любить Тебя, и въ любви Твоей сохраняй меня [1])"!

Въ такомъ же родѣ составлена длинная литанія. Она содержитъ до сорока обращеній къ Сердцу съ мольбою о помилованіи: „Сердце Іисусово, глубино божественной мудрости, помилуй насъ! Сердце Іисусово, сѣдалище благодати и даровъ Св. Духа, помилуй насъ! Сердце Іисусово, букетъ добродѣтелей, помилуй насъ! [2])" и такъ далѣе въ этомъ родѣ.

Представимъ теперь руководства, какія даются въ молитвенникахъ почитателямъ Сердца для истолкованія его изображенія со всѣми знаками. Вотъ напр.

1) *„Почитаніе креста надъ Сердцемъ Іисуса и просьба о любви ко кресту.*

О распятое Сердце моего Искупителя! Во все время пребыванія Твоего между людьми, Ты было осаждаемо различными скорбями, крестомъ и муками, но объятое потокомъ невыразимыхъ страданій и огорченій на древѣ креста, на которомъ Ты умерло посреди двоихъ разбойниковъ, Ты и по смерти, хотя уже давно было въ славѣ Отца небеснаго на тронѣ,—не хотѣло явиться людямъ иначе, какъ украшенное крестомъ, и чрезъ то (благоволило) насадить въ сердцахъ людей эту столь важную и возвышенную истину, что тотъ, кто Тобою не хвалится въ крестѣ и не любитъ Тебя, тотъ недостоинъ Тебя и долженъ считать себя слѣпымъ; поелику Богъ душѣ христіанской въ этой жизни не можетъ явить никакой большей милости, какъ когда оста-

[1]) Ib. стр. 10.
[2]) Ib. стр. 15—17.

вляетъ ее жить и умереть на крестѣ вмѣстѣ съ Сыномъ Своимъ. Ибо, какъ говоритъ св. Ап. Павелъ: знаменіе избранныхъ состоитъ въ томъ, чтобы быть уподобленнымъ Сыну Божію, терпѣть крестъ и всякія гоненія съ преданностію волѣ Божіей“ (?). О сердце Господа неба и земли, Который сокрылъ это отъ премудрыхъ и гордыхъ, а открылъ младенцамъ и смиреннымъ! почитаю эту тайну и прошу: всади эту науку (umění) всѣхъ святыхъ въ мое сердце, чтобы все свое богатство я находилъ въ нищетѣ, великую честь въ поношеніи, наивысшее удовольствіе въ крестѣ и мученіяхъ, а высшее свое блаженство въ томъ, чтобы быть въ состояніи на этомъ свѣтѣ раздѣлить судьбу моего Спасителя, гонимаго, терпящаго и на крестѣ умирающаго, или быть подобнымъ Ему. О сердце Іисуса! Ты книга вѣчной жизни, въ которой записаны всѣ предопредѣленные къ животу вѣчному. Ахъ, смиренно прошу Тебя, запиши въ святѣйшее Сердце свое и мое имя (имя рекъ), и имена моихъ друзей (имя рекъ), и благодѣтелей, и знакомыхъ, и всѣхъ чтителей Твоего сладчайшаго Сердца, чтобы намъ никогда не отдѣляться отъ Тебя, но постоянно быть въ союзѣ съ Тобою сперва здѣсь, а послѣ тамъ на всю вѣчность... Аминь [1]).

2) *„Почитаніе отверзтія Сердца Господа Іисуса и просьба о входѣ въ него.*

О Сердце, управляемое любовію и во все время страданія Твоего полное скорби! Ты хотѣло не только умереть въ мученіяхъ, но и по смерти явить свидѣтельство своей любви. Ударилъ и отверзлъ Тебя одинъ сотникъ копіемъ своимъ. Ты допустило это, чтобы въ Тебя можно было свободно войти. Чтимъ это таинственное Твое отверзтіе и поручаемъ себя всегда сладчайшему Твоему Сердцу. Аминь.

3) *„Почитаніе крови и воды, истекающихъ изъ Сердца Господа.*

О сладкое Сердце! ахъ, какъ много Тебѣ стоила моя душа! До послѣдней капли Ты выцѣдило за насъ кровь и воду. Честь славу и благодареніе воздаемъ Тебѣ за эту не-

---

[1]) Uplná Pob. Ruffera стр. 77—79.

выразимую любовь. Усердно просимъ Тебя, этой кровію и водою обмой мое сердце отъ беззаконій и расположи къ сокрушенію. О! удѣли мнѣ даръ слезъ, чтобы изъ любви къ Богу я горько плакалъ, и всѣ провинности сердца моего съ усердіемъ и охотою оплакивалъ, такъ сказать, кровавыми слезами, и чтобы обмытый отъ грѣховъ моихъ Твоею кровію и водою, всѣми желаніями стремился только къ Тебѣ. Какъ елень послѣ долгаго бѣга жаждетъ, ища источника воды къ утоленію жажды своей, такъ многими страстьми и похотѣніями измученная душа моя стремится къ Тебѣ, о кладезь всяческихъ утѣшеній! Ахъ! когда приближится тотъ счастливый часъ, когда любовь моя только Тебя станетъ желать, а любовь Твоя будетъ для меня все во всемъ? Когда жъ только однимъ Тобою, о моя истинная жизнь, я буду жить и чрезъ Тебя вѣчно блаженствовать".

4) *„Почитаніе пламеней любви, выходящихъ изъ Сердца Іисусова и просьба быть объятымъ отъ нихъ.*

О Іисусе! Какіе святые пламени любви мы видимъ исходящими изъ язвы Сердца Твоего! О таинство любви, которое было такъ долго сокрыто въ Тебѣ, а нынѣ явлено вдругъ! О мой сладчайшій Іисусе! какъ я буду въ состояніи по достоинству Тебя благодарить, что Ты любовь свою ко мнѣ хотѣлъ засвидѣтельствовать такимъ способомъ? О вы, наслаждающіеся любовію серафимы; о если бы я могъ съ вами любить это божеское Сердце! Ахъ, когда начну любить Сердце, которое возлюбило меня прежде, а изъ любви ко мнѣ истекало кровію до смерти. О пріятные и любви достойные пламени! Вы пожрали жизнь воплотившагося Бога; сдѣлайте же, чтобы я постоянно горячо любилъ, вздыхалъ о Томъ, Кто на позорномъ древѣ креста умеръ изъ любви ко мнѣ. Аминь.

5) *„Почитаніе терноваго вѣнца на Сердцѣ Іисуса и просьба о терпѣливомъ сердцѣ.*

О скорби и поношенія исполненное Сердце! ахъ! какъ изъязвлена была Твоя святѣйшая Глава острымъ терніемъ! ахъ! какія страшныя страданія Ты вытерпѣло за грѣхи человѣческаго рода! О кто взвѣситъ, оцѣнитъ, постигнетъ Твое неистощимое терпѣніе?!

Покланяемся Тебѣ со всѣми ангелами и воздаемъ Тебѣ сердечныя благодаренія за эти страданія и поношенія. О терпѣливое Сердце Іисуса Христа! удѣли и моему сердцу эти небесныя добродѣтели—терпѣніе и смиреніе, чтобы я, будучи членомъ Твоей вѣнчанной терніемъ главы, былъ смиренъ и терпѣливъ и нѣкогда прославленъ съ Тобою. Аминь“ [1]).

Приведемъ теперь наставленія, какъ надо размышлять при видѣ Сердца съ его украшеніями, — предложенныя въ видѣ проповѣди въ другомъ молитвенникѣ. Такъ какъ эти наставленія очень пространны, то мы извлечемъ только существенныя черты, по большей части въ собственныхъ выраженіяхъ автора. Такъ мы читаемъ:

„Посмотри на ликъ Спасителя, какая въ немъ кротость и доброта! Старайся и ты обходиться ласково и кротко съ тѣмъ изъ ближнихъ своихъ, кого ты хочешь обратить на путь спасенія; кротостію и лаской ты откроешь его сердце, узнаешь тайную причину его скорби, пріобрѣтешь его довѣріе, и онъ, когда ты ему посовѣтуешь, послѣдуетъ твоему совѣту“... Надо замѣтить, что наставленія даются членамъ апостолята, слѣдовательно приспособлены къ его цѣлямъ. „Вотъ ты видишь Сердце, увѣнчанное терніемъ; что это значитъ? Это значитъ, что какъ глава Христова была увѣнчана терніемъ за гордость человѣческаго разума, такъ *сердце*—за гордость человѣческаго сердца на покаяніе... заботься же о спасеніи твоего ближняго, но больше заботься о собственномъ; ибо, еслибы ты и цѣлый свѣтъ обратилъ къ Богу, а душѣ своей повредилъ, то твой подвигъ все равно, что ничего... Вотъ ты видишь капли на сердцѣ... вспомни, какъ Христосъ скорбѣлъ и тосковалъ въ саду геѳсиманскомъ, и подумай о тяжести грѣховъ человѣческихъ, которые отяготѣли на Христѣ, и расположись къ сокрушенію о грѣхахъ своихъ... Вотъ капли, падающія на землю... подумай о грозномъ правосудіи Божіемъ, вспомни и о тѣхъ людяхъ, которые, успокоивая себя милосердіемъ, забываютъ строгость суда Божія; поразмысли и о себѣ, и если ты еще ни разу не приносилъ подробнаго и обстоя-

[1]) Ib. 79—81.

тельнаго исповѣданія грѣховъ своихъ,—сдѣлай это, и ты увидишь, какъ перемѣнишься въ своихъ мысляхъ... Вотъ ты видишь пламень, исходящій изъ Сердца... научись ревновать о почитаніи Сердца Іисусова, распространяй между твоими ближними это служеніе, и ты за свою ревность удостоишься стать ближе къ своему Господу... Вотъ ты видишь свѣтъ, озаряющій Сердце... Если тебя озарилъ Господь свѣтомъ своей благодати, старайся и ты просвѣтить другихъ... Возьми себѣ на попеченіе какую-нибудь душу и заботься объ ея спасеніи; ибо какое участіе будешь брать въ попеченіяхъ Господа Іисуса, такое участіе получишь и въ Его славѣ; если малое участіе принималъ въ попеченіяхъ, то малое участіе получишь и въ славѣ, а если большое,—то большое и въ славѣ. Вотъ ты видишь прободенную язву, изъ которой истекли кровь и вода, вспомни о двухъ таинствахъ, крещеніи и причащеніи, на коихъ основана Церковь и молись за Церковь, а особенно ревнуй объ апостолятѣ; ибо это самое пріятное служеніе Богу... Вотъ ты видишь, наконецъ, послѣдній знакъ—крестъ надъ Сердцемъ... вспомни, что безъ креста, безъ огорченій нельзя подвизаться въ обращеніи грѣшниковъ,—за то какая ожидаетъ тебя слава на небѣ, когда ты явишься туда по смерти, или когда предстанешь на судъ Божій [1])"... (Описаніе этой славы смотри ниже).

Такъ совершилось олицетвореніе невидимаго сердца,—полное олицетвореніе пламенной любви. Вмѣсто одного образовались два представленія о Христѣ: одно — обычное, старое, другое — новое, сведенное къ представленію о любви. На сердце, какъ символъ любви, сведены всѣ черты цѣлаго Христа. *Сердце* и *Іисусъ* это два представленія — тождественныя по существу, — но различныя по свойствамъ представленія: Іисусъ — обширнѣе, чѣмъ Сердце,—а Сердце сосредоточеннѣе, сжатѣе, опредѣленнѣе, чѣмъ Іисусъ. По тожественности — оба представленія постоянно переходятъ одно въ другое,—но по качеству своей сосредоточенности выставляется по преимуществу Сердце.

---

[1]) Apostolat modl. стр. 130—172.

Отсюда и происходятъ такіе странные, ничѣмъ не оправдываемые обороты: „Сердце Іисуса, прошу Тебя, запиши и меня въ свое Сердце. Сердце Іисуса, чтимъ твое отверзтіе и вручаемъ себя Твоему Сердцу! Сердце, отъ Духа Св. зачатое, Сердце, проданное, оставленное, распятое, замученное, помилуй меня". Іезуитъ Юнгманъ съ неодобреніемъ приводитъ еще и такіе обороты изъ французскихъ молитвенниковъ, какъ слѣдующіе: „Рождество Сердца Іисусова", „воскресеніе Сердца Іисусова". „Мать Сердца Іисусова", „Сердце Іисусово, Ты благоволившее быть носимымъ по нашимъ улицамъ и входить въ наши домы". „Сердце Іисусово, Ты вѣчный, краеугольный камень, на которомъ почіетъ Церковь"! „Милостивое Сердце Іисусово, мы предаемъ Тебѣ Твою возлюбленную невѣсту, св. Церковь" и т. под. Напрасно онъ осуждаетъ только эти обороты: надобно осудить и тотъ самый процессъ, которымъ дошли до этого олицетворенія,—и которымъ шелъ самъ Юнгманъ. Виноватъ въ этомъ не французскій геній, какъ онъ говоритъ,—а вообще духъ латинской церкви, который нуждается въ такомъ олицетвореніи. Французы довели только до нелѣпости то, что фальшиво въ своемъ основаніи [1]).

Въ чемъ же заключается внутренняя причина устраненія креста и воплощенія любви въ новомъ символѣ, въ фигурѣ сердца? Отвѣта на этотъ вопросъ не приходится далеко искать. Сами латинскіе богословы даютъ его въ своихъ разсужденіяхъ о крестѣ и о новомъ символѣ,—именно: причина заключается въ *непосредственности* воззрѣнія латинянъ. Крестъ, по суду Юнгмана, хотя и говоритъ о любви, но *не вполнѣ;* ибо онъ *непосредственно* не говоритъ о добродѣтеляхъ Христовыхъ, о Его внутренней жизни и о таинствѣ причащенія,—т. е. почти ничего не говоритъ. Другой богословъ, іезуитъ Галлифе, защитникъ культа въ прошломъ столѣтіи, выражается яснѣе. „Въ праздники страданій Господа, Его св. пяти язвъ, терноваго вѣнца и гвоздей *непосредственный* предметъ почитанія не есть *любовь* Христова, но Его скорби. Напротивъ же въ праздникъ

[1]) Andacht... стр. 41—46.

Сердца—*непосредственный* предметъ почитанія, вмѣстѣ съ тѣлеснымъ сердцемъ Спасителя, есть Его *любовь*, которою оно воспламенено. Мы поэтому совершенно справедливо говоримъ, что на этомъ праздникѣ выставляется на видъ *собственно* и *единственно* любовь Христова [1])". Итакъ латинянинъ требуетъ *непосредственнаго выраженія*, а такъ какъ крестъ *непосредственно* не выражаетъ любви,—то и изобрѣли новый символъ, который удовлетворяетъ *непосредственному воззрѣнію*, прямо говоритъ о любви, о внутренней жизни, о добродѣтеляхъ и о таинствѣ причащенія. Значитъ, вся причина заключается въ *непосредственномъ* воззрѣніи.

Но въ такомъ воззрѣніи нѣтъ ли нѣкоторой доли, такъ сказать, оптическаго обмана, духовной незрѣлости? Въ самомъ дѣлѣ, нелегко понять, отчего защитникамъ новаго служенія кажется, что сердце прямѣе, полнѣе и непосредственнѣе говоритъ о любви, чѣмъ картина распятія Христова?—Во первыхъ. Многія изъ вышепредставленныхъ толкованій до того произвольны и натянуты, что еслибы они не были указаны въ руководствѣ, то до нихъ нельзя бы было добраться никакимъ родомъ; они не возбуждаются *непосредственно* картиной Сердца, не вытекаютъ изъ ея существа, а навязываются со стороны самими изобрѣтателями культа, а эти послѣдніе вдохновляются не сущностію дѣла, а цѣлями культа. Таковы напр. капли крови, объясняемыя въ двухъ видахъ,—отдѣльно, какъ нарисованныя на сердцѣ, и отдѣльно, какъ падающія на землю. Поэтому, если для созерцанія божественной любви въ крестѣ Христовомъ нужно руководство Церкви или ея пастырей, какъ болѣе опытныхъ въ созерцаніи божественныхъ таинъ, то тѣмъ болѣе это нужно при воззрѣніи на картину Сердца. Возьмите какой угодно знакъ на сердцѣ, напр. вѣнецъ; безъ руководства нельзя понять его значенія, да и самыя руководства различны. Одинъ говоритъ, что терновый вѣнецъ учитъ терпѣнію, а другой внушаетъ, что это наказаніе за гордость сердца. Легко ли додуматься до такихъ представленій?

Во вторыхъ. Для представленія любви хотя взята фи-

[1]) Fünf Sätze... стр. 75.

гура тѣлеснаго сердца, но такъ какъ эта фигура даже и съ своимъ пламенемъ не даетъ никакого опредѣленнаго понятія о проявленіяхъ любви,—то сами же изобрѣтатели культа для показанія опредѣленныхъ проявленій ея пользуются крестными страданіями и смертію Христа Спасителя, съ тѣмъ только различіемъ отъ насъ, что удаляютъ видъ распятаго Господа, а на мѣсто Его ставятъ сердце и это сердце снабжаютъ принадлежностями крестныхъ страданій. Такимъ образомъ по ихъ воззрѣнію выходитъ, что когда знаки страданій: терновый вѣнецъ, язва, капли крови и воды и самый крестъ, изображены на сердцѣ,—они прямѣе говорятъ о любви и полнѣе свидѣтельствуютъ о добродѣтеляхъ Христовыхъ, о внутренней Его жизни и о таинствѣ причащенія,—а когда—на образѣ распятія, тогда теряется непосредственность и полнота изображенія. Такое увѣреніе не доказываетъ ли, что произволъ какъ въ сочиненіи картины, такъ и въ ея толкованіи не имѣетъ никакого основанія. Въ самомъ дѣлѣ возьмемъ во вниманіе только одно увѣреніе, будто распятіе ничего не говоритъ о таинствѣ причащенія? Вѣрно ли это? Неужели съ того только времени стали понимать потоки крови, истекшіе изъ прободенныхъ ребръ Христовыхъ, въ смыслѣ таинства причащенія, когда оо. іезуиты сочинили картину Сердца, а до того времени этого не видѣли, не понимали и не знали? Смѣемъ увѣрить проповѣдниковъ культа, что кровь и вода, истекшія изъ пречистыхъ ребръ, всегда толковались св. отцами вселенской Церкви, какъ указанія на два таинства—крещеніе и причащеніе; и потому нѣтъ никакого основанія утверждать, что будто бы капли крови и воды на картинѣ Сердца лучше говорятъ о таинствѣ причащенія, чѣмъ когда онѣ на Распятомъ.

Итакъ ясно, что потребность замѣнить образъ распятія новымъ символомъ заключается не въ существѣ дѣла, а въ свойствѣ латинскаго воззрѣнія—въ *его непосредственности*. Какъ видно, образъ Распятаго на крестѣ останавливаетъ на себѣ *непосредственное* воззрѣніе вѣрующаго зрителя и не позволяетъ его чувствамъ и воображенію отрѣшиться отъ вида страданій Господа, потому и понадобился такой сим-

волъ, который бы, съ одной стороны, удалялъ видъ страждущаго Христа, а съ другой—имѣлъ бы все, что напоминало бы о Его крестныхъ страданіяхъ. Таковъ есть новый символъ: вмѣсто страждущаго Христа, на немъ изображена фигура Сердца съ знаками, которые напоминаютъ страданія Господа, но не представляютъ ихъ.

О достоинствѣ такого воззрѣнія весьма точно выражался митр. Филаретъ въ своей вышеупомянутой проповѣди. Онъ говоритъ: „Кажется, мы, и проникая въ тайну распятія и усматривая въ страданіяхъ Сына Божія волю Отца Его, болѣе ощущаемъ ужасъ Его правосудія, нежели сладость Его любви. Но сіе долженствуетъ увѣрить насъ не въ отсутствіи самыя любви, а только въ недостаткѣ нашей готовности къ принятію ея внушеній. *Бояйся не совершился въ любви* (I Іоан. 4, 18), говоритъ ученикъ любви".

Предъ нами такимъ образомъ выяснились разности воззрѣній той и другой церкви на крестъ Христовъ. Чтобы обозначить ихъ особенности—православное мы назовемъ *созерцательнымъ*, а латинское—*непосредственнымъ*.

II.

Внутреннія основы воззрѣній православной и латинской Церкви.

Мы указали только на разность воззрѣній, но этимъ вопросъ не исчерпывается. Надо еще показать глубочайшія основы и значеніе этихъ разностей; ибо есть же причины, почему православный имѣетъ такое воззрѣніе, а католикъ другое—у одного оно такъ обнаруживается, у другаго иначе?—Постараемся кратко отвѣтить на эти вопросы.

Православное воззрѣніе мы назвали *созерцательнымъ*. Этимъ наименованіемъ мы указали на ту силу, которая дѣйствуетъ въ этомъ воззрѣніи, — именно *умъ*. Эта сила собственно и опредѣляетъ характеръ и достоинства нашего православнаго воззрѣнія; она по всей справедливости есть наша

православная сила, потому объ ней мы и должны нѣсколько распространиться.

Значеніе *ума* въ духовной жизни христіанина со всею ясностію разработано и опредѣлено въ восточной Церкви трудами и усиліями восточныхъ аскетовъ, — и умъ потому всегда оставался и остается понятою и сознанною силою души въ православной Церкви. По ученію св. отцевъ, умъ есть владычественная сила души. „Умъ властно опредѣляетъ тѣло въ пищѣ, питіи и снѣ и во всякомъ дѣйствіи", учитъ св. Антоній Вел. [1]). Умъ въ душѣ, по ученію другаго отца, то же что хозяинъ, или что мужъ въ домѣ. „Умъ тщательно блюдетъ душу, и добрыя дѣла, какъ дѣтей, отъ нея раждаетъ и питаетъ, и такимъ образомъ они согласуются между собою, чтобы сдѣлаться единымъ сердцемъ. Душа уму, какъ жена мужу, подчиняется... Итакъ, когда душа повинуется уму, тогда мы въ чистотѣ изливаемъ предъ Богомъ молитвы свои, тогда благословляемъ Бога изъ сердца святаго, тогда осіяваемы бываемъ Богомъ, тогда содѣлываемся истинными Ему поклонниками,—такими, какихъ ищетъ Богъ". (Авва Исаія) [2]). „Умъ обожаетъ душу, а природа разлагаетъ тѣло. Въ каждомъ тѣлѣ дѣйствуетъ природа, но не въ каждой душѣ бываетъ умъ, почему не всякая душа спасается... душа безъ ума бездѣйственна (безплодна) и Бога достояніемъ своимъ имѣть не можетъ (Ант. Вел.) [3]). Почему внутренній строй ума, превосходнѣе тѣлесныхъ подвиговъ" [4]).

Умъ есть созерцательная сила души. Онъ стремится познать сущность предмета, въ измѣняемомъ неизмѣнное, въ чувственномъ духовное, во временномъ вѣчное, —чрезъ познаніе видимыхъ вещей онъ возносится къ созерцанію Сущаго. Подъ его водительствомъ христіанство является не только практикой жизни, осуществленіемъ отвлеченнаго начала любви, какъ нынѣ многіе хотятъ понять христіанство,— но познаніемъ и созерцаніемъ Бога, сведеніемъ въ одно истины, добра и красоты, — осуществленіемъ искомаго въ

[1]) Добротол. въ р. пер. 1877 г. т. 1, стр. 74. (?).
[2]) Ibid. стр. 348—9.
[3]) Ib. стр. 74.
[4]) Ib. стр. 128.

жизни единства истины и жизни. Человѣческая любовь, не озаряемая умомъ, не обоснованная на познаніи и любви Бога, не можетъ быть истинной любовію. Поэтому одинъ авва говоритъ (Евагрій монахъ): „христіанство есть законъ (δόγμα) Спасителя нашего Іисуса Христа, совмѣщающій что касается жизни, познанія вещей и Боговѣдѣнія". Отсюда „царствіе небесное есть безстрастіе души съ истиннымъ вѣдѣніемъ Сущаго". Или: „Царствіе Божіе есть вѣдѣніе пресв. Троицы, сопростирающееся соотвѣтственно состоянію ума и исполняющее его нескончаемо—блаженной жизни".

Чистый умъ, созерцая Бога, приходитъ въ восхищеніе, возвышается до небесной радости, дѣлается участникомъ блаженства горнихъ умовъ. „Умъ, побѣдивши страсти, восторгается горѣ Духомъ Св. и видитъ божественныя видѣнія" [1]). Или: „умъ, находящійся въ чистой и боголюбивой душѣ, истинно зритъ Бога, нерожденнаго, невидимаго, неизглаголаннаго. Единаго чистаго для чистыхъ сердецъ" [2]), говоритъ Антоній Великій. Но о восхищеніи ума больше всѣхъ писалъ св. Исаакъ Сиринъ. Приведемъ его слова, какъ видно, писанныя имъ по собственному опыту. „Иное дѣло, пишетъ онъ, молитвенное услажденіе, а иное молитвенное созерцаніе. Послѣднее въ такой мѣрѣ выше перваго, въ какой совершенный человѣкъ выше несовершеннаго отрока. Иногда стихи дѣлаются сладостными въ устахъ, и стихословіе одного стиха въ молитвѣ неисчетно продолжается, не дозволяя переходить къ другому стиху; и молящійся не знаетъ насыщенія. Иногда же отъ молитвы раждается нѣкое созерцаніе и прерываетъ оно устную молитву, и молящійся въ созерцаніи изумѣваетъ, цѣпенѣя тѣломъ. Такое состояніе мы называемъ молитвеннымъ созерцаніемъ, а не видомъ и образомъ, или мечтательнымъ призракомъ, какъ говорятъ несмысленные"... Объясняя далѣе чистую молитву, онъ продолжаетъ: „всѣ роды и виды молитвы, какими только люди молятся Богу, имѣютъ предѣломъ чистую молитву, а какъ скоро мысль преступила этотъ предѣлъ, не будетъ уже имѣть

---

[1]) Ib. стр. 506. (§).
[2]) Ib. стр. 77.

она ни молитвы, ни движенія, ни плача, ни власти, ни свободы, ни прошенія, ни вожделѣнія, ни услажденія чѣмъ либо изъ уповаемаго въ сей жизни, или въ будущемъ вѣкѣ. До сего только предѣла молитвенное движеніе и всѣ виды молитвы доводятъ умъ властію свободы. Потому и подвигъ въ молитвѣ. А за симъ предѣломъ будетъ уже изумленіе, а не молитва; потому что все молитвенное прекращается, наступаетъ же нѣкое созерцаніе, и не молитвою молится умъ. Всякая, какого бы то ни было рода, совершаемая молитва совершается посредствомъ движеній; но какъ скоро умъ входитъ въ духовныя движенія, не имѣетъ тамъ молитвы. Иное дѣло молитва, а иное—созерцаніе, хотя молитва и созерцаніе заимствуютъ себѣ начало другъ въ другѣ“ [1]). Таково значеніе ума въ духовной жизни христіанина, по разумѣнію св. отцевъ Церкви.

Такое пониманіе значенія ума положило свою печать на все наше православное Богослуженіе. Наше Богослуженіе получило свое начало въ монастыряхъ и составлялось подъ руководствомъ именно такихъ представленій объ умѣ и его значеніи. Наши молитвы, пѣснопѣнія, обряды, проповѣдь, пѣніе и живопись строго держатся характера библейскаго, сохраняютъ связь въ воззрѣніяхъ и представленіяхъ не только съ древнимъ періодомъ христіанской Церкви, но и съ Церковію ветхозавѣтною, съ пророчествами, прообразами и ея пѣснопѣніями, носятъ печать строгости, плавности и величаваго спокойствія, и охраняются отъ всего, что могло бы дѣйствовать на непосредственныя чувства и производить искусственное, разсчитанное потрясеніе.

То же пониманіе отразилось и на складѣ нашего мышленія. Наше мышленіе подъ руководствомъ ума стремится познать божественное откровеніе, какъ оно *есть*, а не мыслитъ его, какъ оно *могло бы* или *должно бы быть*; оно стремится подняться къ созерцанію самой *сущности* предмета, къ тому, что въ немъ есть неизмѣннаго, постоянно пребывающаго, а не къ опредѣленію однихъ его отношеній. Потому мышленіе

---

[1]) Исаака Сиріянина. Слова подвижническія. М. 1854 г., стр. 74, 75—76.

православное есть по всей справедливости мышленіе по *существу*, а не по отношеніямъ, — мышленіе *объективное* по преимуществу [1]).

Отсюда становится для насъ понятнымъ свойство нашего воззрѣнія на крестъ Христовъ и на наше отношеніе къ нему. Крестъ Христовъ всегда останется для насъ живымъ изображеніемъ любви; потому что при воззрѣніи на него нашъ умъ возводитъ насъ, съ одной стороны, къ пониманію тяжести грѣха, а съ другой, — къ созерцанію любви Божіей, образецъ котораго мы представили выше въ проповѣди нашего учителя Церкви. Отсюда становится понятнымъ и характеръ церковнаго изображенія креста Христова. Православный художникъ въ картинѣ распятія не заботится о томъ, чтобы живо, чувственно изобразить мучительное положеніе на крестѣ распростертаго и на гвоздяхъ висящаго Христа; онъ не вытягиваетъ Его рукъ, не представляетъ язвы на рукахъ раздирающимися отъ тяжести тѣла и воспаляющимися, не выгибаетъ Его колѣнъ, не изображаетъ синяковъ и кровавыхъ пятенъ на тѣлѣ, не напечатлѣваетъ на лицѣ Его судорожныхъ, искажающихъ лицо, страданій,—но даетъ Христу спокойное, прямое положеніе, а тѣлу Его чистый и приличный видъ, чтобы такимъ образомъ картина не задерживала на себѣ взоры зрителя, а возводила бы его къ созерцанію. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ церковномъ употребленіи у насъ нѣтъ изображенія Христа еще живаго на крестѣ. Такое изображеніе непремѣнно требовало бы чувственной картины предсмертной агоніи, что не соотвѣтствуетъ характеру православнаго воззрѣнія.

Отсюда становится понятнымъ и то, что православное *созерцательное* воззрѣніе не дается даромъ. Оно предполагаетъ развитіе, а развитіе требуетъ упражненій, усилій, трудовъ. По началу гранича съ непосредственнымъ воззрѣніемъ, *созерцательное* въ концѣ соединяется съ безстрастіемъ и можетъ возвышаться до равно-ангельскихъ совершенствъ;—

---

[1]) Довольно подробное изслѣдованіе объ этомъ предметѣ находится въ моемъ сочиненіи: „Разности Церквей восточной и западной въ ученіи о Пресв. Дѣвѣ Маріи Богородицѣ“ и т. д.

но стоя въ зависимости отъ свободы человѣка, оно можетъ оставаться и *неразвитымъ*. Потому не всѣ обладаютъ имъ, а только тѣ, кто упражняется въ богомыслiи, или въ умномъ дѣланiи. Оттого не слѣдуетъ думать, что созерцаніе свойственно только аскетамъ, монахамъ: нѣтъ, всѣ христіане должны хоть въ нѣкоторой степени имѣть навыкъ къ созерцанію, къ умному дѣланію, къ Богомыслію. Будемъ помнить, что сказалъ вел. Антоній: „не въ каждой душѣ бываетъ умъ, почему не всякая душа спасается; ибо душа безъ ума бездѣйственна и Бога достояніемъ своимъ имѣть не можетъ“ (см. выше).

Въ латинской церкви *непосредственное* воззрѣніе остается еще въ полномъ своемъ значеніи, какъ дѣйствующее начало въ ея жизни и объясняетъ многія явленія, какъ въ ея исторіи, такъ и въ современномъ ея состояніи,—явленія особаго рода, совершенно отличныя отъ явленій религіозной жизни Востока.

Вслѣдствіе практическаго направленія латинскаго аскетизма, высшая сила души — умъ осталась непонятою и не выясненною въ своемъ великомъ значеніи. Вмѣсто него съ господственною властію надъ всею душею латинянина выступили тѣ второстепенныя силы, которыя собственно и дѣйствуютъ въ *непосредственномъ воззрѣніи* и опредѣляютъ его; это—*воображеніе* и *чувство*. Подъ преобладающимъ вліяніемъ этихъ то силъ проходила и проходитъ вся жизнь латинской церкви. Онѣ дали особый строй душѣ римскаго католика и наложили печать на всю его церковность.

Опытная психологія намъ свидѣтельствуетъ, что значитъ въ душѣ преобладаніе воображенія и чувства. Подъ преобладающимъ вліяніемъ этихъ силъ, съ одной стороны, развивается *мечтательность*, т. е. такое душевное состояніе, въ которомъ человѣкъ мало по малу утрачиваетъ способность различать мечты отъ дѣйствительности, преувеличенія отъ нормальной формы предметовъ, вслѣдствіе чего дѣйствительность смѣшивается съ мечтою, мечта съ дѣйствительностію, часто въ самыхъ уродливыхъ и чудовищныхъ формахъ; съ другой стороны, — развивается нервозность или чрезвычайная чувствительность не только къ явленіямъ

дѣйствительнымъ, но и къ воображаемымъ. То и другое душевное состояніе вмѣстѣ могутъ развиваться, смотря по субъекту и по внѣшнимъ дѣйствующимъ на него условіямъ, до крайней степени, — мечтательность — до совершеннаго забвенія и отрицанія дѣйствительнаго міра, а чувствительность — до болѣзненнаго раздраженія отъ одного дѣйствія воображенія.

То же ненормальное преобладаніе отражается соотвѣтственнымъ образомъ и на мышленіи. Не управляемое умомъ, стремящимся къ познанію сущности, разсудочное мышленіе становится въ служебныя отношенія къ воображенію и чувству; оно получаетъ отъ нихъ матеріалъ для своей работы и потому воображаемыя представленія, существующія въ душѣ какъ несомнѣнно дѣйствительныя, реальныя, принимаетъ въ этомъ же качествѣ, старается ихъ оправдать, доказать, приладить къ дѣйствительному міру, и чрезъ то становится мышленіемъ *отношеній*, а не существа предмета, мышленіемъ *субъективнымъ* по преимуществу; т. е. предметъ мыслится такъ, а не иначе, не потому, что того требуетъ его существо, а потому, что такъ хотятъ *воображеніе* и *чувство*, что такъ представляется, такъ нравится мыслителю. Въ такомъ мышленіи умъ остается безъ дѣла или безъ должнаго значенія; его дѣйствія, насколько они допускаются, преломляются сквозь призму низшихъ силъ и получаютъ отъ нихъ фальшивую, ненастоящую окраску.

Такой душевный строй, образуемый преобладаніемъ воображенія и чувства, яснѣйшимъ образомъ свидѣтельствуется состояніемъ латинской церкви въ средніе вѣка. Преувеличенныя представленія о римскомъ первосвященникѣ, крестовые походы, великое значеніе Аристотелевой философіи въ христіанскомъ богословіи, схоластика, какъ мышленіе отношеній по преимуществу, рыцарство во всѣхъ его видахъ, мистицизмъ, стремленіе къ чрезвычайнымъ религіознымъ подвигамъ, склонность къ разнаго рода видѣніямъ и чрезвычайное обиліе ихъ, публичное самоистязаніе, вѣра въ колдовство и въ связи съ духами, религіозная нетерпимость, чрезвычайное легковѣріе, необыкновенная страшливость за душу, страхи чистилища и ада, разныя экстатическія со-

стоянія, — все это и подобное есть болѣе или менѣе непосредственные плоды господства двухъ преобладающихъ въ душѣ римскаго католика силъ--*воображенія и чувства.*

То же господство отразилось на всей латинской церковности и въ частности на богослуженіи. Употребленіе непонятнаго народу языка въ богослуженіи, употребленіе въ церкви музыки и скульптуры, богатство церемоній съ разсчетомъ на эффектъ, театральная искусственность во храмѣ (напр. переодѣваніе статуй Богородицы или поднятіе занавѣсей въ куполѣ св. Петра и ниспусканіе лучей свѣта на проповѣдника, или на папу),—все это свидѣтельствуетъ, что вся церковность разсчитана на то, чтобы занимать чувство и воображеніе зрителей, доставлять имъ внѣшнее, неопредѣленное религіозное наслажденіе,—пріучать ихъ къ религіозной нѣгѣ, религіозной мечтательности и чувствительности [1]).

Это господство воображенія и чувства особенно сказалось въ отношеніяхъ католика къ кресту Христову. По *непосредственности* своего воззрѣнія латинянинъ ничего болѣе не видѣлъ и не видитъ въ крестѣ, какъ только страданія Христовы. Сама церковь, чтобы протянуть и усилить впечатлѣнія, производимыя видомъ страданій Распятаго, цѣлую картину разбиваетъ на части и заставляетъ своихъ чадъ останавливаться на каждой части въ отдѣльности, и вотъ отдѣльно воспоминаются страданія Христовы, Его терновый вѣнецъ, Его гвозди, Его прободенная язва. — Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія зрители потребовали отъ художника—*натуральности*, а слушатели отъ оратора—*живости и изобразительности* картины. Тотъ и другой, стараясь удовлетворить потребностямъ публики, употребили все свое искусство, сколько возможно живѣе изобразить картину страданій Іисуса, тронуть ею зрителей или слушателей, поразить, сокрушить ихъ. И вотъ рядомъ съ образомъ умершаго Христа является образъ Его же умирающаго въ предсмерт-

---

[1]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, рекомендуемъ прочитать „Римскія письма о латинскомъ Богослуженіи“ А. Н. Муравьева.

ныхъ тяжкихъ страданіяхъ,—образъ, поражающій зрителя [1]). Подъ вліяніемъ пламеннаго воображенія и развитой чувствительности видъ страданій Іисуса производилъ, дѣйствительно, сильное впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія зритель или слушатель естественно старался примѣрить на себѣ страданія Господа, отожествить себя съ Нимъ, и въ этихъ усиліяхъ доходилъ до такой степени напряженія, что или самъ налагалъ на себя язвы Господа, какъ это сдѣлалъ напр. св. Францискъ, основатель ордена,—или же язвы Христовы сами собою образовывались на рукахъ, на ногахъ и въ боку. (Эти люди назывались обыкновенно *стигматиками*). Вотъ во что уходила вся сила души, управляемой не умомъ, а воображеніемъ и чувствомъ. Подобныя явленія случаются и въ наше время [2]),—что свидѣтельствуетъ, что условія религіозной жизни въ латинской церкви, не смотря на разности временъ, нисколько не измѣнились, и сама церковь не только не сознаетъ ненормальности подобныхъ явленій, но напротивъ одобряетъ ихъ и выставляетъ для вѣрующихъ чадъ своихъ, какъ явленія благодатныя, чудесныя, достоподражаемыя, какъ знаки особеннаго Божія смотрѣнія о ней.

---

[1]) Въ Тулузѣ при видѣ очень живо нарисованнаго распятія Господа тамошніе чичероне разсказываютъ, что это распятіе снято съ натуры, что будто бы живописецъ, писавшій этотъ образъ, уговорилъ своего друга дозволить распять его на нѣкоторое время, и когда тотъ согласился и былъ привязанъ по рукамъ и ногамъ, художникъ, желая видѣть предсмертную агонію и снять ее на полотно, рѣшился пожертвовать своимъ другомъ; онъ уморилъ его на крестѣ, и воспользовавшись его предсмертными страданіями, передалъ ихъ полотну, а затѣмъ предалъ себя въ руки правосудія, въ полной увѣренности, что онъ повѣдалъ міру великую тайну религіи.—Взята ли эта легенда съ дѣйствительности или просто выдумка, для насъ это все равно; важна причина, которая служитъ поводомъ къ составленію этой легенды; важно то впечатлѣніе, котораго добивались художники и которое получали зрители отъ такихъ изображеній.

[2]) Въ недавнее время въ Бельгіи была одна женщина съ язвами на рукахъ, на ногахъ и въ боку. Сколько помню по описанію, раны открывались по пятницамъ и источали кровь въ минуты ея экстазовъ. Больная находилась подъ особымъ покровительствомъ духовныхъ и пользовалась особымъ почетомъ и уваженіемъ, какъ отличенная особою благодатію Божіею.

Такой ходъ религіозной жизни мы называемъ ненормальнымъ, онъ самъ осуждаетъ себя, когда въ концѣ концовъ приводитъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. *Непосредственность* прекрасна въ дѣтяхъ, но становится недостаткомъ во взрослыхъ людяхъ. Она слишкомъ поверхностно относится къ окружающимъ предметамъ, любитъ яркія краски и требуетъ постоянныхъ возбужденій; она слишкомъ скоро привыкаетъ къ предмету и такъ же скоро отвыкаетъ отъ него; ее интересуетъ новизна, а явленія, постоянно присущія взорамъ, становятся слишкомъ обыкновенными, скоро старѣютъ и прискучиваютъ. Подобное случилось въ латинской церкви по отношенію къ вѣрѣ вообще и ко кресту Христову въ частности. Когда всѣ средства обновлять и возбуждать *непосредственное воззрѣніе* на крестъ были испробованы, всѣ краски живописи и всѣ цвѣты краснорѣчія оказались израсходованными, старыя картины повыцвѣли, глаза попригляделись, чувства притупились, и самыя условія жизни и просвѣщенія охладили жаръ воображенія и живость чувства,—крестъ Христовъ, — тяжело выговорить,— устарѣлъ для католика, оставалось или выносить равнодушіе и холодность въ вѣрѣ или подогрѣть религіозность чѣмъ нибудь новымъ. Оо. іезуиты нашли возможнымъ вмѣсто креста создать новый символъ и создали его въ видѣ *Сердца Іисусова*. Этотъ символъ, во первыхъ, имѣетъ интересъ *новости*, во вторыхъ, вслѣдствіе неопредѣленности своего содержанія и объема представленій, ставится въ полную *зависимость отъ произвола* толкователя и потому даетъ возможность *свободно и безгранично* пользоваться всѣми старыми средствами, только съ нѣкоторымъ ихъ новымъ примѣненіемъ, а въ случаѣ недостатка ихъ, прибѣгать къ новымъ средствамъ, создавать новыя представленія, *произвольныя, фантастическія*, — какъ напримѣръ: вѣнчаніе сердца терніемъ за гордость сердца и под. Въ этихъ то свойствахъ новаго символа, *новости, зависимости* отъ зрителя, *растяжимости и произвольности*—и заключается вся его сила.—*Субъективность* его, какъ въ составѣ картины, такъ и въ толкованіи, составляетъ его общую особенность, какъ и всѣхъ вообще произведеній латинскаго духа.

Такъ въ отношеніи къ кресту Христову сказалась разность Церквей, разность ихъ воззрѣній, разность дѣйствующихъ силъ и душевнаго строя въ жизни ихъ чадъ [1]).

III.

О важности служенія Сердцу Іисусову и его установленіи.

Итакъ символъ Сердца есть плодъ *непосредственнаго воззрѣнія*, управляемаго воображеніемъ и чувствомъ, и какъ таковой носитъ на себѣ печать духовной незрѣлости.

Для того, чтобы поднять важность служенія Сердцу, изобрѣтатели этого служенія придаютъ ему общецерковное, вселенское значеніе, —а его начало возводятъ къ непосредственному откровенію Самого Господа.

„Когда какая нибудь опасность постигала Церковь, разсуждаетъ іезуитъ Свобода,—Самъ Господь спасалъ ее какимъ нибудь чрезвычайнымъ способомъ. Такъ, когда язычество со всею яростію возстало на христіанство, въ намѣреніи совершенно истребить его, Господь воздвигъ мучениковъ, даруя имъ свою чрезвычайную благодать къ перенесенію ужасныхъ страданій,—и христіанство восторжествовало. Возникли затѣмъ ереси, извращавшія Христово ученіе и во лжу уловлявшія тысячи христіанъ, и вотъ Господь воздвигъ великихъ учителей вѣры, великихъ подвижниковъ и подвижницъ, и христіанство опять восторжество-

---

[1]) Эта разность церквей сказалась въ празднованіи главныхъ праздниковъ тою и другою церковію. Для восточнаго христіанина главнѣйшій и самый торжественный праздникъ *Воскресеніе* Христово, для западнаго—*Рождество*. Восточный празднуетъ уже совершившуюся тайну искупленія, а западный—еще только начинающуюся. Восточный, созерцая плоды искупленія уже предвкушаетъ всемірную радость обновленія твари,—а западный только готовится къ этому предвкушенію. Тотъ основываетъ свое торжество на созерцаніи всѣхъ послѣдствій воскресенія Христова, а послѣдній утверждается на умозаключеніи, что не было бы искупленія, если бы ему не предшествовало рожденіе. Созерцательное воззрѣніе на Воскресеніе Господа прекрасно выражено въ пасхальномъ канонѣ св. Іоанна Дамаскина.

вало. Послѣ того сарацины вторглись въ западную Европу и мечтали своею ученостію и философіей подавить и истребить вѣру Христову, какъ ихъ оружіе покорило многія христіанскія страны,—но вотъ въ это время расцвѣло схоластическое богословіе, явились такіе удивительные по учености мужи, какъ Ѳома Аквинскій, которыхъ просвѣщалъ самъ Богъ,—и сарацины должны были уступить. Потомъ появилась ересь Вальденсовъ, которая своею фальшивою набожностію и ложною нищетою хотѣла обольстить неопытныхъ христіанъ, и вотъ Богъ воздвигъ св. Доминика и св. Франциска и чрезъ нихъ показалъ, въ чемъ состоитъ истинное благочестіе и нищета, какъ прежде въ орденѣ св. Бенедикта явилъ, въ чемъ заключается истинное просвѣщеніе. Когда Лютеръ отпалъ отъ церкви и увлекъ за собою такое множество христіанъ, что трудно было распознать, гдѣ правда и гдѣ ложь,—тогда по устроенію Божію собирается въ Тридентѣ соборъ, утверждаетъ истину и строгой анаѳемой осуждаетъ и караетъ заблужденіе. Въ то же время древніе ордена обновляются, новые (напр. орденъ іезуитовъ) возникаютъ, и Церковь снова цвѣтетъ и своей сознательной вѣрой и своей чистой нравственностію! Наконецъ, въ послѣднія времена возникаетъ янсенизмъ,—ересь, которая подъ католической одеждой таила въ себѣ грубыя заблужденія. Янсенизмъ отрицалъ милосердіе Божіе къ великимъ грѣшникамъ, которое долготерпитъ, ожидая отъ нихъ обращенія до самаго конца ихъ жизни,—изъ благаго Творца сдѣлалъ какого-то жестокаго владыку, давшаго людямъ тяжкіе и строгіе законы, но не давшаго силы къ ихъ исполненію,—не признавалъ въ человѣкѣ свободной воли, по чрезвычайной строгости къ людямъ не допускалъ ихъ къ причащенію, считая ихъ недостойными, и такою экзальтированною строгостію отвратилъ многихъ христіанъ отъ таинствъ,—сдѣлалъ религію противною, породилъ ненависть къ апостольскому престолу, и такимъ образомъ во многомъ послужилъ причиной упадка вѣры въ прошломъ столѣтіи. И вотъ добрый Пастырь, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и на этотъ разъ, какъ всегда, явился съ своею божественною помощію и даровалъ святой своей Церкви чрезвычайное средство:

строгости янсенистовъ противопоставилъ свою *любовь, а охлажденію* христіанъ свое *пламенное сердце*“ [1]).

Когда же и какъ началось это служеніе?

Самому Господу угодно было установить служеніе Своему сердцу въ концѣ XVII ст. Избравъ своимъ орудіемъ благочестивую монахиню Маргариту Марію Алякокъ, Господь Іисусъ являлся ей въ видѣніяхъ и, обучивъ ее почитанію Сердца, приказалъ ей ввести это служеніе сначала въ монастырѣ, а потомъ распространить его и далѣе между всѣми вѣрующими. Явленія Господа, по увѣренію историковъ культа, были днемъ во храмѣ, во время колѣнопреклоненныхъ молитвъ, явственно, даже съ большею явственностію, чѣмъ явленія Господа ветхозавѣтнымъ пророкамъ. Во время своихъ явленій Господь велъ съ Маргаритой продолжительныя бесѣды подобныя тѣмъ, какія Онъ велъ изъ купины или на Синаѣ съ боговидцемъ Моисеемъ. Правда, о первой бесѣдѣ жизнеописатели выражаются не совсѣмъ опредѣленно: Маргарита *какъ бы* слышала гласъ Господа говорящаго,—но о дальнѣйшихъ явленіяхъ и бесѣдахъ говорится со всею ясностію и опредѣленностію. Онъ явился, Онъ говорилъ, Онъ отвѣчалъ, Онъ давалъ инструкціи... Вотъ подлинное повѣствованіе объ этихъ явленіяхъ.

„Однажды,—это было днемъ,—во время колѣнопреклоненной молитвы, когда Маргарита была проникнута особымъ чувствомъ присутствія Божія, она *какъ бы* слышала гласъ Господа, говорящаго ей: „Вотъ мое сердце! Какъ оно воспламенено любовію къ человѣчеству и любовію къ тебѣ. Огонь своей пламенной любви оно не можетъ сдерживать въ себѣ и должно чрезъ твое посредничество сообщить его человѣчеству (!), чтобы оно обогатилось тѣми *сокровищами*, которыя Я ему предлагаю. Я открываю тебѣ ихъ цѣну; это суть *дары благодати къ освященію и спасенію*; да извлекутъ они человѣчество изъ бездны погибели! Тебя, не смотря на твое недостоинство и необразованность (nevědomost), Я избираю посредницей; пусть будетъ явлено, что все это Мною стало!“

Въ другой разъ, тоже днемъ и во время молитвы предъ

[1]) Apost. modl. стр. 24—28.

алтаремъ, Господь явился ей въ прекрасномъ сіяніи, съ пятью ранами, которыя блистали какъ солнце, а рана пречистыхъ ребръ еще яснѣе (?!). Онъ открылъ ей свой бокъ и показалъ свое сердце. Это было огненное море, изъ котораго исходилъ пламень. Объяснивъ свою любовь къ людямъ, Господь жаловался, что не встрѣчаетъ отъ нихъ ничего, кромѣ холодности и неблагодарности.—„Еслибы люди, такъ говорилъ Онъ, и съ своей стороны показали мнѣ любовь свою, Моя любовь считала бы за ничто все то, что для нихъ было сдѣлано,—если бы можно было, Я сдѣлалъ бы еще больше; но въ отвѣтъ на мою любовь Я не вижу ничего, кромѣ холодности, а въ отвѣтъ на мою горячность (upřimnost) ничего, кромѣ презрѣнія. Хоть ты по крайней мѣрѣ подай Мнѣ нѣкоторое утѣшеніе,—нѣкоторымъ образомъ вознагради Меня за эту неблагодарность“.—Маргарита стала ссылаться на свою слабость и немощь, но Іисусъ, указывая ей на свое сердце, отвѣтствовалъ ей: „Вотъ здѣсь Я даю тебѣ обильныя средства, которыя восполнятъ все, чего недостаетъ тебѣ“. И вотъ Онъ открылъ ей Свое сердце, откуда исторгся огненный пламень, который, казалось, готовъ былъ пожрать сердце Маргариты. Маргарита была объята такою любовію, что стала просить Господа, чтобы Онъ имѣлъ терпѣніе къ ея слабости, что такого обилія благодати она не снесетъ.—„Я буду твоимъ подкрѣпленіемъ, отвѣчалъ ей Іисусъ, не бойся ничего; будь послушна Моему голосу и готовься исполнить Мою волю“.—И далъ ей инструкцію, какъ чтить святѣйшее сердце Его.—„Первую пятницу каждаго мѣсяца, съ мыслію о такой наградѣ подходи къ святому причащенію, а ночью съ четверга на пятницу Я дамъ тебѣ участіе въ Моей скорби и въ Моей смертельной тоскѣ, которыя Я вытерпѣлъ въ саду геѳсиманскомъ; между 11—12 часами ночи, склонившись лицемъ къ землѣ, *ты укротишь божественное правосудіе*, взывая со Мною о милосердіи къ грѣшникамъ; этимъ же успокоишь и Мою печаль и Мою оставленность, (или одиночество, opuštěnost), которую Я испыталъ по безчувственности Моихъ апостоловъ“ (?!).

За симъ послѣдовало третье и, по увѣренію латинскихъ

писателей, самое великолѣпное откровеніе. Это было въ октавѣ Божьяго Тѣла (т. е. по прошествіи осьми дней послѣ праздника Божьяго Тѣла въ пятницу). Опять колѣнопреклоненно молилась Маргарита предъ алтаремъ и по движенію пламенной любви думала о томъ, какимъ бы болѣе совершеннымъ образомъ принести себя въ жертву Господу своему, и вотъ Іисусъ опять сталъ предъ нею и сказалъ: „болѣе совершенной службы ты не совершишь, какъ если только приведешь въ исполненіе то, что Я тебѣ уже нѣсколько разъ приказывалъ“. При этомъ опять Онъ показалъ ей свое сердце и присовокупилъ слѣдующія достопамятныя всему католическому міру слова: „Вотъ то сердце, которое такъ любило человѣчество, что не устрашилось ничего и уничижилось даже до смерти, лишь бы только показать свою любовь; но отъ большей части людей вмѣсто благодарности Я только получаю и неблагодарность, и непочтительность, и святотатство, и холодность, и оскорбленіе, какое Мнѣ наносятъ въ таинствѣ любви. Но что Мнѣ всего больнѣе такъ это то, что такъ обращаются со Мною и тѣ сердца, которыя посвящены Мнѣ. Посему требую отъ тебя, чтобы первая пятница по октавѣ Божьяго Тѣла была посвящена почитанію Божьяго сердца, какъ особый праздникъ и чтобы съ св. причащеніемъ отправлялось и торжественное моленіе о прощеніи въ вознагражденіе за всѣ оскорбленія, которыя Я долженъ выносить въ таинствѣ, выставленномъ на алтаряхъ. Вмѣстѣ съ симъ Я обѣщаю тебѣ, что Мое сердце расширится и обильнымъ потокомъ любви изольется на тѣхъ, которые показаннымъ способомъ окажутъ Мнѣ почтеніе“.

— „Но всевышній Господи! отвѣтствовала Маргарита, къ кому это Ты обращаешься? — ко мнѣ бѣдному созданію и бѣдной грѣшницѣ, которая по своему крайнему недостоинству испортитъ всѣ Твои планы.

— „Развѣ ты не знаешь, сказалъ ей на это Божественный Учитель, что Я избираю слабыхъ, чтобы посрамить сильныхъ? что на уничиженныхъ и нищихъ духомъ являю Я свою силу въ самомъ блистательномъ свѣтѣ, чтобы твари не приписывали ея себѣ“.

— Въ такомъ случаѣ даруй мнѣ, Господи, средства, чтобы исполнить Твои порученія!

И сказалъ ей Іисусъ: „Обратись къ Моему рабу (т. е. къ духовному отцу, Клавдію де ля Коломбьеръ) и скажи ему отъ Моего имени, пусть онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы установить это служеніе и тѣмъ доставить радость Моему сердцу, — и пусть не страшится никакихъ препятствій, которыя будутъ противопоставлены ему,—въ увѣренности, что тотъ всемощенъ, кто полагается не на себя, а на Меня“ [1]).

Эта послѣдняя рѣчь совсѣмъ похожа на слова Господа изъ купины, когда онъ повелѣвалъ Моисею избрать себѣ въ помощники брата его Аарона.

Но видѣнія, какъ видно, этимъ не кончились. Изъ письма Маргариты къ духовному ея отцу видно, что были еще откровенія, въ которыхъ Господь поручалъ ей передать все дѣло оо. іезуитамъ. „Божественный Спаситель мнѣ сообщилъ, пишетъ она, что Онъ хочетъ вводить это служеніе съ помощію отцовъ товарищества Іисусова“ [2]).

Таково происхожденіе служенія Сердцу Іисусову! Остановимся на минуту на этомъ повѣствованіи.

Изъ него со всею ясностію открывается,—1) что служеніе Сердцу Іисусову имѣетъ обогатить спасаемое человѣчество новыми благодатными дарами для его освященія и спасенія отъ погибели, слѣдовательно, откровеніе объ его установленіи имѣетъ общецерковное, вселенское значеніе; 2) что начало этого служенія принадлежитъ непосредственно самому Господу Іисусу Христу, Его волею и властію вводится, освящается и установляется; 3) что явленія и откровенія Господа отличаются такою опредѣленностію и ясностію, что ни въ какомъ другомъ смыслѣ объясняемы быть не могутъ, и 4) что монахиня Маргарита есть не только орудіе установленія этого культа,—но кромѣ того Самимъ Господомъ избранная посредница и ходатаица за людей, что въ этомъ смыслѣ ей поручается Самимъ же Господомъ вознаградить Бога за людскую неблагодарность и своимъ соучастіемъ въ геѳси-

---

[1]) Apostolat modlitby od. p. Jezowity Svobody, стр. 28—32.
[2]) Ib. стр. 33.

манской скорби Христовой (хотя уже и совершенной) укротить божественное правосудіе и успокоить печаль и оставленность Христа Спасителя.

Въ такомъ качествѣ повѣствованіе объ этихъ откровеніяхъ доставлено было въ Римъ, тамъ изслѣдовано, провѣрено въ подлинности и утверждено въ достовѣрности, какъ повѣствованіе о дѣйствительно Божественныхъ откровеніяхъ, послѣ чего служеніе, внушенное этими откровеніями, утверждено и благословлено верховною властію церкви, а посредница Маргарита возведена на степень *блаженной*. Слѣдовательно Богоустановленность новаго служенія признается всею латинскою церковью.

Но справедливо ли такое признаніе? Возможны ли и правдоподобны ли такія откровенія? На всѣ эти вопросы мы отвѣчаемъ: нѣтъ и нѣтъ. Послѣ того, какъ единородный Сынъ Божій въ полнотѣ и совершенствѣ принесъ намъ откровеніе Божіе, въ новыхъ откровеніяхъ, дополнительныхъ къ прежнему, какъ неполному, или несовершенному, или уже потерявшему свою дѣйствительную силу, нѣтъ ни малѣйшей нужды. Въ отношеніи къ данному откровенію обязанность христіанъ состоитъ въ томъ, чтобы его уразумѣвать и усвоять себѣ, по нему располагать свою жизнь, его имѣть основаніемъ всей своей дѣятельности. На основаніи его должно совершиться развитіе всего человѣчества, какъ на закваскѣ — броженіе и поднятіе тѣста. Такую важность откровенія, съ отрицаніемъ новыхъ откровеній, Христосъ указалъ въ своей притчѣ о богатомъ и Лазарѣ. Когда богатый просилъ наконецъ Авраама отпустить Лазаря на этотъ свѣтъ къ братьямъ богача—да засвидѣтельствуетъ имъ о загробной жизни и объ адѣ,—Авраамъ отвѣтствовалъ: *имутъ Моисея и пророки, да послушаютъ ихъ*, и когда тотъ возразилъ на это: *ни, отче Аврааме, — но аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, покаются,* — патріархъ представилъ слѣдующую глубокую истину, которая должна быть запечатлѣна въ нашемъ умѣ и постоянно находиться въ нашемъ сознаніи: *аще Моисея и пророковъ не послушаютъ, и аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры.* (Лук. 16, 27—31). Если такъ было съ ветхозавѣтнымъ откровеніемъ, то тѣмъ болѣе нужно это

сказать объ откровеніи новозавѣтномъ. Если кто изъ христіанъ не вѣритъ Евангелію и Апостоламъ, то и никакимъ видѣніямъ и откровеніямъ не повѣритъ. А кто вѣритъ и живетъ по Евангелію, тому не нужно новаго откровенія, потому что тотъ собственнымъ опытомъ увѣряется, что это ученіе отъ Бога, какъ сказалъ Христосъ (Іоан. 7, 17). Правда, *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его;* Господь своею благодатію просвѣщаетъ вѣрующихъ, *кому хощетъ, открываетъ тайны Божества* (Мѳ. 11, 27),—но такія откровенія имѣютъ частный характеръ для того лица, которому сообщаются, и притомъ опять въ мѣру уже даннаго откровенія. Потому Церковь вселенская нераздѣльная, и восточная послѣ раздѣленія, не знаетъ новыхъ откровеній съ характеромъ вселенскимъ, общецерковнымъ; она довольствуется даннымъ.— Были въ ней великіе подвижники и подвижницы, несомнѣнно болѣе высокіе и болѣе опытные въ духовной жизни, чѣмъ монахиня Маргарита, но отъ нихъ не осталось никакихъ записокъ, никакихъ повѣствованій о новыхъ божественныхъ откровеніяхъ, данныхъ вселенской Церкви въ руководство ко спасенію изъ бездны погибели. Это тѣмъ болѣе важно, что подвижники восточной Церкви свидѣтельствуютъ о такомъ высокомъ развитіи ума — этой созерцательной силы души,—что онъ, наконецъ, по благодати Божіей становился способнымъ видѣть отдаленное, какъ близкое, читать мысли въ душахъ другихъ (даръ прозорливости), проникать въ духовный міръ и возвышаться до состоянія восхищенія.—Церкви православныя помѣстныя имѣютъ въ числѣ своихъ мѣстныхъ подвижниковъ и такихъ, которымъ были явленія и откровенія напр. преп. Сергію Радонежскому,—но эти явленія, какъ мы уже и сказали, имѣли частный, или мѣстный характеръ.— Не то мы видимъ въ исторіи церкви латинской. Чѣмъ дальше она отодвигалась отъ времени раздѣленія церквей, — тѣмъ чаще становятся въ ней видѣнія и откровенія, изъ которыхъ нѣкоторыя — съ характеромъ догматическимъ, общецерковнымъ, какъ откровенія дополнительныя къ данному уже откровенію. Таковы были откровенія Бригиттѣ. Пресв. Богородица въ неоднократныхъ явленіяхъ открываетъ ей тайну своего непорочнаго зачатія въ нѣдрахъ своей ма-

тери и повѣствуетъ ей о всей своей жизни съ особою подробностію. — Церковь латинская утвердила эти видѣнія, и теперь богословы между прочимъ на нихъ основываютъ новый догматъ непорочнаго зачатія. Средніе вѣка, когда, какъ мы сказали, преимущественно преобладали въ духовной дѣятельности—низшія силы духа, воображеніе и чувство, были временемъ расцвѣта такихъ и подобныхъ видѣній и откровеній. Поэтому мы утверждаемъ, что видѣнія и откровенія монахини Маргариты не имѣютъ каноническаго достоинства, какъ видѣнія пророковъ,—но суть видѣнія апокрифическія, т. е. въ своемъ достоинствѣ весьма сомнительнаго качества.

Насъ увѣряетъ въ этомъ и отношеніе къ нимъ верховной власти латинской церкви. Видѣнія и откровенія хотя провѣрены и одобрены въ Римѣ, однакожъ служеніе Сердцу не сдѣлано всеобщимъ, общеобязательнымъ для всѣхъ чадъ латинской церкви, какъ-бы слѣдовало это сдѣлать по смыслу повелѣній Господа и по важности благодатныхъ даровъ, сообщаемыхъ въ ономъ служеніи; самыя видѣнія и откровенія не объявлены всей церкви открыто и торжественно, а посредница оныхъ — Маргарита — не провозглашена органомъ Духа Божія, святою и новоявленной пророчицей и провозвѣстницей воли Божіей, какъ-бы слѣдовало согласно съ достоинствомъ видѣній и откровеній. Если явленія Христа были на самомъ дѣлѣ, а служеніе установлено Самимъ Господомъ, какъ проповѣдуютъ защитники и распространители культа,—то верховной власти слѣдовало бы обрадовать свою церковь, что Христосъ любитъ латинскую церковь, какъ единую, спасительную, и время отъ времени воздвигаетъ въ ней провозвѣстниковъ Своей воли. Однакожъ ничего подобнаго не случилось. Сама верховная власть, хотя провѣрила видѣнія и откровенія Маргариты и одобрила ихъ, но, какъ видно, не придаетъ имъ никакого общественнаго значенія—проще сказать, она не вѣритъ ихъ дѣйствительности, въ лучшемъ же смыслѣ, смотритъ на нихъ, какъ на явленія личнаго благочестія монахини.

И мы убѣждены, что никакой разумный христіанинъ не станетъ вѣрить имъ, въ смыслѣ дѣйствительнаго новаго Бо-

жественнаго откровенія. Они слишкомъ отзываются духовною незрѣлостію, латинской доктриной, ложнымъ пониманіемъ всего дѣла нашего спасенія и потому несвойственны и неприличны Господу нашему Іисусу Христу. Тому ученію, что усвоеніемъ духа человѣколюбія Христова вѣрующіе привлекаютъ на себя благоволеніе Божіе и низводятъ оное и на тѣхъ ближнихъ, въ которыхъ принимаютъ Христово соучастіе, — дается совсѣмъ другой оборотъ, что будто бы выраженіемъ своей любви къ Богу, молитвенными воспоминаніями геѳсиманской скорби Христовой и благоговѣніемъ къ таинству причащенія, вѣрующіе вознаграждаютъ пороки другихъ людей, укрощаютъ правосудіе Божіе и облегчаютъ скорби и оставленность Христову. При такомъ оборотѣ здравое и совершенное ученіе помрачается, искажается и обращается въ фарисейское самомнѣніе (нами уже было раскрыто это); самое приглашеніе, заявленное Христомъ Маргаритѣ, къ соучастію въ геѳсиманской скорби, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее перемѣшано страннымъ образомъ, въ которомъ соучастіе Маргариты, укрощеніе правосудія Божія и успокоеніе Христа является какъ будущее, печаль и одиночество Христа въ саду геѳсиманскомъ и безчувственность апостоловъ, какъ состоянія и прошедшія, и продолжающіяся,—такое приглашеніе не можетъ быть вложено въ уста Христовы по своей несообразности. И Самъ Христосъ Спаситель является здѣсь не Богомъ благимъ, премудрымъ и вседержавнымъ, Которому *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Мѳ. 28, 19), но какимъ то скорбнымъ человѣкомъ, оставленнымъ всѣми, не знающимъ куда дѣвать огонь своей любви, жалующимся на людскую неблагодарность недостойному и необразованному созданію, нуждающимся въ человѣческомъ вознагражденіи за общую холодность и неблагодарность (*хоть ты вознагради меня*, говоритъ Онъ монахинѣ,— а то, значитъ, совсѣмъ никто не вознаграждаетъ), приманивающимъ людей къ этому вознагражденію обѣщаніями наградъ, и при всемъ томъ недостаточно настойчивымъ и твердымъ, чтобы съ перваго раза заставить слушать Себя и исполнять Свою волю. Вообще вся эта картина видѣній и откровеній Господа, составленная совершенно во вкусѣ ла-

тинскомъ, не свидѣтельствуетъ о высокомъ достоинствѣ умопредставленій благочестивой салезіанки о Спасителѣ.

То же должно сказать и относительно ея нравственнаго состоянія. Если всѣ эти видѣнія она записала сама, признавая себя орудіемъ откровенія Божія и вознаградительницей за холодность и пороки людей,—то этимъ самимъ она даетъ разумѣть, что въ ней была значительная доля самомнѣнія и самообольщенія, или какъ выражались и выражаются восточные аскеты,—*доля прелести*. Едва ли благочестивый человѣкъ станетъ вести записки своимъ частнымъ видѣніямъ и откровеніямъ и выставлять себя вознаградителемъ за человѣчество и примирителемъ правосудія Божія. Ап. Павелъ имѣлъ также чрезвычайныя видѣнія и откровенія, но онъ молчалъ объ нихъ: *да не превозношуся*, какъ говорилъ,—и только настоятельныя нужды проповѣди, необходимость доказать свое призваніе и просвѣщеніе по непосредственному откровенію Господа, заставили его объявить объ нихъ; онъ говоритъ объ нихъ, но за то съ какимъ глубокимъ смиреніемъ и самоуничиженіемъ дѣлаетъ это! Латинскіе святые, какъ напр. Бригитта, или Маргарита и имъ подобныя, въ своихъ записяхъ не слѣдовали примѣру ап. Павла,—напротивъ, болѣе подражали ветхозавѣтнымъ пророкамъ Моисею, Исаіи и другимъ.

На основаніи такихъ разсужденій, мы должны сказать, что всѣ такія и подобныя видѣнія и откровенія, какъ монахини Маргариты Алякокъ, суть не больше какъ плоды личнаго благочестія, произведенія ихъ набожной мысли, ихъ латинскихъ умопредставленій.

При этомъ нужно замѣтить еще, что рѣчи Господа къ Маргаритѣ изложены въ стихотворной формѣ. По словамъ іезуита Юнгмана, защитника культа, это обстоятельство подало поводъ извѣстному матеріалисту Д'Аламберту къ неприличной шуткѣ надъ рѣчами Господа [1]). Въ отраженіе „богохульнаго остроумія“ и въ объясненіе поэтической формы

---

[1]) D' Alambert erlaubte sich in Rücksicht auf die selige Margaretha den frivolen „Spott“, der Heiland habe die Galanterie ihr gegenüber weit getrieben, da er ihr sogar Verse gemacht... Fünf Sätze... стр. 101.

рѣчей Господа, Юнгманъ приводитъ слова іезуита Галлифе по этому предмету и говоритъ: „Когда Галлифе хотѣлъ издать записки блаженной монахини Маргариты, королевская цензура сдѣлала различныя возраженія, на которыя тотъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „Явленія и откровенія, ко„торыми Богъ удостоиваетъ своихъ избранныхъ, не всегда „чувственно воспріемлемы, но часто исключительно и непо„средственно направлены къ разуму (sic!). Откровенія этого „рода не бываютъ связаны съ звучащими словами; они со„стоятъ въ познаніяхъ, которыя понимаетъ одинъ только „духъ (Geist). Въ такихъ случаяхъ содержаніе сообщеннаго, „по своему существу, происходитъ отъ Господа Бога, но „образъ выраженія, въ которомъ воспринимается это содер„жаніе, принадлежитъ человѣку, и поэтому различенъ и „многообразенъ, смотря по особенностямъ духа облагодат„ствованнаго“. Такимъ образомъ, сказали мы, продолжаетъ Юнгманъ,—Галлифе напередъ опровергъ вольнодумныхъ философовъ, и его замѣчанія совершенно достаточно, чтобы вразумить тѣхъ, которые качаютъ головой, когда мы говоримъ, что нѣкоторыя мѣста въ запискахъ блаженной Маргариты и въ особенности вышеприведенное нельзя принимать въ собственномъ смыслѣ, но должно объяснять посредствомъ метаниміи. Что тропическіе обороты и фигуры рѣчи суть языкъ краснорѣчія и поэзіи — это конечно совершенно справедливо, но только потому, что они суть языкъ народа и естественнаго чувства. По крайней мѣрѣ, то было бы дѣйствительнымъ чудомъ, если бы созерцаніе высшей красоты и блаженство внутренняго обращенія съ своимъ Искупителемъ не одушевили чистый духъ монахини до поэзіи“ [1]). Изъ этого объясненія выходитъ, что видѣнія Маргариты нужно принимать не буквально, а въ тропическомъ и фигуральномъ смыслѣ, или иначе въ поэтическомъ смыслѣ,—т. е. что она собственно не слышала и не видѣла Господа говорящаго, но чувствовала въ себѣ Его присутствіе и „отъ блаженства внутренняго обращенія съ Нимъ“ облекла Его въ образъ, а Его таинственныя вдохновенія, не связанныя съ

[1]) Ibid. стр. 102, 103.

звучащими словами,—въ звуки, въ стихи и риѳмы. Такимъ образомъ и произошли ея видѣнія и откровенія; другими словами: видѣній, какъ они изображены, на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности не было; если они не сочинены послѣ и дѣйствительно принадлежатъ монахинѣ, она просто ихъ вообразила себѣ; они плодъ ея пламеннаго воображенія и возбужденнаго чувства,—которыя вслѣдствіе своего преобладанія въ душѣ не были управляемы высшею силою души—умомъ.

Другіе проповѣдники культа Сердца нѣсколько скромнѣе говорятъ объ этихъ видѣніяхъ. Такъ вышеградскій пробощъ В. Руффферъ, въ своемъ молитвенникѣ, говоритъ главнымъ образомъ о видѣніяхъ одного Сердца на огненномъ престолѣ, о явленіи же Спасителя выражается весьма неопредѣленно. Вотъ его описаніе; „въ день св. евангелиста Іоанна, Маргаритѣ явилось въ видѣніи святѣйшее Сердце Божественнаго Искупителя какъ бы на огненномъ тронѣ, окруженномъ пламенемъ. Бросая лучи во всѣ стороны, оно было свѣтлѣе солнца и прозрачно какъ кристаллъ; на немъ видны были язвы, полученныя на крестѣ, терновый вѣнецъ, обвивавшій его, и крестъ, водруженный на верху его. При этомъ видѣніи Іисусъ ей сообщилъ, что эти орудія страданій обозначаютъ *безмѣрную любовь*, какую онъ имѣлъ къ человѣческому роду,—и что съ перваго мгновенія своего вочеловѣченія Онъ уже ясно видѣлъ всѣ муки и поношенія, которыя Его святѣйшее человѣчество должно будетъ претерпѣть впродолженіе всей своей земной жизни, и которымъ Его благословенное сердце хочетъ подвергаться до конца міра въ доказательство безграничной своей любви. Вмѣстѣ съ симъ она *поняла*, что Іисусъ Христосъ заявляетъ ей свое особенное расположеніе къ почитанію Его божественнаго Сердца, и требуетъ, чтобы это достойнѣйшее любви Сердце было выставлено вѣрующимъ на картинкѣ. Чтобы еще яснѣе явить, что Богъ хочетъ это служеніе установить и повсюду распространить, Іисусъ благоволилъ своей угодницѣ, Маргаритѣ, когда она стояла на молитвѣ предъ таинствомъ алтаря, въ октавѣ Божьяго тѣла,—еще разъ показать въ видѣніи свое достославное сердце, и строго наказалъ ей имѣть попеченіе

о томъ, чтобы въ первую пятницу по октавѣ Божьяго тѣла совершался особый праздникъ въ честь Его божественнаго Сердца. Согласно съ приказаніемъ, благочестивая раба Божія сообщила обо всемъ этомъ своему духовному отцу, почтенному священнику Клавдію де ля Коломбьеру изъ товарищества Іисусова, который послѣ здраваго и строгаго изслѣдованія нашелъ, что это явленіе истинно, а служеніе основательно и потому старался во всѣ дни своей жизни объ его распространеніи [1]).

Таково краткое сказаніе о. Руффера. Здѣсь является не Іисусъ съ пламеннымъ сердцемъ, а одно сердце отдѣльно на пламенномъ тронѣ,—а Іисусъ говорящій остается какъ будто невидимымъ. Показывая такимъ образомъ Сердце, Онъ не высказываетъ прямо своихъ намѣреній, — но ихъ понимаютъ. Маргарита, говорится, *поняла,* что Іисусъ желаетъ отъ людей имѣть почитаніе Его Сердца. Другое видѣніе тоже Сердца, только на этотъ разъ Іисусъ опредѣленно выражаетъ свое желаніе относительно праздника въ честь Его сердца. Затѣмъ ничего не говорится о приказаніи Іисуса обратиться за помощію къ духовному отцу Клавдію Коломбьеру, — напротивъ представляется дѣло такъ, что раба Божія Маргарита, безъ всякаго приказанія, по долгу духовной дочери, сообщила ему о своихъ видѣніяхъ, а онъ сдѣлалъ свои изслѣдованія и, въ силу истинности видѣнія и основательности служенія, принялся за распространеніе сего послѣдняго. Слѣдовательно онъ это сдѣлалъ не въ исполненіе божественнаго приказанія, а вслѣдствіе своихъ изслѣдованій. Мы не знаемъ, какъ всѣ эти сказанія стоятъ въ запискахъ монахини Маргариты, но нельзя не признать, что распространители культа не совсѣмъ одинаково говорятъ о его началѣ: одни очень рѣзко выставляютъ явленія самого Христа, а другіе — напротивъ, стушевываютъ ихъ. Мы думаемъ, что Руфферъ ближе держался подлинника, а іезуитъ Свобода для большаго воздѣйствія на своихъ читателей нѣсколько дополнилъ подлинныя сказанія и подкрасилъ ихъ, по образцу явленія Бога пророку Моисею.

---

[1]) Úplná pob. стр. 7—8.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, оо. іезуиты взяли это служеніе какъ Богоустановленное на свое попеченіе, снискали ему одобреніе и особое покровительство отъ главы латинской церкви и теперь стараются о повсюдномъ его распространеніи. „Въ 1726 г., пишетъ пробощъ Руфферъ, это служеніе Сердцу верховной главой церкви было одобрено, Иннокентіемъ XII, Климентомъ XI, Иннокентіемъ XIII, Бенедиктами XIII и XIV весьма расширено, Климентомъ XIII установленіемъ молитвъ для мессы и часовъ умножено и къ торжественной службѣ сопричислено, Піемъ VI окончательно снова подтверждено, а Піемъ VII, Львомъ XII и Григоріемъ XVI многими знаменитыми индульгенціями одарено". Подъ такимъ покровительствомъ служеніе Сердцу распространялось и распространяется весьма быстро. Послѣ перваго своего утвержденія въ Римѣ въ 1693 г., въ продолженіи 30 лѣтъ оно уже состояло изъ 317 братствъ, а спустя еще 30 лѣтъ (1756) число братствъ достигло до 1090 [1]).

На основаніи такого происхожденія культа противники его справедливо возражали, что служеніе Сердцу есть служеніе новое и что нерезонно основывать его на сомнительныхъ видѣніяхъ какой то монахини. Покровители культа знаютъ эти возраженія и даютъ на нихъ свои отвѣты.

Такъ о. Свобода, отражая упрекъ въ новизнѣ, очень серьезно утверждаетъ, что почитаніе Сердца Господа было въ употребленіи съ самаго начала христіанства; разность только въ томъ, что прежде христіане совершали оное почитаніе частно, приватно, а теперь торжественно и соборне. Для доказательства древности они приводятъ изъ священнаго писанія и изъ житій святыхъ тѣ мѣста, гдѣ милосердіе Божіе именуется сердцемъ (напр. Я обрѣлъ Давида мужа по сердцу Моему и под.) [2]). О достоинствѣ такого рода доказательствъ распространяться нѣтъ надобности. Обратимся лучше къ ученому и спеціальному защитнику культа іезуиту Юнгману.

---

[1]) Ib. стр. 8.

[2]) Ap. modl. стр. 46.

Задавшись спеціальною цѣлію обосновать культъ на научныхъ началахъ (что мы уже и видѣли выше), онъ и отвѣтъ на возраженіе старается дать самый полный и основательный. Поставивъ вышесказанныя возраженія, онъ отвѣчаетъ: „что касается до принципа, ты и тутъ найдешь меня на своей сторонѣ (т. е. что нерезонно основывать на видѣніяхъ монахини церковное учрежденіе). Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что почитаніе Сердца Іисусова (die Andacht) въ высшей степени благодатно и полезно и соотвѣтствуетъ духу церкви, какъ мало какія другія. Но это мое убѣжденіе основывается не на видѣніяхъ и частныхъ откровеніяхъ, а единственно, не говоря объ опытѣ, на свидѣтельствѣ церкви, которая ясно одобрила упомянутое почитаніе и неоднократно убѣдительнѣйше предлагала оное, какъ достойное. Церковь— вѣдь это, вообще говоря, *единственный авторитетъ на этой землѣ,* когда дѣло идетъ о вопросахъ, касающихся христіанской вѣры и нравственности. Совѣты и ученія даже величайшихъ изъ святыхъ имѣютъ настолько лишь вѣсу, настолько достойны вниманія, насколько они согласны съ ученіемъ Церкви, опираются на ея авторитетъ, признаются и утверждаются ею“.

„Впрочемъ, суди самъ: развѣ я изъ какихъ-нибудь частныхъ откровеній почерпнулъ тѣ истины, которыми я до сихъ поръ объяснялъ и доказывалъ почитаніе Сердца Іисусова? Что Сынъ Божій любилъ и любитъ насъ „вѣчною любовію“, что Его благость и Его милосердіе суть во всякое время наше вѣрное пристанище, что мы должны усвоивать Его мысли и Его добродѣтели, что мы имѣемъ основаніе стыдиться своей холодности и неблагодарности въ сопоставленіи съ Его самопожертвованіемъ, — все это церковь Божія знала еще со дней своего основанія: такъ какъ она слышала, какъ неоднократно повторяли это Самъ Іисусъ Христосъ и Его апостолы. Ей всегда было извѣстно, что мы обязаны покланяться нашему Спасителю, такъ какъ Онъ есть истинный Богъ, и не только божественной въ Немъ природѣ, но также и человѣческой со всѣмъ, что къ ней принадлежитъ, такъ какъ она не составляетъ сама по себѣ лица, что знаетъ каждое дитя, но есть только часть боже-

ственнаго Лица, которую никакимъ образомъ нельзя отдѣлить отъ Него. Что наконецъ *для любви* или для *невидимаго сердца,* въ которомъ живетъ любовь, нѣтъ болѣе естественнаго символа, какъ тѣлесное сердце — это познало человѣчество задолго до воплощенія Сына Божія и до основанія Имъ церкви, познало однимъ только разумомъ. Слѣдовательно истины, на которыхъ основывается наше почитаніе, такъ же стары, какъ и Церковь;—и такъ, что же новаго въ этомъ отношеніи пришлось узнать этой послѣдней изъ частнаго откровенія (Маргариты)"?

„Этимъ, впрочемъ, я не оспариваю, что дѣвица благовѣщенскаго монастыря въ Парэ ле Моніаль, блаженная Маргарита, занимаетъ очень выдающееся мѣсто по отношенію къ почитанію, о которомъ идетъ рѣчь. Въ какой же степени? Въ той, что ею преимущественно данъ былъ толчекъ, который побудилъ Церковь обратить совершенно особенное вниманіе на это почитаніе, одобрить его, усердно предлагать къ употребленію, установить особенный ежегодный праздникъ Сердца Іисусова, и чрезъ все это мало-по-малу доставить упражненіямъ, которыя заключаются въ почитаніи Сердца, обширнѣйшее распространеніе и всеобщее употребленіе у всего христіанства. Эта общеупотребительность, эта совершенно особая забота, прилагаемая о немъ Церковію — это рвеніе и можно сказать воодушевленіе, съ какимъ оно (почитаніе) совершается христіанами, это и нѣкоторыя частности, о которыхъ я не упоминаю, — все это мало по малу развилось изъ внутренняго существа церковной жизни въ послѣднія двѣсти лѣтъ. Это обстоятельство, конечно, не заставитъ тебя заподозрить и самое чествованіе".

„Знаешь ли ты однако, на чемъ основывается и это твое сомнѣніе? Многія книги начинаютъ свое изложеніе о почитаніи Сердца Іисусова историческими повѣствованіями о блаженной Маргаритѣ, о ея видѣніяхъ и изреченіяхъ и потомъ только, какъ бы мимоходомъ, замѣчаютъ, что чествованіе это одобрено и св. престоломъ. Это значитъ ставить дѣло вверхъ ногами; это ошибка, которою пробуждаютъ сомнѣніе и недовѣріе въ критическихъ головахъ, какова и твоя, — и которая, напротивъ, привыкшихъ все принимать

съ набожною вѣрою, лишаетъ по меньшей мѣрѣ очень существенной пользы—ясно сознавать настоящее основаніе ихъ вѣры и ихъ благочестивыхъ упражненій. Ибо этимъ основаніемъ можетъ быть не что иное, какъ авторитетъ церкви; она одна есть „столпъ и утвержденіе истины“ [1]).

Итакъ, по мнѣнію Юнгмана, вся причина недовѣрія и сомнѣній происходитъ отъ неправильной постановки дѣла. Если рѣчь о культѣ начать съ видѣній монахини, а въ концѣ упомянуть объ его утвержденіи св. престоломъ,—въ такомъ случаѣ дѣло будетъ поставлено вверхъ ногами и возбудитъ сомнѣніе. Но если начать прямо съ авторитета церкви, съ признанія имъ видѣній и служенія за истинныя,—то сомнѣній не будетъ, ибо въ такомъ случаѣ дѣло будетъ поставлено вверхъ головой; выставленный авторитетъ церкви сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшія сомнѣнія. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

По нашему разсужденію ученый защитникъ нисколько не поправилъ дѣла. Видѣнія монахини онъ только составилъ съ перваго мѣста, гдѣ имъ слѣдуетъ быть, на второе или третье мѣсто, гдѣ они хотя не теряютъ своего значенія, но не такъ бросаются въ глаза своею чрезвычайностію. Онъ измѣняетъ постановку, какъ смѣемъ думать, вовсе не ради истины, а для того, чтобы мнимою уступкою склонить на свою сторону противника. Искренно онъ никакъ не можетъ отречься отъ того, что осуждаетъ въ другихъ. Если справедливо его положеніе: „поелику Церковь признала служеніе Сердца и подавшія къ тому поводъ видѣнія монахини за истинныя,—значитъ онѣ истинны“,—то также справедливо и осуждаемое имъ: „поелику видѣнія монахини и происшедшее отъ нихъ служеніе Сердцу—истинны, то Церковь и признала ихъ за таковыя“. Ибо та и другая постановка въ сущности есть повтореніе одного и того же несомнѣнно истиннаго положенія. Церковь и истина тожественны по существу: какъ Церковь не можетъ не знать истины, такъ и истина не можетъ существовать отдѣльно, внѣ церкви; ибо въ ней живетъ *Духъ истины*, который наставляетъ ее на

---

[1]) Andacht, стр. 46—49.

всяку истину (Іоан. 14; 16, 26; 16; 13). Не понявъ этого основоположенія, латинское мышленіе создало для себя тотъ логическій кругъ, въ которомъ оно постоянно вращается. Мы уже знакомы съ этимъ вращеніемъ. Въ прежнемъ нашемъ сочиненіи [1]) мы видѣли, какъ Радбертъ Пасхазій доказывалъ святость рожденія Богородицы. „Поелику рождество Богородицы свято, училъ онъ, то его Церковь и празднуетъ“ и наоборотъ: „поелику Церковь празднуетъ рождество Богородицы, то значитъ оно свято“. Этотъ способъ доказательствъ перенесенъ теперь на зачатіе Богородицы. Такъ совершается это вѣчное бѣганье въ колесѣ, — превращеніе подлежащаго въ сказуемое, а сказуемаго въ подлежащее:— „только истина можетъ быть принята Церковію, говорятъ: латинскіе богословы, и наоборотъ: только принятое Церковію можетъ быть истинно“. Въ чемъ же здѣсь ошибка?

Существенная ошибка заключается въ неправильномъ пониманіи Церкви и ея отношеній къ истинѣ. „Церковь, говорятъ, принимаетъ и утверждаетъ истину“. Но такое пониманіе ставитъ Церковь во внѣшнія отношенія къ истинѣ; предполагается, что истина дается церкви отвнѣ, затѣмъ усвоивается ею и, сдѣлавшись ея собственностію, становится несомнѣнной истиной. Точно таково же пониманіе и авторитета церкви. Для кого Церковь авторитетъ? Разумѣется, не для находящихся внѣ Церкви, а для своихъ же членовъ, составляющихъ ее, т. е. для самой же себя. Но это такая же несообразность, какъ если бы кто сказалъ, что я самъ для себя авторитетъ. Къ сожалѣнію, латиняне привыкли къ этой несообразности, и уже не замѣчаютъ ея. Въ ихъ мышленіи единая Церковь распадается на два представленія: на церковь авторитетъ и церковь не авторитетъ. Первая Церковь служитъ утвержденіемъ истины для второй, — а вторая не разсуждаетъ, а повинуется и вѣритъ первой. Очевидно, что въ такомъ представленіи между тою и другою Церковію разрушается единство умственное, нравственное и

---

[1]) Разности церквей восточной и западной въ ученіи о Пресвятой Дѣвѣ Маріи Богородицѣ. По поводу латинскаго догмата о непорочномъ зачатіи. Смотри третью часть стр. 233—235.

благодатное. Церковь — авторитетъ живетъ особою высшею жизнію, дѣйствуетъ по особымъ законамъ, подъ особымъ благодатнымъ вліяніемъ. Церковь же—не авторитетъ живетъ заимствованнымъ свѣтомъ и неполною жизнію, она не имѣетъ права разсуждать. Разность между тою и другою церковію въ *качествѣ даровъ, а не въ степени ихъ.* Отсюда и происходитъ высказанное Юнгманомъ недоразумѣніе: когда дѣло идетъ объ истинѣ, уже усвоенной и утвержденной Церковію, тогда сомнѣніе дѣлается невозможнымъ, а когда повѣствованіе о ней начинается съ ея возникновенія, еще до принятія и утвержденія ея Церковію, — тогда сомнѣніе возможно.

Такого отношенія Церкви къ истинѣ и такого представленія объ авторитетѣ въ Церкви не существуетъ и не можетъ существовать въ истинной Церкви. Для примѣра и лучшаго выясненія дѣла возьмемъ изъ ея жизни какое нибудь аналогическое явленіе. Такъ св. Козьма епископъ Маюмскій и св. Іоаннъ Дамаскинъ составили множество пѣснопѣній, которыя Церковь приняла и поетъ. Станемъ ли отсюда выводить латинскія умозаключенія: поелику пѣснопѣнія сихъ пѣснотворцевъ истинны, то Церковь и приняла ихъ въ употребленіе; и наоборотъ: поелику Церковь приняла ихъ въ употребленіе, значитъ они истинны. Такія умозаключенія были бы несправедливы въ томъ отношеніи, что представляли бы св. пѣснотворцевъ живущими и дѣйствующими внѣ Церкви, такъ, какъ будто они слагали пѣсни отдѣльно отъ нея, гдѣ-то внѣ ея, а потомъ предложили ей, и она, провѣривши оныя, приняла ихъ для употребленія. Дѣло было не такъ. Пѣснотворцы жили и дышали духомъ Церкви, творили отъ Церкви и для Церкви, потому ихъ произведенія были *своими* для Церкви; въ нихъ она сама выражала свои мысли и чувства; какъ свои, она и поетъ ихъ теперь. Это подобно тому, какъ въ народѣ слагаются пѣсни и входятъ въ общее употребленіе, какъ выраженія народныхъ думъ и народныхъ чувствъ. Церковь не можетъ не знать проявленій своего духа, какъ народъ — своего творчества, или какъ личность своихъ дѣйствій.

Такимъ бы образомъ слѣдовало отнестись латинскимъ

богословамъ и къ видѣніямъ монахини Маргариты и происшедшему отъ нея служенію Сердца. Довольно бы сказать, что латинская Церковь находитъ въ нихъ свое собственное дѣло, выраженіе своей жизни, печать своего духа, и потому видѣнія принимаетъ какъ ей самой сдѣланныя откровенія, а служеніе какъ особенно благодатное, спасительное; потому что въ дѣйствительности такъ это и есть, т. е. какъ видѣнія, такъ и служеніе суть произведенія духа латинской Церкви. Но богословы, какъ видно, стѣсняются вполнѣ сдѣлать такое признаніе. Такъ іезуитъ Юнгманъ хотя и говоритъ, что самое служеніе развилось изъ существа Церкви, но видѣнія Маргариты старается умалить, спрятать, стушевать, какъ будто они возникли не изъ существа Церкви, не внутри, а гдѣ-то внѣ ея. По его представленію, хотя Маргаритѣ принадлежитъ выдающееся мѣсто въ исторіи культа, но тѣмъ не менѣе ею данъ былъ только толчекъ, поводъ къ учрежденію, а остальное все принадлежитъ Церкви. Даже послѣ признанія культа, какъ въ высшей степени спасительнаго, благодатнаго, видѣнія все еще продолжаютъ прятать, по крайней мѣрѣ, отъ пытливыхъ головъ, блазнящихся ими. Іезуитъ Юнгманъ даже беретъ на себя смѣлость доказывать, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, чего бы не знала до нихъ Церковь, что въ нихъ не было дано никакихъ новыхъ откровеній. Такъ упрятываніе видѣній доходитъ почти до отреченія отъ нихъ. „Основанія культа, говоритъ защитникъ, давнымъ давно извѣстны: вѣчная любовь къ намъ Сына Божія, наша обязанность усвоять себѣ Его мысли и Его добродѣтели, нашъ долгъ покланяться Христу какъ Богу и какъ человѣку, *со всѣмъ, что принадлежитъ человѣческой природѣ* (какъ будто авторъ опасается, чтобы при поклоненіи Христу не стали чего нибудь отнимать у Него, напр. сердца, мозговъ, очей, устъ и под.?!!) — все это такъ же старо, какъ сама Церковь Христова. А изображеніе *любви* въ символѣ *Сердца*—еще старѣе и притомъ познано только однимъ человѣческимъ разумомъ, безъ всякаго откровенія. Итакъ, что же новаго въ этомъ отношеніи, пренаивно спрашиваетъ защитникъ, пришлось узнать Церкви изъ частнаго откровенія Маргариты?—Какъ что новаго? спросимъ мы въ

свою очередь. А сокращеніе цѣлаго Христа и представленіе Его въ фигурѣ Сердца? а обращеніе къ Сердцу какъ къ живому лицу? а поклоненіе изображенію органа вмѣсто личности? развѣ все это не новость, и притомъ еще странная и нелѣпая? Развѣ не это повѣдала Маргарита? развѣ не объ этомъ впервые узнала Церковь изъ ея откровеній? Развѣ не въ этомъ состоитъ нововводное служеніе? Нѣтъ, мы не думаемъ, чтобы противники культа были такъ наивны, какими ихъ воображаетъ наивный іезуитъ Юнгманъ, — не думаемъ, чтобы во всей этой рѣчи они не видѣли ловкаго манёвра отвести ихъ глаза отъ чрезвычайныхъ видѣній монахини. Они какъ были, такъ и остаются порожденіемъ пламеннаго воображенія, и потому возраженіе, что нерезонно на нихъ основывать церковное служеніе, остается во всей силѣ.

Итакъ отъ новой постановки, какую далъ іезуитъ Юнгманъ видѣніямъ Маргариты и культу Сердца, достовѣрность ихъ нисколько не выиграла, напротивъ, вопросъ только осложнился. Послѣ прикрытія ихъ верховнымъ авторитетомъ, центръ сомнѣній переносится съ видѣній и культа на самый этотъ авторитетъ. Если этимъ авторитетомъ освящено и взято подъ защиту нѣчто сомнительное, неправое и ложное, то не значитъ ли это, что и самый авторитетъ неправъ, сомнителенъ и ложенъ?

Дѣйствительно, послѣ того, какъ мы разобрали по существу символъ Сердца и видѣнія,—нужно признать, что отожествляя себя съ дѣломъ набожной монахини, верховный авторитетъ подвергаетъ себя общему съ этимъ дѣломъ суду и приговору. Если происхожденіе символа и видѣній есть дѣло *непосредственнаго воззрѣнія* и носитъ на себѣ печать *духовной незрѣлости;* то и верховный авторитетъ подводится подъ ту же категорію, т. е. онъ самъ водится тѣмъ же *непосредственнымъ воззрѣніемъ* и носитъ ту же печать *духовной незрѣлости.* Вотъ результатъ изслѣдованія по существу.

Но у защитника есть еще одинъ аргументъ въ пользу видѣній и верховнаго авторитета, это высокое достоинство служенія Сердца. Онъ увѣряетъ, что „служеніе Сердцу, по свидѣтельству опыта, въ высшей степени благодатно, полезно и соотвѣтствуетъ духу Церкви, какъ мало какія дру-

гія". Такимъ образомъ членамъ Церкви указывается возможность не только успокоиться на авторитетѣ, но въ нѣкоторой степени и самимъ пріобрѣсть опытное убѣжденіе въ томъ. Посмотримъ, такъ ли это?

IV.

Служеніе Сердцу Іисуса, его цѣли и средства.

„Сердце Іисусово, говорятъ его чтители, есть знаменіе, образъ и источникъ божеской любви... Благо намъ, что Церковь открыла это сокровище! Она выставляетъ намъ изображеніе Іисусова Сердца и этимъ видимымъ знакомъ напоминаетъ о Его вѣчной невидимой любви, — той божественной любви, которая въ святѣйшемъ таинствѣ любви (въ таинствѣ причащенія) многими была непризнана, отвергнута, оскорблена и даже осмѣяна. А теперь пламень этой любви, которымъ горитъ Сердце Іисуса, согрѣваетъ и наши холодныя сердца и возбуждаетъ чтителей его къ тому, чтобы они своею великою горячностію вознаградили тѣ оскорбленія, которыя доселѣ были наносимы этому Сердцу. Поэтому св. церковь, ставя предъ наши очи кроткій и милостивый образъ (?) Сердца Іисусова, взываетъ ко всѣмъ людямъ: „идите и почитайте Сердце Іисуса,—эту жертву любви" [1]). Виновница этого культа, монахиня Маргарита, пишетъ: „чтобы въ короткое время возвести душу къ совершенству нѣтъ другаго болѣе дѣйствительнаго средства, какъ служеніе Іисусову Сердцу" [2]). „Почитаніе святѣйшаго Сердца имѣетъ особенную силу воспламенять огнемъ Божественной любви холодныя сердца человѣческія" [3]),—повторяютъ за нею проповѣдники культа.

Въ чемъ же заключается это служеніе и секретъ его необыкновенно скораго и благотворнаго воздѣйствія на души вѣрующихъ?—Изслѣдуемъ эти вопросы и постараемся дать на нихъ обстоятельный отвѣтъ.

---

[1]) Uplná pob. предисл. стр. I, III—IV.
[2]) Apost. modl. стр. 33.
[3]) Uplná pob. стр. 1.

Какъ самъ символъ есть сосредоточенное представленіе Христа, такъ и служеніе этому символу есть сосредоточенное или концентрированное служеніе Христу.

Выше мы уже видѣли, что Сердцу, какъ опредѣленному лицу, какъ новоявленному святому, составлены службы, молитвы, пѣснопѣнія. Но святому посвящается одинъ какой нибудь день въ году; Сердцу же, поставленному въ замѣнъ самого лица Христа, служеніе совершается постоянное, непрерывное, впродолженіе всего года, или лучше, впродолженіе всей жизни чтителя Сердца. Молитвы и пѣснопѣнія въ честь Сердца суть молитвы и пѣснопѣнія Іисусу,—только примѣненныя къ Сердцу. Поэтому онѣ составлены на всѣ потребы; есть молитвы и пѣснопѣнія—утреннія и вечернія, предъ исповѣдью и послѣ исповѣди, предъ причащеніемъ и послѣ причащенія, — во время литургіи, на дни Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ и на дни душичекъ и святыхъ. Такимъ образомъ молитвенники, составленные для почитанія Сердца, могутъ замѣнить собою всѣ старые молитвенники; въ нихъ содержится полный годовой кругъ службъ, молитвъ и пѣснопѣній для вѣрующаго католика. Кромѣ того, въ молитвенникахъ излагаются правила, какъ совершать почитаніе Сердца, предлагается руководство, какъ предаваться благочестивымъ размышленіямъ, воздыханіямъ и обращеніямъ къ Сердцу, и какъ исполнять особыя благочестивыя упражненія въ честь Сердца.

Цѣль служенія Сердцу состоитъ въ томъ, чтобы а) въ короткое время возжечь и воспламенить въ душахъ вѣрующихъ любовь ко Христу, возвести ихъ къ высшему совершенству, и б) чрезъ то вознаградить предъ Богомъ холодность и равнодушіе общества вообще къ Спасителю и въ частности къ таинству причащенія [1]). Къ этимъ двумъ цѣлямъ, поставленнымъ въ неразрывную связь, и направляется все служеніе чтителей Сердца, вся ихъ религіозная дѣятельность, все ихъ благочестіе [2]).

---

[1]) Прав. ю. Uplnà poб. стр. 13.

[2]) Предлагаемъ здѣсь въ переводѣ „благоч. упражненія культа“ и „ихъ правила“,—по молитвеннику пробоща Руффера:

Упражненія въ благоч. служеніи святѣйшему Сердцу Іисуса:

Для достиженія сихъ цѣлей они обязываются:

а) читать молитвы и пѣснопѣнія, составленныя въ честь Сердца, предаваться благочестивымъ размышленіямъ и чувствованіямъ при видѣ Сердца, обращаться къ Сердцу съ своими сердечными воздыханіями, изливать предъ нимъ свои нужды, скорби, печали, надежды, ожиданія, кратко,— относиться къ Сердцу, какъ къ божественному лицу, покла-

---

Если ты твердо рѣшился отдаться благоч. служенію Божескаго Сердца, чтобы въ скоромъ времени достигнуть высокаго совершенства, пріучи себя слѣдующему упражненію, которымъ будешь въ состояніи воспламенить въ своемъ сердцѣ огонь любви Іисусовой и наполнить сердце небесной радостью:

1. Поставь въ своей комнатѣ на глаза образъ святѣйшаго Сердца Іисуса, часто лобызай его, съ горячностью прижимай къ устамъ и къ сердцу, какъ будто бы и дѣйствительно имѣлъ Сердце Іисуса въ рукахъ. Если же ты не имѣешь этого образа, возьми въ руки крестъ и дѣлай съ прободеннымъ бокомъ то же, что сталъ бы ты дѣлать съ Сердцемъ Іисуса. При этомъ упражненіи, которое можешь отправлять сидя, стоя или на колѣняхъ, старайся почитать огонь любви Христовой, всякое божеское движеніе и всѣ добродѣтели святѣйшаго Сердца Іисуса,—и въ нихъ упражняться, и потому воздохни изъ глубины сердца и говори: „О премилое и любви достойнѣйшее Сердце! Ты Сердце моего Бога и моего Искупителя! Огонь! огонь! любовь! любовь! оживи, воспламени, раздуй и разожги во мнѣ!“ Извѣстно, что Господь Іисусъ самъ сообщилъ своей угодницѣ „блаж. Маргаритѣ Алякокъ“ о почитаніи образа своего Сердца, какъ читается въ ея житіи у епископа суассонскаго и Іосифа архіепископа въ Сансѣ (Sens). „Нѣтъ для Меня ничего пріятнѣе, сказалъ Господь Іисусъ, какъ когда почитается Мое сердце, поэтому Я хочу, чтобы образъ Моего сердца былъ выставленъ публично взорамъ почитателей; чрезъ его любвеобильнѣйшее существо жесткія сердца могутъ смягчиться къ добру. Обѣщаю, что всѣ тѣ, кои станутъ особенно почитать этотъ образъ, будутъ наслаждаться великими милостями изъ полноты моего божескаго сердца“.

2. Покланяйся св. Сердцу Іисуса, издали въ его дарохранительницѣ, ежедневно, когда утромъ, въ полдни и вечеромъ звонятъ къ молитвѣ,—съ такою горячностію, съ какою Ангелы кланяются ему на его алтаряхъ. Соединяйся съ ними, возбуди въ себѣ сердечное желаніе, чтобы это святѣйшее Сердце было любимо и почитаемо всѣми человѣческими сердцами.

3. Днемъ возноси часто сердце свое къ Богу, соединившись съ Сердцемъ Іисуса, взывающимъ ко Отцу о милости и помилованіи. Чаще помышляй въ себѣ и говори: „Все для Сердца Іисуса и съ

няться ему, призывать его, благоговѣть предъ нимъ, просить, благодарить и славословить его.

б) изучать свойства Сердца Іисусова и подражать имъ, особенно его смиренію, кротости, чистотѣ и любви,— усердно заботиться о пріобрѣтеніи навыка избѣгать самыхъ малыхъ грѣховъ, и всякаго случая ко грѣху, исполнять божескія внушенія, всякое дѣйствіе соображать съ волей Божіей и

Сердцемъ Іисуса". Внутренно уговорись со Христомъ и скажи Ему, что сколько движеній твоего сердца, столько должно быть упражненій въ любви къ нему.

4. Все, что ты дѣлаешь или терпишь, все, о чемъ молишься или чего желаешь, что касается твоего тѣла или души,—слагай въ святѣйшую язву божескаго Сердца съ просьбою, чтобы оно представило все это своей безмѣрной добротѣ, и будь увѣренъ, что тутъ все будетъ въ сохранности. Воздыханія и вопли, обращенныя къ этому Сердцу и чрезъ это Сердце, никогда не будутъ напрасны.

5. Не пропускай ни одной пятницы безъ особеннаго почитанія этого божескаго Сердца, ибо это единственный день, въ который его благочестивые чтители ему особенно кланяются.

6. Радуйся, когда при посѣщеніи церкви, во время слушанія литургіи, ты можешь оное Сердце величать (milowat), въ святѣйшемъ таинствѣ алтаря—ему кланяться, а при этомъ изливать предъ нимъ свое сердце со всѣми своими потребами, и представлять ему всѣ свои нужды.

7. Но больше всего чаще причащайся, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, или, если ты болѣе усерденъ, чрезъ двѣ недѣли, а съ позволенія дух. отца и еженедѣльно.

8. Поставь со св. Бонавентурою три сѣни: одну въ язвахъ рукъ, другую въ язвахъ ногъ, а третью въ язвѣ Сердца твоего Спасителя. Здѣсь молись, воздавай почтеніе, воздыхай, работай, ѣшь, пей, отдыхай.

9. Если времени довольно и обязанности твоего положенія дозволяютъ, возьми на себя устныя упражненія, читай часы, литаніи или иныя молитвы въ честь этого сладчайшаго Сердца,—что тебѣ больше понравится въ этой книжкѣ. Таковыми упражненіями почитается божеское Сердце Іисуса, утѣшается и къ тебѣ склоняется, въ чемъ и есть твой по истинѣ интересъ.

Правила для благочест. упражненій въ служеніи Сердцу Іисуса:

1. Прежде всего знай, что ни одно изъ слѣдующихъ правилъ и предписаній необязательно подъ отвѣтственностію грѣха. Кто ихъ по невнимательности перестанетъ исполнять,—теряетъ милость, какая вытекаетъ изъ этого служенія, кто же не по своей винѣ замедлитъ испол-

въ этомъ совѣтоваться съ духовникомъ, изгонять изъ себя себялюбіе, превозмогать свои главные недостатки и стремиться къ совершенству; (Прав. 9).

в) сосредоточить свою мысль на алтарномъ таинствѣ, т. е. на св. Гостіи, хранящейся на св. престолѣ, —(или по нашему, на запасныхъ св. Дарахъ). Для сей цѣли чтителямъ Сердца внушается по приходѣ въ Церковь становиться и колѣно-

---

неніемъ или по благословной винѣ оставитъ, тотъ можетъ послѣ вознаградить и опять стать участникомъ тѣхъ милостей.

2. Чтобы быть членомъ этого служенія и имѣть участіе въ немъ и его индульгенціяхъ, нужно, чтобы желающій быть членомъ былъ записанъ въ какой нибудь церкви, въ которой это служеніе установлено папскимъ полномочіемъ. Они должны въ день полныхъ индульгенцій исповѣдаться, причаститься, прочитать указанныя папою молитвы индульгенцій или вмѣсто нихъ—семь разъ: „Отче нашъ", „Богородице" и разъ „Вѣрую".

3. Въ день вступленія въ это служеніе должно причаститься и въ сердцѣ своемъ соединиться съ остальными членами этого служенія.

4. Воспоминаніе святѣйшаго Сердца Іисусова, которое празднуется въ пятницу по октавѣ Божьяго Тѣла, совершается съ великимъ благоговѣніемъ, приготовленіе къ нему продолжается девять дней. Полезно тогда прочитать эти правила и тѣмъ обновить и воспламенить въ себѣ усердіе къ божескому Сердцу.

5. Въ первую пятницу каждаго мѣсяца каждый снова возбуждаетъ себя къ почитанію святѣйшаго Сердца и въ виду этого идетъ къ св. причащенію,—а если этого не можетъ сдѣлать по какимъ-либо важнымъ причинамъ, пусть по крайней мѣрѣ мысленно причащается. Полезно въ тотъ день повторить молитву совершенной преданности Богу и умилостивленія за оскорбленіе Сердца Іисусова.

6. Члены этого служенія должны въ духѣ своемъ соединяться съ святѣйшимъ Сердцемъ и со всѣмъ усердіемъ воздыхать къ нему напр.: Святѣйшее Сердце Іисуса, помилуй насъ!—Особенно рекомендуется читать днемъ въ 9 часовъ утра и въ 4 часа пополудни слѣдующую молитву, съ которою папа Пій VI соединилъ индульгенціи: „О божеское сердце Іисусово! я тебѣ покланяюсь, тебя люблю, къ тебѣ взываю со всѣми сочленами этого братства, предаю тебѣ каждое мгновеніе моей жизни, особенно послѣднее мгновеніе, чтобы скончаться въ этой любви къ тебѣ и вѣчно тамъ тебя любить. Аминь".

7. Члены этого служенія, которые могутъ то сдѣлать, напоминаютъ, себѣ, чтобы иногда проводить въ молитвѣ „святой часъ" т. е. въ четвергъ вечеромъ, шестой часъ молиться, чтобы такимъ образомъ соединиться съ своимъ Искупителемъ въ Его смертельной тоскѣ въ геѳси-

преклоненно молиться именно предъ тѣмъ алтаремъ, на которомъ стоитъ св. Гостія,—а во время пребыванія въ домѣ или вообще внѣ церкви—мысленно обращаться къ тому же алтарю и мысленно покланяться предъ нимъ,—будетъ ли то днемъ, когда раздается съ колоколенъ приглашеніе къ молитвѣ,—или ночью, когда чтитель Сердца ложится спать или когда пробуждается во время сна. Съ этой же цѣлію чтитель

манскомъ саду, и испросить побѣду и распространеніе нашей святой вѣры.

8. Члены должны также оказывать особенное почитаніе Сердцу Дѣвы Маріи, которое было такъ подобно Сердцу Сына ея, достойному всякаго почитанія. Для этого каждую первую субботу каждаго мѣсяца слѣдуетъ употреблять десять привѣтствій сердцу Маріи, сердечную молитву къ Дѣвѣ Маріи, также краткое воздыханіе: Непорочное Сердце Маріи! предстательствуй за насъ! и т. д.

9. Должны полагать въ томъ особенную важность, чтобы изслѣдовать свойства Сердца Іисусова и имъ подражать, особенно его смиренію, кротости, его чистотѣ, его любви. Должны съ горячностію домогаться: а) чтобы пріобрѣсти навыкъ избѣгать самомалѣйшихъ грѣховъ и каждаго случая ко грѣху; божескія внушенія исполнять и постоянно себя хранить въ благодати; б) чтобы всякое дѣйствіе устроять и совершать по волѣ Божіей, и въ этомъ совѣтоваться съ духовникомъ и у него испрашивать правилъ, какъ нужно выполнять обязанности своего положенія; в) при этомъ сличеніи своей воли съ божескимъ Сердцемъ въ каждомъ движеніи они должны имѣть въ виду чистѣйшее намѣреніе и свои наклонности и расположенія предавать Сердцу Іисусову въ вознагражденіе того, что въ нихъ есть несовершеннаго; г) наконецъ, должны постоянно заботиться о томъ и домогаться того, чтобы изгонять изъ себя себялюбіе, превозмогать свои главные недостатки и страстно желать совершенной святости.

10. Всевозможными способами, какъ то: молитвою, самоизнуреніемъ, добрыми дѣлами, посѣщеніемъ святѣйшаго таинства алтаря и усерднымъ причащеніемъ, совершаемымъ для примиренія,—старались вознаградить людскую неблагодарность и безчувственность, съ умученному Іисусу, который такъ любитъ людей,—вознаградить безчиніе, насмѣшки и непочитаніе, поношенія и всѣ другія оскорбленія, которыя если когда, то особенно въ послѣднее время были наносимы величію Божію въ святѣйшемъ таинствѣ и теперь еще продолжаются.

11. Особенная любовь внушается имъ къ сочленамъ братства Сердца. Нужно помогать имъ въ ихъ нуждахъ, за нихъ молиться, а особенно за умершихъ. Съ этою цѣлію всѣ сочлены побуждаются разъ въ мѣсяцъ приступать къ причащенію, или прочитать молитвы четокъ или совершить иное какое-нибудь доброе дѣло, желательно было-бы,

Сердца учащаетъ исповѣдь и причащеніе Св. Таинъ. Если можно и духовникъ найдетъ удобнымъ для чтителя Сердца,—слѣдуетъ причащаться еженедѣльно,—или разъ въ двѣ недѣли, или же разъ въ мѣсяцъ—непремѣнно. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ дѣлается смягченіе. Такъ какъ служеніе Сердцу, добровольное и непринужденное, то въ случаѣ какихъ нибудь внѣшнихъ препятствій для чтителя, онъ можетъ только *мысленно* причащаться [1]).

Таковы въ общихъ чертахъ главныя и существенныя обязанности, налагаемыя на вѣрующихъ католиковъ служеніемъ Сердца.

Хотя, какъ видно изъ этого очерка, служеніе Сердцу имѣетъ характеръ обще-церковный, можетъ быть предложено всѣмъ вѣрующимъ сынамъ латинской церкви и ими отправляемо,—тѣмъ не менѣе оно усвоено особому обществу или союзу. Поэтому цѣли служенія достигаются не вообще въ Церкви латинской, а въ обществѣ такихъ католиковъ, которые особенно ревнуютъ о высшемъ совершенствѣ. Такимъ образомъ и самая латинская церковь концентрируется въ особомъ избранномъ обществѣ, или въ особой сосредоточенной церкви.

Какъ духовный союзъ, общество Сердца налагаетъ на своихъ членовъ свои обязанности, именно—взаимную любовь и молитву другъ за друга, а особенно за умершихъ сочленовъ. Не смотря на то, что всѣ члены объединяются въ служеніи Сердцу, для возбужденія взаимной любви имъ внушается еще разъ въ мѣсяцъ причащаться, или читать

чтобы всѣ въ первую пятницу въ ноябрѣ причастились за умершихъ своихъ сочленовъ.

12. Должны, наконецъ, со всѣмъ усердіемъ заботиться о томъ, чтобы служеніе святѣйшему Сердцу Іисуса расширялось, а истинное почитаніе его было возбуждено. Никакое препятствіе не должно ихъ устрашать; книжки объ этомъ служеніи слѣдуетъ распространять, изображенія его почитать, а посвященные ему алтари украшать. Они должны стараться для всѣхъ быть всѣмъ, чтобы это служеніе нравилось, и если бы можно было, всѣ сердца отверзлись для любви Христовой.

[1]) См. упражненія въ почитаніи Сердца Іисусова, правила и безпрестанное почитаніе Сердца Іисусова Uplná poÞ. стр. 8—14. Apost. modl. стр. 210—213.

молитвы четокъ, или совершать другія какія-нибудь добрыя дѣла. При этомъ въ правилѣ (11-мъ) выражается желаніе, чтобы всѣ въ первую пятницу ноября (2 ноября у католиковъ родительская) причащались за умершихъ своихъ сочленовъ.

Это общество имѣетъ *свои особые храмы*, снабженные полными индульгенціями. Само собою разумѣется, чтитель Сердца можетъ молиться и во всякомъ храмѣ,—но онъ долженъ знать свои храмы и посѣщать ихъ, какъ для напоминанія нравственной связи съ своими сочленами, такъ и для присвоенія себѣ тѣхъ „духовныхъ привиллегій", какія соединены съ посѣщеніемъ храмовъ Сердца. Въ храмѣ, какъ мы сказали, онъ долженъ знать свое мѣсто предъ алтаремъ съ св. Гостіей.

Общество Сердца имѣетъ и свои *священныя времена*. Празднуются, конечно, и всѣ вообще латинск. праздники, но для благочестивыхъ упражненій, налагаемыхъ служеніемъ Сердцу, назначены особые дни; это а) всѣ пятницы года; изъ нихъ первыя въ каждомъ мѣсяцѣ имѣютъ нѣкоторое предпочтеніе предъ дальнѣйшими; б) послѣдніе три дня въ посту, первый и послѣдній день каждаго года, но в) самый важный и высокоторжественный день для общества,—это пятница по октавѣ Божьяго тѣла, по нашему *десятая пятница*; ибо въ этотъ день послѣдовало самое блистательное явленіе Христа Спасителя монахинѣ Маргаритѣ и рѣшительное установленіе служенія Сердцу. „Въ первыя пятницы каждаго мѣсяца согласно съ приказаніемъ, которое далъ Божественный Искупитель достопочтенной Маргаритѣ, всѣ съ дозволенія своихъ духовныхъ отцовъ, приступаютъ къ престолу Господа и возобновляютъ предъ святѣйшимъ Сердцемъ свою благочестивую преданность" [1]).

Кромѣ священныхъ дней есть еще особый священный *часъ*. Это вечерній часъ съ четверга на пятницу каждой недѣли, въ воспоминаніе геѳсиманскаго моленія о чашѣ Спасителя. „Въ этотъ часъ чтитель Сердца, говорится въ правилахъ, въ своей молитвѣ соединяется съ своимъ Иску-

[1]) Uplná pob. prav. 5, и Apost. modl. прав. 2 и 3, стр. 211.

пителемъ въ Его смертельной тоскѣ и молитъ Бога о побѣдѣ и распространеніи св. католической вѣры [1]).

Общество Сердца богато одарено „духовными выгодами“ т. е. индульгенціями и потому даетъ возможность своимъ сочленамъ умирать спокойно, безъ страха предъ чистилищнымъ огнемъ. Индульгенціи эти *полныя и неполныя.*

Полныя индульгенціи пріобрѣтаются въ слѣдующіе дни: 1) въ день принятія въ число братства; 2) въ день праздника Сердца, или въ первое воскресенье послѣ праздника; 3) въ первую пятницу или въ первое воскресенье каждаго мѣсяца; 4) разъ въ каждый мѣсяцъ въ произвольно избранный день; 5) въ часъ смерти, при послѣднемъ издыханіи, когда умирающій, если не въ слухъ устами,—по крайней мѣрѣ, въ умѣ своемъ благоговѣйно призоветъ имя Іисусово.

Упомянутыя индульгенціи члены братства могутъ пріобрѣтать въ какомъ угодно храмѣ.

Кромѣ того *полныя* индульгенціи присвоены членамъ братства, посѣщающимъ храмы братства, или совершающимъ добрыя дѣла по назначенію духовныхъ отцовъ:

1) на Господскіе праздники: Рождество, вел. четвергъ, въ первый день Пасхи и въ день вознесенія Господня; 2) на Богородичные: въ день непорочнаго Зачатія, Очищенія (Срѣтенія Господня), Благовѣщенія, Взятія Богоматери на небо (Успенія) и въ день Ея Рождества; 3) въ день Святыхъ: св. прав. Іосифа (19 марта), св. Григорія (12 марта), свв. ап. Петра и Павла, всѣхъ Святыхъ, въ день поминовенія усопшихъ (въ день всѣхъ вѣрныхъ душичекъ), и наконецъ, по исполненіи шести пятницъ или воскресеній предъ праздникомъ св. Сердца Іисуса.

Примѣчаніе. Кто хочетъ получить эти индульгенціи, тотъ долженъ настоящимъ образомъ исповѣдаться, благоговѣйно причаститься и имѣя въ мысляхъ св. отца (папу), не менѣе седьми разъ прочитать: „Отче нашъ“ и „Вѣрую“. Въ молитвенникѣ Апостолята кромѣ того сказано: „Принадлежащимъ къ братству постояннаго поклоненія алтар-

---

2) Прав. 7, Uplná pob. стр. 12.

ному Таинству даруются *полныя* индугенціи въ день, имъ указанный, когда хоть одинъ часъ этого дня они пребудутъ въ благочестивомъ занятіи, обновятъ обѣты, данные при крещеніи и иныя добрыя намѣренія, и въ какомъ нибудь общественномъ храмѣ помолятся мысленно о папѣ [1]).

Неполныя индульгенціи даны въ изобиліи и въ различныхъ размѣрахъ; на 7, на 10, на 15 и 30 лѣтъ и столько же сороковъ [2]). Есть еще стодневныя индульгенціи; ихъ имѣютъ тѣ, кои ежедневно, три раза днемъ,—утромъ, въ полдни и вечеромъ, читаютъ молитвы: Слава и честь Богу Отцу и проч., воздавая благодареніе Пресв. Троицѣ, за всѣ милости и преимущества, какія дарованы были Матери Божіей при взятіи Ея на небо. Кто будетъ выполнять это ежедневно по три раза,—тотъ пріобрѣтетъ, въ какой бы то ни было день всякаго мѣсяца, *полныя индульгенціи*. Всѣ эти индульгенціи постоянны (trwalé) и какъ молитвы мо-

---

[1]) Uplná pob. стр. 15. Ap. modl. стр. 55—59.

[2]) *Неполныя* индульгенціи получаются въ слѣд. дни и въ слѣдующемъ размѣрѣ; въ *пепельную* среду (въ первый день Вел. поста) и въ 4-ое Воскресенье Поста на 15 лѣтъ и 15 сороковъ (дней, т. е. на 15 лѣтъ и 600 дней); въ Цвѣтную недѣлю и Вел. субботу на 30 лѣтъ и 30 сороковъ (или на 1200 дней); во всѣ праздники св. четыредесятницы на 10 лѣтъ и 10 сороковъ; въ понедѣльникъ и остальные дни Свѣтлой седмицы до Ѳомина воскресенья включительно на 30 лѣтъ и 30 сороковъ; въ субботу предъ праздникомъ Троицы на 10 лѣтъ и 10 сороковъ; въ праздники пятидесятницы до слѣдующей субботы включительно на 30 л. и 30 сороковъ; въ каждый изъ четырехъ воскресныхъ дней, равно и въ каждый изъ 9 дней предъ праздникомъ Сердца на 7 лѣтъ и 7 сороковъ; въ первое, второе и четвертое воскресенье Рождественскаго поста на 10 лѣтъ и 10 сороковъ; въ третье воскресенье того же поста на 15 л. и 15 сороковъ; въ щедрый вечеръ—во время ночнаго богослуженія и при ранней литургіи праздника Рождества на 15 лѣтъ и 15 сороковъ; въ три дня Рождества, въ день обрѣзанія и Богоявленія, въ воскресенье блуднаго и въ два слѣдующія воскресенья, на день св. Марка, на каждый день въ посту въ крестные дни на 30 лѣтъ и 30 сороковъ; въ три сухіе дни [1]) (т. е. въ три постные дни каждой четверти года) на 10 л. и 10 сороковъ, въ меньшіе богородичные праздники и св. апост., въ которыхъ нѣтъ полныхъ индульгенцій, на 7 лѣтъ и 7 сороковъ. См. тамъ же и еще Prav. bratr. стр. 3, 4.

[1]) О сухихъ дняхъ см. ниже въ Приложеніяхъ къ IV гл.

гутъ быть пріусвоены душамъ усопшихъ (Пій VII 1 марта 1801 г., 2 апр. 1805 г., 15 мая 1816 г., Левъ XII 21 мая 1828 г.). Какъ видно, верховная власть латинской церкви не поскупилась на привиллегіи обществу Сердца. Видно, она сознаетъ важность и пользу для церкви этого общества. Но странно! зачѣмъ такое обиліе индульгенцій, когда чтители Сердца не только сами достигаютъ высокаго совершенства, но и за другихъ приносятъ вознагражденіе и удовлетвореніе?!

Мы такимъ образомъ обозначили сущность служенія Сердцу Іисусову. Оно есть чрезвычайное средство, чрезъ сосредоточенное почитаніе воплощенной въ фигурѣ Сердца любви Христовой, возбуждать и развивать любовь и стремленіе къ высшему совершенству. Обратимся теперь къ вопросу: въ чемъ заключается тайна его скораго воздѣйствія на души благочестивыхъ чтителей и быстраго воспламененія въ нихъ любви? Отвѣтъ будетъ вполнѣ исчерпанъ, когда мы скажемъ, что эта тайна заключается: 1) въ *непосредственности* или *наглядности* служенія, 2) въ *особенностяхъ его системы*, и 3) въ *частой исповѣди* и *частомъ причащеніи*.

1) Подобно своему символу, служеніе Сердцу удерживаетъ вполнѣ характеръ *непосредственности*. Почитатель Сердца постоянно имѣетъ предъ собою образъ Сердца; предъ нимъ совершаетъ всѣ свои благочестивыя упражненія, къ нему непосредственно обращается, съ нимъ бесѣдуетъ, ему изливаетъ свою душу. Эта наглядность предписывается правилами культа. „Если ты, говорится тамъ, твердо рѣшился отдаться благочестивому служенію божескаго сердца, чтобы въ скоромъ времени достигнуть высокаго совершенства, пріучи себя къ слѣдующему упражненію, которымъ будешь въ состояніи воспламенить въ своемъ сердцѣ огонь Іисусовой любви и наполнить сердце небесной радостью. Для сего поставь въ своей комнатѣ на видъ образъ святѣйшаго Сердца Іисуса, чаще лобызай его, съ горячностію прижимай его къ устамъ и къ сердцу, какъ будто бы ты и на самомъ дѣлѣ имѣлъ въ рукахъ Сердце Іисусово. (Если же ты не имѣешь этого образа, возьми въ руки крестъ и дѣлай съ проколотымъ бокомъ то же, что сталъ бы ты дѣлать съ Сердцемъ

Іисуса). При этомъ упражненіи, которое можешь отправлять сидя, стоя или на колѣняхъ, старайся почитать огонь любви Христовой, всякое божеское движеніе и всѣ свойства святѣйшаго Сердца Іисусова и въ нихъ упражняться, и потому, воздохнувъ отъ глубины сердца, говори: „О премилое, любви достойнѣйшее Сердце! Ты Сердце моего Бога и моего Искупителя! Огонь! огонь! любовь! любовь! оживи, воспламени, раздуй и разожги во мнѣ!“. Извѣстно, что Господь Іисусъ самъ сообщилъ своей угодницѣ, блаж. Маргаритѣ Алякокъ, о почитаніи образа своего Сердца, какъ читается въ ея житіи... „Нѣтъ для Меня ничего пріятнѣе, сказалъ Господь Іисусъ, какъ когда почитается Мое Сердце. Поэтому Я хочу, чтобы образъ Моего Сердца былъ выставленъ публично взорамъ почитателей; чрезъ его любвеобильнѣйшее существо жесткія сердца могутъ смягчиться къ добру. Обѣщаю, что всѣ тѣ, кои станутъ особенно почитать этотъ образъ, будутъ наслаждаться великими милостями отъ полноты моего божескаго Сердца“ [1]).—И другое, столь же существенное упражненіе имѣетъ также характеръ непосредственности и наглядности. Это постоянное обращеніе къ алтарному таинству или къ св. Гостіи; молится ли почитатель Сердца во храмѣ,—онъ молится предъ св. Гостіей; молится ли дома, онъ переносится мысленно опять къ тому же таинству.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе этой непосредственности и наглядности воображеніе и чувство не разбѣгаются, но сосредоточиваются на двухъ опредѣленныхъ, постоянно присущихъ взорамъ предметахъ, такъ сказать, спеціализируются и вслѣдствіе этого постоянно держатся въ возбужденіи и напряженіи. Нарисованное Сердце становится живымъ предметомъ, не только огненнымъ, пламенѣющимъ, возсѣдающимъ на тронѣ, не только одушевленнымъ, трепещущимъ,— но вмѣщающимъ въ себѣ всего Христа, божеств. лицемъ. А св. Гостія, если сама въ себѣ мало даетъ простора для воображенія, за то подаетъ поводъ рисовать ея обстановку. По изображенію молитвенниковъ культа, ей предстоятъ

[1]) Uplná pob. стр. 8—9.

денно и нощно, съ благоговѣніемъ покланяются и служатъ хоры ангельскіе. На этой сторонѣ алтарнаго таинства сосредоточилось и развилось воображеніе почитателей Сердца, какъ это мы увидимъ ниже.

2. Второе объясненіе тайны скораго воздѣйствія культа заключается въ особенностяхъ системы служенія. Ее можно назвать системой *натверживанія* или *непрерывнаго возбужденія*. Въ служеніи все сведено къ тому, чтобы предъ воображеніемъ, съ одной стороны, постоянно держать чувственно-реальные образы,—а по сердцу,—съ другой, постоянно ударять въ одно и то же мѣсто. По утвержденію самихъ же проповѣдниковъ культа, все служеніе написано языкомъ фигуральнымъ, поэтическимъ, подъ вліяніемъ сильныхъ чувствованій составителей. Потому, какъ само оно есть плодъ сильно возбужденнаго воображенія и чувства, такъ и совершающихъ оное ведетъ къ такому же возбужденію. Оно состоитъ изъ подбора хвалебныхъ наименованій Сердца, изъ постоянныхъ фигуръ повтореній, олицетвореній, обращеній къ Сердцу, какъ къ живому лицу, съ постоянно повторяющимися мольбами и воздыханіями о помилованіи и воспламененіи любви: „Святѣйшее Сердце Іисуса! помилуй насъ!“ Или „Сладчайшее Сердце Іисуса, дай мнѣ любить тебя больше и больше!“ Но особенно рекомендуется слѣдующая молитва, съ которою папа Пій VI соединилъ индульгенціи: „О божеское Сердце Іисуса! Я тебѣ покланяюсь, тебя люблю, къ тебѣ взываю со всѣми сочленами этого братства, предаю тебѣ каждое мгновеніе моей жизни, особенно же послѣднее, чтобы скончаться въ этой любви къ Тебѣ и тамъ вѣчно любить Тебя. Аминь [1]).“ Молитвы и пѣснопѣнія изложены такъ, что тонъ рѣчи мало по малу подымается и чувство возводится отъ низшихъ нотъ къ высшимъ, отъ ровнаго, спокойнаго состоянія къ движеніямъ и волненіямъ. Воображеніе и чувство поставлены такимъ образомъ подъ систематическое воздѣйствіе постоянно повторяющихся однихъ и тѣхъ же картинъ, представленій, размышленій, восклицаній, обращеній, вздоховъ и под. фигуръ; совершается искусственный

[1]) Прав. 6 Uplná pob. стр. 12.

процессъ натверживанія; воображеніе, сосредоточенное на одномъ предметѣ, постепенно воспламеняется; чувство, подъ вліяніемъ одного и того же воздѣйствія, пріобрѣтаетъ быструю возбуждаемость, или способность къ раздраженію; получается навыкъ предаваться въ извѣстномъ направленіи набожной мечтательности и религіозно-сладостной чувствительности. При восходящемъ тонѣ молитвъ и пѣснопѣній такое состояніе души можетъ подыматься до высшей степени напряженія, до экзальтаціи. Въ самомъ дѣлѣ, если вамъ будутъ часто повторять одно и то же приглашеніе: „Посмотри, какъ это Сердце бьется, какъ изъ него до послѣдней капли кровь льется“,—развѣ нельзя дойти до того, что, наконецъ, дѣйствительно станетъ мерещиться біеніе Сердца, его трепетаніе, его сжиманіе. Или: если вы будете повторять такого рода фигуру обращенія къ Сердцу: „Любовь ты моя, желанная лилія, дорогой перлъ, прекрасная роза, пахнущій небомъ цвѣтокъ, рай мой, небо мое, спасеніе мое, Боже мой!“, само собой разумѣется, чувство приходитъ въ напряженіе, подымается въ своей силѣ и можетъ подняться, говоримъ, до экзальтаціи.

3. Наконецъ, третье могущественное средство быстро воспламенять любовь въ душахъ чтителей Сердца заключается въ частой исповѣди и частомъ причащеніи св. Таинъ. Въ служеніи Сердца, кромѣ положеннаго ежемѣсячнаго причащенія, — есть много поводовъ и побужденій къ еще болѣе частому причащенію; такъ рекомендуется причащаться въ день вступленія въ общество служенія для оживленія своихъ намѣреній и для нравственнаго единенія съ сочленами братства (прав. 3), — во дни индульгенцій (пр. 2), затѣмъ, для вознагражденія людской неблагодарности (пр. 10), для возбужденія взаимной любви сочленовъ (пр. 11), и наконецъ, въ первую пятницу ноября, за умершихъ своихъ сочленовъ (прав. 11). Какъ учащенная исповѣдь, такъ и учащенное причащеніе производятъ особаго рода воздѣйствіе на души чтителей Сердца. Исповѣдь ставитъ ихъ подъ прямое и непосредственное руководство духовныхъ отцевъ и въ духовную отъ нихъ зависимость; причащеніе же оживляетъ представленіе о пребываніи Христа въ сердцѣ.

Оо. іезуиты на весь міръ прославились своею опытностію въ исповѣди и своимъ умѣньемъ овладѣвать совѣстью своихъ духовныхъ чадъ. Это умѣнье ихъ хорошо понято и объяснено [1]). Оно состоитъ въ томъ, что, съ одной стороны, отцы духовные внушаютъ своимъ духовнымъ чадамъ самое строгое и безпрекословное повиновеніе совѣсти, а съ другой, — своимъ *правдоподобнымъ мнѣніемъ,* своимъ формальнымъ пониманіемъ нравственнаго закона, любви и добрыхъ дѣлъ, своимъ произвольнымъ то расширеніемъ, то съуживаніемъ простительныхъ и непростительныхъ грѣховъ, и вообще своей казуистикой омрачаютъ, ослѣпляютъ совѣсть, обезразличиваютъ предъ ней добро и зло, ставятъ ее на распутіе, и такимъ образомъ дѣлаютъ для нея необходимымъ свое руководство. Сознавая необходимость безпрекословно повиноваться совѣсти, но въ то же время сбитый съ толку, исповѣдникъ долженъ постоянно прибѣгать къ совѣту и помощи своего духовнаго отца. Правила братства Сердца прямо отдаютъ его членовъ подъ это руководство. По правиламъ каждый членъ долженъ принести прежде всего „подробную и обстоятельную“ исповѣдь, а затѣмъ не только исповѣдываться часто, но и вообще прибѣгать за совѣтами къ своему духовному отцу. — Такъ одно правило гласитъ: „всякое дѣйствіе слѣдуетъ устраивать и совершать по волѣ Божіей, и въ этомъ совѣтоваться съ духовникомъ и у него испрашивать правилъ, какъ нужно выполнять обязанности своего положенія“ (прав. 9). При этомъ мимоходомъ дается еще такое правило, которое открываетъ духовнику возможность простирать свою власть на самыя сокровенныя намѣренія и расположенія духовнаго чада. Это правило слѣдующее: „бо-

---

[1]) Со всею основательностію и обстоятельностію, не голословно, но на основаніи нравственныхъ системъ богослововъ іезуитскаго ордена, это изобличеніе тайны іезуитской исповѣди сдѣлано покойнымъ Ю. Ѳеод. Самаринымъ, въ его книгѣ „Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи“. Москва 1870 г. См. письмо II стр. 139—268. Книга эта написана была по вызову со стороны русскихъ іезуитовъ оо. Гагарина и Мартынова. Отвѣта еще не послѣдовало съ ихъ стороны; отвѣтъ остается за ними. Кто незнакомъ съ этой книгой Самарина, тому рекомендуемъ познакомиться.

жескія внушенія слѣдуетъ исполнять и постоянно хранить себя въ благодати". Ниже мы увидимъ, что обязанность прислушиваться къ божескимъ внушеніямъ и исполнять ихъ— составляетъ особое, такъ сказать, спеціальное упражненіе культа, и даетъ возможность духовнику опредѣлять цѣлую жизнь исповѣдника. Такимъ образомъ тайна быстраго воздѣйствія культа на вѣрующихъ католиковъ много зависитъ и отъ непосредственнаго и частаго воздѣйствія духовниковъ на ихъ совѣсть и расположенія.

Обратимся теперь къ частому причащенію.

Нѣтъ сомнѣнія, что частое и благоговѣйное причащеніе Тѣла и крови Христовой благотворно и спасительно для души человѣческой. *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ; ядый Мою плоть и піяй Мою кровь имать животъ вѣчный и Азъ воскрешу его въ послѣдній день*, — сказалъ самъ Спаситель (Іоан. 6; 56, 54). Но такъ какъ эта небесная пища прикрыта земными видами хлѣба и вина, — то чтобы она животворила нашу душу, необходимо нужна вѣра; ибо вѣра дѣлаетъ душу удобопріемлемою и расширяетъ въ ней область воздѣйствія благодати. Припомнимъ, что только искавшіе прикосновенія ко Христу съ вѣрою и надеждою получить исцѣленіе, только тѣ получали оное. (Лук. 6, 19. ср. 9, 44 — 46). Но и вѣра въ свою очередь возрастаетъ не сама собою, или однимъ дѣйствіемъ благодати, но по мѣрѣ духовнаго разсужденія или созерцательной дѣятельности ума и познанія любви Христовой. Мало восклицать и умиляться при видѣ Таинства, надо стараться понять его силу, самое его существо. Въ чемъ же оно состоитъ? Безъ сомнѣнія въ обоженіи природы человѣческой [1]). Во Христѣ, какъ мы уже сказали, это обоженіе раскрывалось съ постепенностію, а окончательно и вполнѣ совершилось въ крестныхъ Его страданіяхъ за міръ,—послѣ

[1]) Припомнимъ слово одной молитвы предъ причащеніемъ: „и грѣхи вся остави ми Боже всяческихъ, да чистымъ сердцемъ, притрепетною мыслію и душею сокрушенною, нескверныхъ твоихъ причащуся и пресвятыхъ Таинъ, ими же оживляется и обожается всякъ, ядый же и піяй чистымъ сердцемъ... Божественныхъ бо причащайся и боготворящихъ благодатей, не убо есмь единъ, но съ Тобою, Христе мой,

чего Онъ и сказалъ: *Дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мѳ. 28, 18). Та слава, которую Онъ имѣлъ у Отца по своему божеству прежде бытія міра, по воскресеніи сообщилась и Его человѣчеству, и потому Апостолъ сказалъ, что *въ Немъ обитаетъ вся полнота божества тѣлесно.* (Кол. 2, 9). Несомнѣнно поэтому, что, даруя намъ таинство Своего тѣла и крови, Христосъ Спаситель и намъ сообщаетъ свое божество съ тою же постепенностію, съ какою металлу сообщается сила огня чрезъ постепенное накаливаніе, — чтобы такимъ образомъ по воскресеніи своемъ мы были подобны Ему не только духовно, но и тѣлесно; ибо *праведницы просвѣтятся подобно солнцу въ царствіи Отца небеснаго* (Мѳ. 13, 43). Посему не слѣдуетъ ли намъ, пріемлющимъ таинственное тѣло и таинственную кровь Христову, созерцаніемъ и жизнію усвоять и тотъ духъ человѣколюбія Христова, который привлекалъ на Него благоволеніе Отца небеснаго и ради котораго оно совершенно опочило на Немъ послѣ искупительныхъ страданій Его за міръ? Безъ сомнѣнія такъ: ибо Христосъ заповѣдалъ совершать это таинство въ воспоминаніе Его голгоѳскаго жертвоприношенія. — *Сіе творите въ Мое воспоминаніе*, (Лук. 22, 19), сказалъ Онъ Апостоламъ;— и Апостолы такъ поняли и учили: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (I Кор. 11, 26). Съ другой стороны, необходимо созерцаніе нравственнаго идеала добра и отсюда смиренное сознаніе человѣческой поврежденности вообще и личной грѣховности въ частности. Православная церковь научаетъ насъ этому смиренію, когда влагаетъ въ уста наши слѣдующія слова предъ св. причащеніемъ: *Вѣрую Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистинну Христосъ, Сынъ Бога*

свѣтомъ трисолнечнымъ, просвѣщающимъ міръ... И далѣе: милостію сострастія теплѣ кающіяся и чистиши, и свѣтлиши, и свѣта твориши причастники, общники Божества Твоего содѣловаяй независтно... Мол. 7. Симеона новаго Богослова.

Или слѣдующіе стихи:

„Божественное тѣло и обожаетъ мя, и питаетъ.

Обожаетъ духъ, умъ же питаетъ странно". Послѣд. ко св. причащенію.

живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ [1]). Истинный причастникъ произноситъ это смиренное исповѣданіе отъ искренняго сердца, отъ глубокаго сознанія своей грѣховности. Ибо въ нравственной жизни сознаніе грѣховности развивается точно такъ же, какъ сознаніе ничтожности человѣческой мудрости въ ученомъ. Чѣмъ шире раздвигается предъ мудрецомъ область знанія, тѣмъ необъятнѣе становится для него область невѣдомаго и тѣмъ ничтожнѣе область добытаго знанія и тѣмъ прискорбнѣе человѣческое невѣжество. Такъ и въ нравственной жизни: чѣмъ больше раскрывается нравственный идеалъ добра, тѣмъ глубже сознаніе нашей недостаточности, нашей бѣдности, нашего повреждения и нашей грѣховности. И какъ тамъ только самоувѣренное невѣжество гордится знаніемъ, такъ здѣсь только ослѣпленное самомнѣніе можетъ воображать о себѣ, что оно можетъ свои добрыя дѣла обращать въ удовлетвореніе или въ вознагражденіе за другихъ.

Не таково разсужденіе о таинствѣ причащенія латинянъ. Если взять во вниманіе, что въ правилахъ культа причащеніе чтителей Сердца принимается какъ такое доброе дѣло, которое причастнику заслуживаетъ всепрощеніе и полное разрѣшеніе отъ вѣчныхъ и временныхъ (чистилищныхъ) наказаній, которое Христомъ пріемлется какъ вознагражденіе за людскую неблагодарность и холодность, а находящимся въ чистилищѣ вмѣняется въ заслугу и служитъ средствомъ къ ихъ освобожденію отъ чистилищнаго огня; то нельзя не признать, что при такомъ утилитарномъ взглядѣ на причащеніе и при такомъ формальномъ къ нему отношеніи, благодать его не можетъ раскрыться и воздѣйствовать въ душѣ причастника надлежащимъ образомъ. Здѣсь нѣтъ духовнаго разсужденія и нѣтъ основнаго условія для причащенія — смиренія, которому учитъ православная церковь. Правда, латинскій причастникъ тоже исповѣдуетъ свое недостоинство, свою нечистоту и свое поврежденіе, но мысль, что онъ совершаетъ заслугу, доставляетъ вознагражденіе или удовлетвореніе, дѣлаетъ это исповѣданіе общимъ мѣстомъ, оффи-

[1]) Мол. 12 Златоустаго.

ціальнымъ исповѣданіемъ. Смиренное сознаніе недостоинства и въ то же время заслуги — это два взаимно исключающія состоянія, — что-нибудь одно должно быть — или то, или другое. Что дѣйствительно у латинянъ нѣтъ настоящаго духовнаго разсужденія и нѣтъ истиннаго смиренія — это доказываетъ ихъ положительное ученіе, излагаемое въ богословскихъ системахъ.—Такъ въ одномъ богословскомъ сочиненіи, изданномъ съ одобренія высшаго начальства, мы читаемъ: плоды таинства причащенія, совершаемаго на литургіи, могутъ быть приложены прямо для всѣхъ вѣрующихъ, будутъ ли то грѣшники или праведники. Относительно грѣшниковъ надо замѣтить, что имъ приноситъ спасительную пользу только ходатайство и умилостивленіе, въ собственномъ смыслѣ, а не удовлетвореніе, поелику для воспринятія послѣдняго имъ недостаетъ необходимаго предположенія—свободы отъ тяжкихъ грѣховъ, или состоянія освящающей благодати. Праведники же, которые болѣе или менѣе не имѣютъ нужды покаяніемъ заглаждать временныя наказанія, напр. крещеныя дѣти, могутъ воспринимать ходатайственные плоды, а не умилостивительные или удовлетворяющіе, послѣдніе поступаютъ въ такомъ случаѣ въ сокровищницу церкви [1]). По такому разсужденію, очень легко

[1]) Für Gläubige, welche nicht exkommunizirt sind, kann direkt applicirt werden, gleichviel ob sie Sünder oder Gerechte sind. Hinsichtlich der Sünder ist zu beachten, dass ihnen nur die impetratorische und propitiatorische Frucht im engern Sinn, nicht auch die satisfactorische, nützen kann, da ihnen für die Entgegennahme der Leztern die nothwendige Voraussetzung, die Freiheit von schwerer Sünde oder der Stand der heiligmachenden Gnade mangelt. Gerechte, die zeitliche Sündenstrafen nicht oder nicht mehr abzubüssen haben, z. B. getaufte Kinder, können die impetratorische Frucht entgegennehmen, nicht aber die propitiatorische oder satisfactorische, letzte geht in solchem Fall in den Schatz der Kirche über.

Снеси съ этимъ слѣдующее выше стоящее мѣсто: „24, Die propitiatorische, auf die Versöhnung des wegen unserer Sünden erzürnten Gottes sich beziehende Frucht stellt sich in Folge der göttlichen Einsetzung nach einem bestimmten Gesetze und kraft göttl. Verheissung ein; sie entsteht ex opero operato und wird, je nachdem es sich um die Nachlassung der Sünden oder der nach ihrer Nachlassung noch übrigen zeitlichen Sündenstrafen handelt, als propitiatorische Frucht im engeren Sinn und als sa-

себя причислить къ праведникамъ. Если христіанинъ не имѣетъ за собою *тяжкихъ грѣховъ*, значитъ онъ находится въ *состояніи освящающей благодати*, *а освящающая благодать* по ученію тѣхъ же богослововъ, есть *первобытная праведность* и *святость*. Такой христіанинъ, какъ праведникъ, можетъ просить у Бога новыхъ благъ,—но не имѣетъ нужды ни въ умилостивленіи, ни въ удовлетвореніи;—то и другое поступаетъ въ распоряженіе церкви. Чтители Сердца, какъ ищущіе высшаго совершенства, высшаго угожденія Богу,—всѣ именно такого рода христіане: всѣ, если не сказать, праведники,—то люди близкіе къ тому: всѣ находятся въ состояніи освящающей благодати, обладаютъ въ той или другой мѣрѣ первобытной праведностію и святостію, и потому не имѣютъ нужды просить Бога объ умилостивленіи и объ удовлетвореніи. Потому-то въ служеніи Сердцу они не столько заботятся о себѣ, сколько о самомъ Христѣ и о неблагодарныхъ грѣшникахъ. Они причащаются для того между прочимъ, чтобы доставить радость Сердцу Іисуса и представить Ему удовлетвореніе за грѣшниковъ,—или иначе, чтобы своимъ взносомъ увеличить богатство Церкви. На этомъ то основаніи мы и утверждаемъ, что не смотря на частую исповѣдь и частое причащеніе чтителей Сердца, нравственное ихъ сознаніе не получаетъ должнаго развитія, нравственный идеалъ добра не раскрывается предъ ними во всей силѣ Христова человѣколюбія, а поврежденіе человѣческой природы не познается во всей ея глубинѣ. Отсюда и то высокое совершенство, о которомъ есть забота въ культѣ, изученіе свойствъ Сердца Іисусова, подражаніе кротости, смиренію, чистотѣ и любви, удерживаніе себя отъ малѣйшихъ грѣховъ и поводовъ ко грѣху и подобное,—все это, прошедши чрезъ іезуитскую казуистику, имѣетъ чрезвычайно условное значеніе. Во что же уходитъ вся сила души причастниковъ?—Отвѣтимъ: на воображеніе или представ-

---

tisfaktorische unterschieden; die erstere geht mittelbar, die letztere unmittelbar aus dem Opfer hervor.—Die moralische Tugend der Religion in ihren unmittelbaren Akten und Gegensätzen—von Johann Baptist Wirthmüller mit Approbation des hochw. Capitels-Vicariats Freiburg. Freiburg im Breisgau. 1881 г. Стр. 515 и 509.

леніе присутствія Христова въ сердцѣ, на бесѣду съ Нимъ и на вынужденіе себя восчувствовать въ себѣ блаженство этого общенія. Такъ въ молитвенникахъ дается наставленіе не только бесѣдовать съ принятымъ Гостемъ, но и просить Его, чтобы и самъ Онъ благоволилъ возглаголать въ сердцѣ причастника. — „Многіе, читаемъ мы тамъ, заблуждаются, когда послѣ причащенія, обращаясь ко Христу, молятся такъ, что ихъ молитвамъ и просьбамъ конца нѣтъ. Это знакъ невѣжества, когда ты постоянно говоришь гостю, а ему не дашь слова выговорить. Іисусъ имѣетъ много что сказать тебѣ. Поэтому, помолчи и потомъ скажи Ему одно слово: „Іисусе! возглаголи къ сердцу моему!“ И знай, что на твою просьбу Онъ произнесетъ важныя рѣчи. Будь увѣренъ, что Онъ отвѣтитъ тебѣ въ твоемъ сердцѣ, обратитъ твое вниманіе на какую-нибудь твою ошибку, сдѣлаетъ тебѣ о чемъ-нибудь напоминаніе, дастъ совѣтъ или вольетъ въ тебя мужество и т. д. Послушай, Іисуса; прикрой свои очи, собери свое вниманіе, не обращай вниманія на внѣшнія мысли и заботы и укройся въ сердцѣ Господа. О блаженное одиночество! Но ради всего, что для тебя дорого въ мірѣ, прошу тебя, слушайся гласа Іисусова, Его напоминаній, Его обличеній, Его совѣтовъ. „Аще услышите гласъ Его, не ожесточите сердца своего“. Что бы съ тобой стало, если бы ты нынѣ не обратилъ вниманія на Его голосъ, а Онъ не сталъ бы съ тобой говорить больше?“ [1]). Когда причастники будутъ слѣдовать такимъ внушеніямъ, понятно, что частое причащеніе св. Таинъ будетъ сильно дѣйствовать на ихъ души именно въ этомъ направленіи, приводя въ частое напряженіе воображеніе и чувство. Такія видѣнія и рѣчи, какъ монахини Маргариты или Маріи Латастъ [2]), суть результатъ этой практики духовныхъ отцовъ и ихъ духовныхъ чадъ.

И такъ, въ наглядности упражненій культа, въ сосредоточенности воображенія и чувства, въ систематическомъ

---

[1]) Apost. modl. стр. 113.

[2]) См. въ моей книгѣ: Разности Церквей о Пр. Дѣвѣ Маріи и Богородицѣ, стр. 305—306.

воздѣствіи на нихъ культа, въ руководствѣ оо. духовниковъ и въ частомъ причащеніи, а вмѣстѣ съ симъ и въ напряженномъ представленіи Христова присутствія въ сердцѣ и заключается тайна культа быстро дѣйствовать на души чтителей Сердца и въ короткое время воспламенять въ нихъ любовь ко Христу.

Но любовь ли это? вотъ вопросъ. И въ пониманіи любви надо наблюдать осторожность и точность. Какъ ни просто, повидимому, это слово—любовь, какъ ни доступно и ни понятно оно,—но и оно можетъ быть неправильно понято, переголковано и извращено, какъ и всякое откровенное ученіе. Ученикъ любви и ея проповѣдникъ по преимуществу, св. ап. Іоаннъ Богословъ, внушая вѣрующимъ истинную любовь, предполагаетъ въ то же время и неистинную: *дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною* (I Іоан. 3, 18) — не сказалъ только *дѣломъ*, но прибавилъ и *истиною*. Значитъ, искаженіе любви можетъ выражаться и въ явленіи ея въ самыхъ дѣлахъ. Въ чемъ же заключается истинная любовь? въ какихъ чертахъ изображается она? Остановимся на минуту на этихъ вопросахъ, существенно важныхъ въ нашемъ изслѣдованіи.

Св. ап. Іоаннъ Богословъ, говоря о нашей любви къ Богу, изображаетъ ее въ не многихъ, но въ сильныхъ и опредѣленныхъ чертахъ, совершенно достаточныхъ для того, чтобы понять ея свойства. Такъ онъ называетъ ее *познаніемъ Бога: не любяй не позна Бога* (I Іоанн. 4, 8); *и единеніемъ съ Богомъ: Богъ любы естъ и пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (4, 16). Въ этихъ краткихъ чертахъ изображена вся сущность истинной любви. Во первыхъ, она предшествуется и сопутствуется *познаніемъ* Бога. Безъ познанія Бога нельзя истинно любить Его; ибо нельзя любить непознанное. А знать Его мы можемъ не посредствомъ разсудочнаго познанія, не посредствомъ умозаключеній, а посредствомъ умосозерцаній божественныхъ совершенствъ [1]), которыя Онъ явилъ сперва въ твореніи, а потомъ вторично въ спасеніи падшаго человѣчества, и ко-

[1]) Ср. стр. 33—35.

торыя продолжаетъ постоянно являть въ жизни каждаго человѣка, а особенно въ жизни вѣрующихъ въ Него. Во вторыхъ, любовь есть единеніе съ Богомъ. Созерцая въ Богѣ Его высочайшія совершенства, человѣкъ, такъ сказать, упоевается ими,—и стремится отождествиться, слиться съ Нимъ, погрузиться въ Него, или, по выраженію, боговдохновенныхъ писателей, войти съ Нимъ въ общеніе, пребывать въ Богѣ и съ Богомъ. Такое устремленіе къ Богу и пребываніе въ Немъ безкорыстно, чуждо всякихъ видовъ и разсчетовъ, беззавѣтно, чисто, совершенно. Если земная любовь гнушается и не терпитъ разсчетовъ, то тѣмъ паче любовь небесная. Если на землѣ человѣкъ знаетъ безкорыстныя наслажденія, напр. при взглядѣ на какую-нибудь прекрасную картину, то тѣмъ паче такое наслажденіе имѣетъ мѣсто при созерцаніи божественныхъ совершенствъ. Если любовь дѣтей къ родителямъ основывается на природѣ нравственныхъ отношеній между ними, — то тѣмъ паче таковыя отношенія имѣютъ мѣсто между Богомъ и свободно разумными тварями.—„*Что ми есть на небеси и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли*, говоритъ Псалмопѣвецъ? *Мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть, полагати на Господа упованіе мое* (Пс. 72, 25, 28). Сущность совершенствъ божественныхъ есть любовь; *Богъ любы есть*. Тайна и сила любви во внутренней жизни Троичнаго Божества пріоткрыта намъ отчасти, — но ея движеніе, такъ сказать, извнутри Божества во внѣ, ея проявленіе въ спасеніи человѣка — въ полнотѣ и совершенствѣ; средоточный пунктъ этой любви, завершительное ея проявленіе есть, какъ мы уже раскрыли, — крестъ Христовъ, Его человѣколюбіе и самопожертвованіе до смерти. Безъ познанія и усвоенія этой любви Божіей къ человѣку не можетъ быть единенія съ Богомъ, общенія или отождествленія съ Нимъ, ибо въ такомъ случаѣ не будетъ сходства между любовію нашей и любовію Бога. Поэтому то совершенство любви нашей условливается любовію къ ближнему. *Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ* (— 4, 12) говоритъ св. ап. Іоаннъ. *Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо нелюбящій брата своего, котораго*

видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ (— 4, 20). Отсюда открывается, что наша любовь, хотя въ представленіи раздѣляется на два рода любви, на любовь къ Богу и на любовь къ ближнему, но въ существѣ есть одна и та же любовь къ Богу, только чрезъ Бога и отъ Бога обращаемая къ ближнему. Любовь, достигшая такого совершенства, имѣетъ великое дерзновеніе предъ Богомъ. *„Любовь до того совершенства, чтобы намъ имѣть дерзновеніе въ день суда, достигаетъ въ насъ тѣмъ, что мы поступаемъ въ мірѣ семъ, какъ Онъ. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ; потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся несовершенъ въ любви* (—4: 17, 18).

Другой ученикъ и проповѣдникъ любви, св. ап. Павелъ, подобно св. Іоанну, изображаетъ ее также высокими чертами. Онъ называетъ ее *союзомъ совершенства* (Кол. 3, 14), *путемъ превосходнѣйшимъ*, *даромъ высшимъ* и *совершеннѣйшимъ* паче всѣхъ чудесныхъ дарованій,—даромъ, дающимъ спасительную силу и достоинство симъ послѣднимъ, и, наконецъ, даромъ, никогда *непрестающимъ*. Такъ, сказавъ о чудесныхъ дарованіяхъ, онъ продолжаетъ: *ревнуйте о дарахъ большихъ, и я вамъ покажу путь еще превосходнѣйшій. Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій. Если имѣю дары пророчества, и знаю всѣ тайны и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится* (I Кор. 12, 31. 13, 1—8). Эта любовь есть дѣйствіе Духа Божія; она изливается въ сердца наши Духомъ Святымъ, именуетъ Бога своимъ Отцемъ и движетъ насъ въ молитвѣ къ Нему. *„Мы не знаемъ о чемъ молиться, какъ*

должно, но Самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными. (Рим. 8, 15, 16. Гал. 4, 6. Рим. 8, 25). Такимъ образомъ то дерзновеніе, о которомъ говоритъ св. ап. Іоаннъ, есть сыновнее дерзновеніе, изливаемое въ насъ Духомъ Божіимъ. Совершенный въ любви молится не какъ рабъ, не какъ преступникъ предъ грознымъ судіей, — но какъ сынъ предъ отцомъ, безъ страха, съ сыновнимъ дерзновеніемъ [1]); ибо имъ движетъ Духъ Христовъ. Послѣ сего становится понятнымъ и великая сила молитвы праведниковъ, достигшихъ совершенной любви или сыновняго дерзновенія предъ Богомъ, каковы напр. Моисей, Даніилъ и под.; ибо въ молитвѣ они были движимы Духомъ Христова сыновства и дерзновенія. Таково ученіе Апостоловъ о любви.

Какъ учили Апостолы, такъ поняла и понимаетъ любовь св. Православная Церковь. Подвижникъ любви, преп. Іоаннъ, писатель Лѣствицы,—изображая путь восхожденія къ небу, любовь ставитъ на верху всѣхъ добродѣтелей, какъ вѣнецъ, какъ союзъ совершенствъ. „Любовь, по выраженію его, есть утвержденіе Ангеловъ, вѣчное преспѣяніе, — по качеству своему—уподобленіе Богу, сколько того человѣки могутъ достигнуть, по дѣйствію своему—упоеніе души, а по свойству источникъ вѣры, бездна долготерпѣнія, море смиренія; любовь есть подательница пророчества, причина чудотвореній, бездна просвѣщенія, источникъ огня (божественнаго), который чѣмъ больше истекаетъ, тѣмъ болѣе распаляетъ жаждущаго. По его опытному дознанію, любовь, безстрастіе и усыновленіе Богу различаются между собою одними названіями; ибо какъ свѣтъ, огонь и пламень соединяются въ одномъ дѣйствіи, такъ должно разсуждать и о сихъ совершенствахъ“.—О связи любви къ Богу и ближнему онъ такъже разсуждаетъ, какъ и св. ап. Іоаннъ. „Кто говоритъ, что любитъ Господа, а на брата своего гнѣвается, тотъ подобенъ человѣку, которому во снѣ представляется, что онъ бѣ-

[1]) Чтобы дать намъ почувствовать силу сыновняго дерзновенія предъ Богомъ, нашимъ Отцемъ, св. прав. Церковь запрещаетъ колѣнопреклоненныя молитвы во время Пасхи, и чрезъ то располагаетъ насъ войти въ благодатно-сыновнія отношенія къ Богу. См. 90 пр. Трулльскаго собора.

житъ".—„Любящій Господа прежде возлюбилъ своего брата, ибо второе служитъ доказательствомъ перваго" [1]).

Вслѣдствіе такого пониманія истинной любви, въ церкви православной всегда были и теперь, безъ сомнѣнія, существуютъ и постоянно будутъ существовать живые примѣры этой любви. Чтобы не обращаться къ далекимъ временамъ, мы укажемъ на близкіе намъ примѣры изъ русской церкви. Истинными представителями истинной любви въ наше время были напр. Серафимъ Саровскій, Парѳеній Кіевскій, или Кириакъ Иркутскій (въ разсказахъ г. Лѣскова). Замѣчательно, что эти и подобные имъ примѣры истинной любви Христовой не ходили съ мѣста на мѣсто, не проходили море и сушу, чтобы проповѣдовать любовь Христову невѣдущимъ ея,—не навязывались съ своею любовію ближнимъ своимъ, но, живя въ уединеніи, благоуханіемъ своей любви привлекали къ себѣ тысячи и изъ далекихъ странъ, и спасительно дѣйствовали не только на вѣрующихъ своихъ согражданъ, но и на невѣжественныхъ язычниковъ (какъ напр. Киріакъ).

Послѣ того, что мы сказали объ истинной любви, какъ она явлена намъ въ откровеніи, мы можемъ теперь должнымъ образомъ опредѣлить и оцѣнить любовь, возбуждаемую культомъ Сердца. Дѣйствительно ли это любовь? Повидимому, любовь культа имѣетъ всѣ признаки истинной любви, но искусственность, легкость и быстрота, съ какими она пріобрѣтается, заставляютъ насъ усомниться въ ея достоинствѣ. Выяснимъ ея существо чрезъ сличеніе съ истинной, евангельской любовію.

Въ самомъ дѣлѣ, истинная любовь, какъ мы видѣли, предшествуется и сопутствуется познаніемъ Бога. Познаніе же Бога пріобрѣтается высшею силою души умомъ, чрезъ созерцаніе божественныхъ совершенствъ, а особенно любви, явленной Богомъ человѣку. Въ культѣ Сердца внушаются также размышленія о свойствахъ Сердца Божія, предлагаются даже и руководства къ тому, — но образъ Сердца, стоящій постоянно предъ взорами созерцателей, показываетъ, какое направленіе дается этимъ размышленіямъ. Вмѣсто того, чтобы

---

[1]) Лѣствица Сл. 30, § 37, 7, 9, 35.

отрѣшать умные взоры отъ непосредственнаго воззрѣнія на символъ къ созерцанію божественныхъ совершенствъ въ ихъ духовности, вмѣсто того, чтобы возводить умъ отъ земли къ небу, отъ чувственнаго къ сверхчувственному, духовному,—культъ Сердца, наоборотъ, до крайности съуживаетъ созерцательную дѣятельность ума; въ немъ, какъ мы видѣли уже, принятъ порядокъ обратный тому, какой долженъ быть; въ немъ духовное овеществляется, небесное облекается въ земное, божественное символизируется въ чувственномъ образѣ. Символъ Сердца, въ которомъ образное выраженіе получила любовь со всѣми божественными совершенствами,— есть плодъ именно этого обратнаго порядка созерцанія. Не умъ возводится горѣ, — а умосозерцаемое низводится долу, до непосредственнаго и нагляднаго выраженія. Поэтому, въ культѣ какъ будто нарочно все сведено къ тому, чтобы устранить созерцательную дѣятельность ума. Молитвы и пѣснопѣнія даютъ образы или совсѣмъ невообразимые и ни съ чѣмъ несообразные, или же слишкомъ чувственные, непосредственные,—такіе, которые не могутъ поднять умъ къ созерцанію или дать ему пищу для этого. Такъ въ одной напр. молитвѣ мы читаемъ: Пріими мое сердце, Іисусе мой!... Сохрани его въ своемъ Сердцѣ и соедини его тамъ съ непорочнымъ сердцемъ Дѣвы Маріи, Твоей и нашей Матери, равно какъ и съ сердцами всѣхъ моихъ братій и сестеръ. Обними мое сердце своимъ Сердцемъ и держи его крѣпко, чтобы никто не могъ взять его обратно". Или: „въ Сердцѣ твоемъ отверзаются врата небесная; изъ Сердца течетъ сладость, издается райское благовоніе на обновленіе жизни души"... „Сотникъ отверзъ Сердце, чтобы въ него можно было свободно войти" и под. Самый символъ, какъ мы уже видѣли, для того и изобрѣтенъ, чтобы крестъ Христовъ утратилъ свое опредѣленное выраженіе; для того удаленъ и видъ распятаго Господа, чтобы дать мѣсто произвольнымъ и фантастическимъ представленіямъ и толкованіямъ. Вмѣсто ума дѣйствующими силами напротивъ являются низшія силы души: воображеніе и чувство. Онѣ, какъ уже выше сказано, сосредоточены на двухъ пунктахъ или фокусахъ: *символѣ Сердца и св. Гостіи;* введены въ систему внѣшняго непо-

средственнаго воздѣйствія, постояннаго натверживанія и искусственнаго ихъ поднятія до состоянія высшаго напряженія или экзальтаціи; по такому воздѣйствію воображеніе создаетъ фантастическія картины, напр. огненное, пылающее пламенемъ Сердце на тронѣ, а чувство вымогаетъ ощущенія, порывы, чувствованія любви, умиленія. Посему мы съ полнымъ правомъ должны сказать, что любовь культа есть любовь воображенія и систематически возбужденнаго чувства— или любовь *искусственно-натверженная.*

Очевидно, эта любовь не есть истинная. Собственно говоря,—это и не *любовь*, какъ всецѣлое и всесовершенное устремленіе къ Богу, какъ нравственное начало, дающее значеніе и достоинство всѣмъ дѣйствіямъ человѣка, а чувствованіе любви, порывъ любви, умиленіе. Это любовь іезуитской морали, ее можно отправлять совершенно отдѣльно какъ фактъ, какъ всякое доброе дѣло, какъ напр. подать милостыню, отстоять литургію, и под. Временемъ ею можно заняться, возбудить въ себѣ, а временемъ оставить въ покоѣ, не затрогивать, не безпокоить". Вытянуть изъ себя актъ любви, — elicere actum amoris, — это общепринятое понятіе нравственныхъ системъ іезуитовъ. Почему у нихъ возможенъ вопросъ, для насъ совершенно невозможный, именно: въ какой мѣрѣ, на сколько, когда, сколько разъ въ жизни, при какихъ именно обстоятельствахъ, *обязанъ* я любить Бога? Возможенъ такой вопросъ именно потому, что любовь понята какъ порывъ, какъ отдѣльный актъ чувствованія, и каждый такой порывъ, каждый такой актъ, поняты какъ особое, отдѣльное доброе дѣло. Культъ Сердца именно и приспособленъ къ такъ понятой любви. Все служеніе направлено къ тому, чтобы вызываніе порывовъ любви участить, вытягиваніе актовъ любви сдѣлать непрерывнымъ, а умиленіе постояннымъ; словомъ любовь, какъ ее понимаютъ оо. іезуиты, подведена подъ систему, ими же самими измышленную [1]). Такая любовь слишкомъ искусственна, поверхностна. Между ею и истинной любовію такое же различіе, какое находится въ словесныхъ произведеніяхъ между

[1]) Смотри вышеупомянутую книгу Самарина стр. 188—212.

выраженіемъ естественнаго чувства и риторическими украшеніями. Это *поддѣлка*, *фальсификація* любви, а не любовь [1]).

Понятая такимъ внѣшнимъ образомъ, любовь культа является не какъ общехристіанскій долгъ, непремѣнная обязанность для каждаго христіанина, а какъ дѣло сверхъдолжное, необязательное, какъ заслуга. Если, по ученію великихъ свѣтилъ латинской церкви Суареса, Веласкеза, Бузенбаума и другихъ учителей товарищества Іисусова, любовь можно отмѣривать и трактовать по вопросамъ: когда, какъ, почему, для чего? если для спасенія души христіанину нужно полюбить въ пять лѣтъ одинъ разъ, а не то довольно и одного раза во всю жизнь, только бы этотъ разъ приходился къ концу жизни, то что же сказать о томъ христіанинѣ, который хочетъ любить постоянно и цѣлую свою жизнь? Очевидно, онъ дѣлаетъ больше, чѣмъ сколько ему нужно для спасенія. Его благочестивыя упражненія въ служеніи Сердцу, получая характеръ заслуги, поступаютъ на пользу всей церкви, складываются въ общую ея сокровищницу, идутъ въ оборотъ (по выраженію Хомякова). Отсюда становится понятною другая черта культа — стремленіе къ вознагражденію и удовлетворенію за людей. Служеніе Сердцу до того пріятно Богу, что Его праведный гнѣвъ укрощается и Онъ примиряется съ міромъ. Въ полной увѣренности такого значенія своего служенія чтитель Сердца и является предъ Богомъ съ этимъ фарисействомъ: „Хочу оплакать провинности моихъ ближнихъ и принести за нихъ удовлетвореніе“. Если въ такомъ усердіи дѣйствуетъ одна только младенческая простота и недомысліе, — Господь снизойдетъ къ нему, но непростительно это фарисейство для тѣхъ, которые нарочно вымогаютъ оное и держатъ вѣрующихъ на степени младенческаго неразумія.

---

[1]) Проповѣдь объ такой любви приносятъ намъ въ Россію западные проповѣдники въ родѣ лорда Редстока. По увѣренію его и его лже-апостоловъ, очень легко и скоро можно полюбить Христа; стоитъ только увѣрить себя, что я принялъ Христа и что Христосъ во мнѣ. У редстокистовъ есть очень много сходнаго въ пріемахъ ихъ любви ко Христу съ любовію латинск. культа,—но есть и различіе, которое опредѣляется разностями исповѣданій латинскаго и протестантскаго.

Такая любовь съ такою увѣренностію въ ея значеніи, ставитъ чтителей Сердца въ особыя отношенія ко Христу Спасителю и ближнимъ.—Истинная любовь есть познаніе и усвоеніе любви Божіей въ ея движеніи къ человѣку; поэтому она смотритъ на людей съ высоты креста Христова, въ немъ находитъ свое примиреніе съ жизнію и опредѣленіе своихъ отношеній къ ней.—Какъ любовь Христова, она кротка, смиренна, сострадательна, долготерпѣлива, самоотверженна, безстрастна, спокойна, проста и естественна. Совсѣмъ не такова любовь культа; она смотритъ не сверху внизъ, а наоборотъ, снизу вверхъ,—отъ грѣховъ человѣческихъ взираетъ на крестъ Христовъ, и свою участливость, свое состраданіе и самопожертвованіе направляетъ ко Христу, Его одного дѣлая предметомъ своихъ заботъ и попеченій. Воображая Христа всѣми покинутымъ и одинокимъ, оскорбленнымъ людскою холодностію, равнодушіемъ, насмѣшками и разными пороками, и отринутымъ, не знающимъ, куда дѣвать сокровища своей любви,—чтители Сердца ставятъ себѣ цѣлію и къ тому напрягаютъ свои усилія, чтобы любовію доставить Ему удовольствіе и радость, такъ сказать, развлечь Его, открыть въ себѣ мѣсто для сокровищъ Его любви, дать собою удовлетвореніе и вознагражденіе за людскую холодность и порочность, примирить Христа съ міромъ, укротить и успокоить Его праведный гнѣвъ на міръ. Трудно бы было повѣрить такому искаженію истиннаго ученія о любви, такой фарисейской самомнительности, если бы это искаженіе и самомнительность не практиковались на самомъ дѣлѣ, прикрываясь служеніемъ Христу. Вотъ напр. какого рода мысли и чувствованія внушаются чтителямъ Сердца въ молитвенникахъ при началѣ каждаго дня. „О, почитанія достойнѣйшее Сердце Господа Іисуса! Проникнутый благодарностію за Твои благодѣянія и не менѣе того печалію, по причинѣ неблагодарности, какою платятъ Тебѣ столь многіе люди, прихожу къ Тебѣ, чтобы всего себя безъ изъятія принести Тебѣ навсегда. Приношу Тебѣ себя какъ жертву всесожженія, отягченный собственными грѣхами и грѣхами своихъ братій и сестеръ, а особенно тѣми грѣхами, которые въ разныя времена были учи-

нены противъ святѣйшаго таинства Твоей любви (разумѣется таинство причащенія). Хочу оплакать тѣхъ провинности и своимъ усердіемъ принести за нихъ удовлетвореніе. Заботливо хочу доставить утѣшеніе Твоей любви и распространить славу Твою далѣе. Во всю жизнь хочу усердно заботиться о томъ, чтобы почитаніе Тебя было распространено между людьми. Отнынѣ Ты имѣешь быть для меня пристанищемъ въ скорбяхъ,—быть моей надеждой, моей утѣхой, словомъ съ этого мгновенія быть для меня всѣмъ" [1]). Въ этомъ молитвенномъ исповѣданіи любовь къ Господу выражается совершенно обратнымъ порядкомъ. Истинная любовь, созерцая Христа, къ Нему устремляется, чтобы Его любовію жить, питаться и упоеваться, а здѣсь напротивъ,—человѣкъ устремляется ко Христу, чтобы, такъ сказать, восполнить Его бытіе, своею любовію Его утѣшить, умилостивить, примирить съ міромъ, распространить Его славу на землѣ.

При такомъ отношеніи ко Христу существенно измѣняются и отношенія къ ближнимъ. Любовь культа, заботливо относясь ко Христу и страдая за Него, естественно пріобрѣтаетъ враждебный взглядъ на людей порочныхъ, оскорбляющихъ Христа своею холодностію, невѣріемъ, пороками; ибо всѣ они суть враги Христовы, всѣ они подъ гнѣвомъ и осуждены на вѣчную погибель, если пребудутъ упорными въ своемъ нечестіи. Но, съ другой стороны, они составляютъ и предметъ служенія Христу. За нихъ страдалъ Христосъ, къ нимъ простиралъ свою любовь съ креста, имъ заслужилъ благодать и спасеніе. Если поэтому обратить ихъ ко Христу, то этимъ самымъ доставится великая радость Господу. Ближній такимъ образомъ становится дорогъ для чтителя Сердца, какъ предметъ служенія и угожденія Господу; на немъ, такъ сказать, практикуется доставленіе Христу радостей; чѣмъ больше кто обратитъ ко Христу грѣшниковъ, тѣмъ больше доставитъ удовольствія Ему, тѣмъ будетъ угоднѣе Богу, тѣмъ больше получитъ награды.

[1]) Uplná pob. стр. 30.

Отсюда раждается чрезвычайная, можно сказать, даже болѣзненная заботливость о спасеніи ближняго.

Повидимому, это настоящая любовь, сочастливая къ ближнему, но на самомъ дѣлѣ—далеко не настоящая. Въ истинной любви нѣтъ этой искусственной заботливости о спасеніи ближняго; истинная любовь любитъ ближняго просто потому, что его возлюбилъ и любитъ Христосъ, и желаетъ ему добра и спасенія безъ всякой задней мысли воспользоваться имъ для угожденія Христу; потому отношенія истинной любви къ ближнему просты, естественны, долготерпѣливы, назидательны; любящій ближняго не навязывается къ нему съ проповѣдью о спасеніи, но цѣлою своею жизнію, всѣми своими отношеніями любви ведетъ его ко спасенію. Истинная любовь всегда цѣнитъ въ ближнемъ его свободу и ту долю самостоятельности и самодѣятельности, какую даровалъ Господь человѣческой природѣ и ради которой избралъ крестный путь для ея спасенія. Въ любви же культа забота о спасеніи ближняго понимается какъ подвигъ, какъ пріятное служеніе Господу,—и потому смотря по усердію становится напряженною, навязчивою, надоѣдливою и даже грубо насильственною. Припомните напр. латинскихъ миссіонеровъ въ Америкѣ и просвѣтителей языческой Литвы. Гдѣ сила была на сторонѣ миссіонеровъ, тамъ они дѣйствовали съ такимъ горячимъ усердіемъ, что новопросвѣщенные язычники ненавидѣли своихъ просвѣтителей и желали лучше быть въ аду съ діаволами, чѣмъ въ раю съ своими благодѣтелями.—Такое усердіе граничитъ со враждою къ ближнему. Если ближній не сдается на заботы о немъ его радѣтеля и упорствуетъ въ своемъ невѣріи или нечестіи, а тѣмъ болѣе, если еще полагаетъ препятствія для спасительнаго воздѣйствія на другихъ, то забота о спасеніи ближняго обращается въ смертельную вражду къ нему; такой безчувственный человѣкъ, такой противникъ спасенія становится врагомъ Божіимъ, его слѣдуетъ, если есть возможность, преслѣдовать, судить, казнить. Такъ забота угодить Христу переходитъ въ *ревность* о Его славѣ, а ревность о Его славѣ, при противленіи, во вражду и нетерпимость.

Такая ревность совершенно отлична отъ истинной любви Христовой. На это различіе указалъ самъ Христосъ, когда ученикамъ своимъ, Іакову и Іоанну, еще незрѣлымъ въ истинной любви, отказалъ въ ихъ просьбѣ низвести съ неба огонь, подобно Иліи, на негостепріимное самарянское селеніе, и сказалъ: *не знаете, какого вы духа. Ибо Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать* (Лук. 9, 54—56). И такъ различіе въ томъ, что ревность поядаетъ, губитъ, а любовь самоотверженно спасаетъ.

Такимъ образомъ, мы пришли къ тому родовому началу, изъ котораго вышла и образовалась любовь культа; она зачата, сложилась и образовалась въ нѣдрахъ того общества, которое своимъ происхожденіемъ обязано именно этой *ревности* о славѣ Божіей (ad maiorem Dei gloriam), а эта ревность образовалась въ нѣдрахъ той церкви, которая во имя Христово воздвигала на еретиковъ крестовые походы, благословляла и праздновала ихъ истребленіе, какъ торжество вѣры [1]), изобрѣтала свящ. судилища и изъ сожженія еретиковъ устрояла религіозныя и поучительныя для народа процессіи [2]), той церкви, высшіе представители которой еще доселѣ клянутся, что они во время своего служенія Богу любви „будутъ гнать и всячески преслѣдовать еретиковъ“ [3]),—той церкви, которая въ такихъ образцахъ ревности, какъ Игнатій Лойола, Петръ Арбуэзъ и Іосафатъ Кунцевичъ, видитъ осуществленіе истинной любви и въ нихъ, какъ достоподражаемыхъ примѣрахъ, освятила и канонизовала фанатическую нетерпимость и духъ преслѣдованія.

---

[1]) Папа Григорій XIII праздновалъ варѳоломеевскую ночь, какъ торжество католической вѣры и благодарилъ Бога за истребленіе еретиковъ.

[2]) На религіозную важность церемоній auto-da fe указываетъ уже и то, что для отправленія ихъ избиралось обыкновенно воскресенье или другой какой нибудь праздничный день. Сверхъ того папа объявлялъ сорокадневную индульгенцію всѣмъ присутствовавшимъ при сожженіи несчастныхъ еретиковъ.

[3]) „Haereticos schismaticos et rebelles eidem Domino, vel successoribus praedictis pro posse persequar et impugnabo“. Pontificale Romanum, Clementis VII ac Urbani XIII jussu editum, nuper vero a Benedicti XIV recognitum et castigatum, Venetiis 1772 a. p. 52—53.

Правда, и этотъ духъ ревности, неправильно прикрытый высшимъ именемъ любви Христовой, можетъ совершать и совершаетъ чрезвычайныя дѣйствія, великіе подвиги, особенно въ распространеніи вѣры Христовой. Водимые этимъ духомъ, ревнители готовы обходить море и сушу, чтобы сотворить хоть бы одного пришельца,—какъ это дѣлали во время оно ветхозавѣтные ревнители славы Божіей, обличенные въ томъ Господомъ (Мѳ. 23, 15); готовы раздать все имѣніе свое и предать тѣло свое на сожженіе,—но тѣмъ не менѣе, это все таки не любовь. Устами ап. Павла эти подвиги оцѣнены по ихъ достоинству. Прежде нужно научиться истинно любить Бога и ближняго, а потомъ уже ревновать о славѣ Божіей и спасеніи ближняго; иначе ревнитель славы Божіей, не смотря на свои успѣхи и свои подвиги, будетъ какъ мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій, а его подвиги не принесутъ ему никакой пользы.

Мы уже привели къ концу наше изслѣдованіе о служеніи Сердцу, но еще ничего не сказали о томъ напряженномъ благоговѣніи, какое по уставу служенія предписывается воздавать св. Гостіи, или, какъ выражаются молитвенники, алтарному таинству.—Чрезвычайное поклоненіе таинству составляетъ такую же существенную часть культа, какъ и самое служеніе Сердцу. Чѣмъ оно объясняется и откуда возникло? Какъ мы видѣли выше, по объясненію лат. богослововъ, ревнителей культа, поводомъ къ тому послужили заблужденія янсенистовъ, которые будто бы своею чрезвычайной строгостію отвратили вѣрующихъ отъ таинства. Если бы это объясненіе было справедливо, то слѣдовало бы ожидать, что лат. церковь нѣсколько ослабитъ почитаніе таинства, чтобы сдѣлать его чуждымъ страха, доступнымъ для всѣхъ вѣрующихъ. Между тѣмъ случилось наоборотъ. Янсенисты преувеличили чувство недостоинства и страхъ предъ таинствомъ, а латинская церковь устроила такое служеніе, въ которомъ благоговѣніе къ таинству доводится до высшей степени напряженія.—Нѣтъ, мы думаемъ, что въ этомъ поклоненіи безсознательно для самихъ латинянъ высказывается сознаніе собственной ихъ вины.—По нашему убѣжденію сама латинская церковь виновата въ холодности къ таинству.—

Кромѣ общихъ причинъ упадка вѣры, латинская церковь создала еще и частныя, по отношенію къ самому таинству. Это—овеществленіе таинства, съ одной стороны, и свѣтское почитаніе его, съ другой.

Мы не говоримъ о томъ, какъ грубо разсуждали о таинствѣ древніе схоластики, но и теперешніе богословы не чужды чувственныхъ или вещественныхъ представленій о немъ. По ихъ представленіямъ, въ таинствѣ совершается вещественное чудо. Современный богословъ Виртмиллеръ утверждаетъ, что „сущность (субстанція) хлѣба и вина, каковые вслѣдствіе освященія исчезаютъ, чтобы дать мѣсто Тѣлу и Крови Христовой, представляетъ изъ себя преходящую матерію, изъ коей и образуется предметъ таинства“ [1]). Латинскіе богословы разсуждаютъ съ такою положительностію объ этомъ таинственномъ измѣненіи, какъ будто имъ досконально извѣстно, что такое субстанція хлѣба и вина и субстанція Тѣла и Крови,—между тѣмъ какъ они даже не опредѣлили для себя смыслъ самаго слова — субстанція (сущность). Если подъ субстанціей должно разумѣть вообще сущность, или составные элементы хлѣба и вина, Тѣла и Крови, — то сущность ихъ будетъ одинакова — это матерія, или простыя тѣла; въ такомъ случаѣ измѣненія сущностей не можетъ быть. Если же подъ сущностію разумѣть специфическій видъ того и другаго предмета, или ихъ химическій составъ, въ такомъ случаѣ утонченная рѣчь будетъ означать переходъ химическаго состава хлѣба и вина въ химическій составъ Тѣла и Крови [2]), т. е. дѣло будетъ идти

---

[1]) Die Substanz von Brod und Wein, die verschwinden, um in Folge der Konsekration den Leib und das Blut Jesu Christi an ihre Stelle treten zu lassen, verhält sich als die vorübergehende Materie, aus welcher das Opferobjekt hergestellt wird. Die mor. Tugend, стр. 504.

[2]) Вотъ, если угодно латинскимъ богословамъ, формула превращенія хлѣба въ животную питательную жидкость:

Крахмалъ, подъ вліяніемъ діастаза слюны соединяется съ водою и превращается въ *декстринъ* и *правую глюкозу*.

$$3C_6H_{10}O_5 + H_2O = 2C_6H_{10}O_5 + C_6H_{12}O_6.$$

крахмалъ вода декстринъ прав. глюкоза.

Какъ декстринъ, такъ и правая глюкоза всасываются млечными

о химическомъ чудѣ въ таинствѣ. Но на какомъ реальномъ основаніи мы можемъ разсуждать о переходѣ одного химическаго состава въ другой? Невѣрующій имѣетъ полнѣйшее право потребовать отъ латинскихъ богослововъ химическаго анализа освященнаго благословеніемъ хлѣба и вина, и если они откажутъ ему въ томъ, онъ будетъ правъ въ своемъ невѣріи, потому что, дѣйствительно, для невѣрующаго и для неразумныхъ животныхъ и послѣ благословенія хлѣбъ и вино остаются неизмѣнившимися въ своей сущности. Такое несправедливое и грубо-чувственное утвержденіе въ духовныхъ предметахъ не унижаетъ ли таинства и не служитъ ли поддержкой невѣрія и поводомъ къ глумленію надъ таинствомъ и оскорбленію его?

Восточная православная церковь также учитъ, что послѣ освященія хлѣбъ и вино становятся Тѣломъ и Кровію Господа,—но въ объясненіи этого таинственнаго измѣненія не позволяетъ прибѣгать къ грубо-чувственнымъ представленіямъ и объясненіямъ. Въ Катихизисѣ мы читаемъ: „Въ изложеніи вѣры Восточныхъ Патріарховъ сказано, что словомъ *пресуществленіе* не объясняется образъ, которымъ хлѣбъ и вино претворяются въ Тѣло и Кровь Господню; ибо сего нельзя постичь никому, кромѣ Бога; но показывается только то, что истинно, дѣйствительно и существенно хлѣбъ бываетъ истиннымъ Тѣломъ Господнимъ, а вино самою Кровію Господнею. Подобно сему Іоаннъ Дамаскинъ о святыхъ и пречистыхъ Тайнахъ пишетъ: *Тѣло есть во истинну соединенное съ Божествомъ, еже отъ святыя Дѣвы начало воспріятъ, не яко возношшеся тѣло съ небесе нисходитъ, но яко самый хлѣбъ и вино претворяются въ Тѣло и Кровь Божію. Аще ли же образа како бываетъ ищеши, довольно ти есть услышати, яко Духомъ Святымъ: имже образомъ и отъ Богородицы Духомъ Святымъ. Себѣ самому и въ Себѣ самомъ плоть Господь составилъ: нижде болѣе что вѣмъ, но токмо, яко Божіе Слово истинное, дѣйствительное и всемощное есть, об-*

сосудами кишекъ какъ таковыя и окисленіемъ въ легкихъ переходятъ въ кровь.

разъ же неиспытанный. Книг. 4, гл. 13, ст. 7“ [1]). Поэтому, въ простотѣ сердца мы вѣруемъ, что хлѣбъ и вино предложенія послѣ благословенія, въ силу словъ и обѣщанія самого Господа,—воспріемлются въ единство Его богочеловѣческой природы. Пусть они остаются въ своемъ прежнемъ видѣ, и въ томъ же, если хотите, химическомъ составѣ, — но съ момента благословенія, они уже восприняты въ единство Лица Христова, потому вкушающій съ вѣрою пріобщается Плоти и Крови Христовой, а вкушающій безъ вѣры судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая Тѣла Господня (1 Кор. 11, 29).

Когда такимъ образомъ таинственный хлѣбъ и вино, или Тѣло и Кровь Господа поняты были лат. церковію въ грубо чувственномъ смыслѣ, а преложеніе ихъ въ смыслѣ атомическаго чуда, то за симъ послѣдовала неправильность и въ почитаніи; таинственный хлѣбъ взятъ какъ *реликвія* Христова; ему стали воздавать и соотвѣтствующее поклоненіе, и вотъ установленъ особый праздникъ Божьяго Тѣла, устроены особые парады, процессіи и церемоніи. Но если таинственное Тѣло какъ таковое существуетъ только для вѣрующихъ, то неприлично выносить его на позорище, носить въ торжественныхъ процессіяхъ по городу, гдѣ, не говоря уже о невѣрующихъ, даже и вѣрующіе, но недостаточно подготовленные къ благоговѣйной встрѣчѣ, занятые житейскими заботами, могутъ отнестись къ св. Таинству съ легкомысліемъ или равнодушно, —словомъ, безъ молитвенной подготовки могутъ приглядѣться, привыкнуть, стать равнодушными къ таинству, какъ это и случилось въ латинской церкви [2]). Поэтому православная Церковь выдерживаетъ вполнѣ смыслъ повелѣнія Господня: *сіе творите въ Мое воспоминаніе,* когда совершаетъ это таинство съ такимъ же характеромъ таинственности; какъ совершено было первое таин-

[1]) Простр. Кат. 1878 г. стр. 70.

[2]) Власти лат. церкви сами сознаются, что частое выставленіе напоказъ таинств. Тѣла Христова ослабляетъ благоговѣніе къ нему. Потому на пражскомъ Синодѣ издано особое опредѣленіе, когда и какъ выставлять св. Гостію въ монстранцѣ. См. Blahověst. Hlasy katolické. 1863. č. 20. p. 309.

ство, т. е. во храмѣ, среди вѣрующихъ и для вѣрующихъ; вынося Св. Дары на литургіи для общаго чествованія и поклоненія,—не смотря на то, что вѣрующіе были уже подготовлены къ тому молитвами, она тѣмъ не менѣе снова напоминаетъ имъ о должныхъ чувствахъ и вѣрѣ: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите,* возглашаетъ діаконъ, когда въ первый разъ послѣ освященія выноситъ св. Дары.

Но кромѣ этихъ причинъ, послужившихъ поводомъ къ упадку благоговѣнія къ таинству, есть еще и другія, это вся богослужебная практика латинской церкви, измѣненіе древней литургіи, тихія мессы, совершеніе множества мессъ въ одно время, ихъ краткость, и затѣмъ — латинскій языкъ священнослужителей и молитва народа по книжкамъ, безъ живой связи съ совершителемъ таинства, все это, вмѣстѣ взятое, со многими другими обстоятельствами, не можетъ не дѣйствовать на массу вѣрующихъ растлѣвающимъ образомъ. Потому не въ янсенизмѣ, а въ богослужебной практикѣ самой же церкви слѣдуетъ искать корня этого зла, — равнодушія, холодности къ таинству и невѣрія въ него. Слѣдовательно, напрасно латинская церковь хочетъ воспользоваться служеніемъ Сердцу, какъ средствомъ для поднятія вѣры и благоговѣнія къ таинству. Такое поднятіе слишкомъ искусственно, и вмѣсто ожидаемой пользы, скорѣе принесетъ вредъ, и совсѣмъ убьетъ религіозное, еще остающееся чувство.

И такъ что же такое служеніе Сердцу Іисусову? По отношенію къ чадамъ латинской церкви — это есть средство искусственно поднимать въ нихъ внѣшнюю религіозность, соединенную съ ревностію служить Христу и содѣйствовать распространенію Его славы; по отношенію къ изобрѣтателямъ оо. іезуитамъ это прекрасное средство подчинять набожныхъ католиковъ ихъ вліянію, а по отношенію къ церкви и папѣ — надежное средство воспитывать ревнителей римской церкви и папской власти.

V.

Объ апостолятѣ и присоединеніи къ нему культа Сердца.

Въ предшествующей главѣ мы показали, что любовь культа изъ желанія угодить Христу переходитъ въ заботу о спасеніи ближняго и въ ревность о славѣ Божіей. Но со времени установленія культа до половины нынѣшняго столѣтія эта забота и эта ревность не были поняты во всей ихъ силѣ и значеніи, потому не были эксплоатируемы настоящимъ образомъ, или не были приложены къ дѣлу для извлеченія изъ нихъ всей пользы,—забота о спасеніи ближняго была предоставлена или руководству духовныхъ отцовъ, или личному соображенію и усердію каждаго чтителя Сердца. Въ наше время значеніе культа понято во всемъ его объемѣ; заботѣ о ближнемъ и ревности о славѣ Божіей придумано систематическое дѣйствованіе и указаны опредѣленныя цѣли, иайдено возможнымъ устремить усердіе чтителей Сердца прямо къ распространенію и утвержденію католической церкви. Это совершилось посредствомъ соединенія культа Сердца съ *апостолятомъ*.

Апостолятъ нѣчто въ родѣ миссіонерскаго общества, но не то же самое. Это послѣднее имѣетъ своимъ предметомъ приготовлять, высылать, содержать миссіонеровъ и вообще завѣдывать дѣлами распространенія христіанства, почему члены этого общества, ревнуя о славѣ христіанства и желая принимать дѣятельное участіе въ его распространеніи, самымъ вступленіемъ своимъ въ общество обязываются къ извѣстнымъ матеріальнымъ пожертвованіямъ, въ видѣ или единовременнаго, или ежегоднаго взноса. Апостолятъ—шире миссіонерскаго общества [1]). Самое названіе показываетъ, что члены апостолята приглашаются не только къ соучастію миссіонерамъ, но и къ личному участію въ дѣлѣ апостоль-

[1]) Изобрѣтателемъ апостолята былъ ректоръ миссіонерской семинаріи во Франціи (въ мѣстечкѣ Vals, близъ города Puy), іезуитъ Готреле (Gautrelet) въ 1844 г. см. Apost. modl. стр. 1—16.

скаго служенія, въ той средѣ, въ какой кто стоитъ. Это такое молитвенное братство, говорятъ оо. іезуиты, гдѣ члены положили себѣ цѣлію—„молиться каждый о всѣхъ и всѣ о каждомъ въ отдѣльности“. Какъ видно, такимъ представленіемъ „апостолята“, какъ молитвеннаго братства, хотятъ поднять его до сходства съ начинающейся апостольской церковію. Это-то молитвенное братство и присвоило себѣ служеніе Сердцу и такимъ образомъ концентрированная церковь въ апостолятѣ сдѣлалась еще концентрированнѣе.

Само собою разумѣется, и этотъ духовный союзъ нуждается въ матеріальныхъ средствахъ, и имѣетъ о томъ не малую заботу, но это дѣло стоитъ на заднемъ планѣ и рѣчи о томъ не ведется; члены апостолята не обязываются ни къ какимъ взносамъ, въ томъ, безъ сомнѣнія, предположеніи, что кто отдаетъ всю свою душу, тотъ не станетъ жалѣть ничего матеріальнаго.

Съ присоединеніемъ къ апостоляту служеніе Сердцу нисколько не измѣнилось по своему существу. Оно осталось съ тѣмъ же характеромъ *непосредственности*, *наглядности*, съ той же *системой натверживанія* или искусственнаго возбужденія чувствованій любви и умиленія. Сосредоточенность воображенія и чувства на образѣ Сердца и на св. Гостіи остается и здѣсь съ тою же силою, какъ и прежде, съ тою только особенностію, что здѣсь соучастіе Ангеловъ въ поклоненіи св. Сердцу и св. Гостіи выступаетъ рѣзче и съ характеромъ болѣе непосредственнымъ и чувственнымъ. Въ правилахъ апостолята говорится: „Ангелы, къ которымъ мы будемъ обращаться, вознаградятъ наши ошибки и нашу невнимательность, заступятъ наше мѣсто, когда мы предаемся отдыху или будемъ заняты мірскими дѣлами и такимъ образомъ почитаніе Сердца Іисусова будетъ отправляться непрерывно [1])“. Но, какъ само собою разумѣется, съ присоединеніемъ культа нѣсколько измѣнились его послѣднія цѣли. Прежнія цѣли—воспламененіе любви и вознагражденіе людской холодности—сдѣлались теперь служебными для иной

[1]) Apost. modl. стр. 211.

высшей цѣли; пламенная любовь культа стала средствомъ для ея достиженія. Эта цѣль есть самъ апостолятъ.

Апостолятъ, какъ цѣль служенія Сердца, рисуется въ молитвенникѣ какъ самое достожелаемое, высокое, святое и блаженное общество, какъ жизненный нервъ Церкви, самая ея сущность. Такъ въ молитвенникѣ апостолята мы читаемъ: „Церковь есть прекраснѣйшій плодъ божескаго Сердца Господа. Кто поэтому любитъ Сердце Господа, тотъ ревнуетъ о св. церкви, которая имѣетъ свое происхожденіе въ прободенной язвѣ этого Сердца, и потому чѣмъ кто больше будетъ ревновать о церкви, тѣмъ пріятнѣйшее служеніе окажетъ божескому Сердцу. Но если свящ. апостолятъ ревнуетъ о св. церкви и всю свою ревность приноситъ своему божескому Сердцу,—то посудите, какую пріятную службу являетъ апостолятъ этому предорогому Сердцу! Если церковь, по слову Господа Іисуса, есть „ладья“ (lodička), — апостолятъ неутомимые гребцы; если церковь виноградникъ Божій, — апостолятъ плодовитыя розги; если церковь устроенное воинство, апостолятъ передовые воины; если церковь избранный народъ, — апостолятъ его именитые граждане; если церковь невѣста Агнца, — апостолятъ стражи ея; если, наконецъ, церковь есть таинственное тѣло Христово,—апостолятъ ищетъ себѣ мѣста въ сладчайшемъ Сердцѣ его! Развѣ это не утѣшительно для апостолята, когда такимъ признаетъ его св. Церковь“ [1])! Дальше въ томъ же молитвенникѣ въ слѣдующемъ видѣ изображается счастіе принадлежать апостоляту. Сказано въ писаніи, *что на небеси ангели радуются о единомъ грѣшницѣ кающемся болѣе, нежели о девяносто девяти праведникахъ.* (Лук. 15, 7). Радуется Ангелъ обращеннаго грѣшника, радуется и Ангелъ обратившаго, — и оба ангела свидѣтельствуютъ о томъ предъ престоломъ Божіимъ. Умираетъ обратившійся грѣшникъ и, умирая въ чувствахъ благодарности къ обратившему его, взываетъ ко Господу: „заплати ему за то, Господи!“ А такая предсмертная молитва много значитъ предъ Богомъ, и будетъ на небѣ великая радость между ангелами, которые тысячекратно будутъ повто-

[1]) Ap. modl. стр. 161—162.

рять: „заплати ему, Господи, за обращеніе грѣшника“. Умершій явится на томъ свѣтѣ предъ Господомъ и исповѣдуетъ предъ Нимъ свою благодарность къ обратившему: „онъ это сдѣлалъ, скажетъ, изъ любви къ Тебѣ, заплати ему за то, Господи!“ Какую радость будетъ имѣть въ своемъ сердцѣ Господь Іисусъ, какою милостію наградитъ его за то! Умираетъ, наконецъ, и самъ обратившій; онъ знаетъ, что былъ сочленомъ такого общества, въ которомъ каждый молится о всѣхъ и всѣ о каждомъ въ отдѣльности,—знаетъ, что всѣмъ сочленамъ дарованы полныя индульгенціи, т. е. совершенное освобожденіе отъ вѣчныхъ и временныхъ наказаній, и потому въ сознаніи этихъ милостей апостолята, умираетъ спокойно, съ радостію. Въ концѣ концовъ придетъ и то время, когда явится знаменіе Сына человѣческаго, св. крестъ и всѣ соберутся на общій и страшный судъ, соберутся и всѣ члены апостолята; предстанутъ милліоны миссіонеровъ-мучениковъ, и милліоны людей, обращенныхъ ими ко Христу. Тутъ явятся съ радостнымъ лицемъ и всѣ вообще, которые апостолятомъ были приведены на путь спасенія; придутъ они къ своимъ благодѣтелямъ и предъ цѣлымъ міромъ еще разъ скажутъ имъ: „заплати имъ за то, Господи!“ и это „заплати имъ, Господи“—раздастся по всѣмъ концамъ неба и земли. И Господь Іисусъ, милостивый судья, съ сердцемъ полнымъ любви, привѣтствуетъ вѣрныхъ своихъ служителей и скажетъ имъ: *пріидите благословенніи Отца Моего и наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. 25, 34). Вотъ, другъ мой, что такое апостолятъ! Предъ Сердцемъ Господа ты узнаешь, какъ онъ желателенъ, сколько тысячъ душъ въ немъ обратится къ Богу, и какую славную награду онъ получитъ отъ Него. Радуйся, что ты его сочленомъ,—пожалѣй только объ одномъ, что такъ поздно ты узналъ его и такъ равнодушно относился къ нему; но съ этого мгновенія обнови въ себѣ намѣреніе, что теперь хочешь быть ревностнымъ его сочленомъ, и затѣмъ прочитай слѣдующую молитву св. Игнатія (Лойолы) „Боже всяческихъ, хотя я и недостоинъ Твоего воззрѣнія, но по милости Твоей приношу жертву свою! Навѣки отрекаюсь діавола и, вручая Тебѣ себя, предъ безконечною добротою Твоею, предъ лицомъ славной

Твоей. Матери и всѣхъ святыхъ, свидѣтельствую, что я по доброй волѣ своей хочу послѣдовать Тебѣ въ славномъ воинствѣ Твоемъ и ради Тебя переносить всѣ труды, а ради спасенія моего ближняго всякія неправды и гоненія; если Твое пресвятое Величіе благоизволитъ на то и допуститъ меня на такую жизнь и на такое апостольство. Аминь [1])". Таково заключеніе тѣмъ размышленіямъ, которымъ члены апостолята должны предаваться предъ образомъ Сердца, при разборѣ символическихъ украшеній Сердца.

Чтобы служеніе Сердцу направить въ пользу апостолята, для этого нарочно измышлены особыя благочестивыя службы, которыя составлены съ такимъ знаніемъ человѣка, съ такою осторожностію не обременить мірянина большими требованіями и обязанностями, и въ то же время съ такою ловкостію, чтобы втянуть его въ религіозное дѣло и поставить на путь экзальтаціи и совершеннаго самоотреченія, что такое изобрѣтеніе съ перваго взгляда выдаетъ своихъ изобрѣтателей оо. іезуитовъ.

Всѣхъ этихъ службъ *девять,* по числу чиновъ ангельскихъ. Онѣ носятъ слѣдующія названія: Споспѣшникъ, Вознаградитель, Поклонникъ, Любитель, Ученикъ, Жертва, Слуга, Проситель, Ревнитель [2]).

---

[1]) Apost. modl. стр. 166—172.

[2]) Для примѣра мы представимъ въ переводѣ двѣ службы.

Первая служба *Споспѣшникъ.* (Napomocnik).

„Споспѣшникъ служенія св. Сердцу имѣетъ просить вѣчнаго Бога, чтобы Онъ свѣтомъ своей благодати привелъ всѣхъ людей къ познанію св. Сердца, — и умолять св. Духа, чтобы онъ возжегъ къ Нему любовь въ сердцѣ всѣхъ людей. Также имѣетъ взывать къ преблагословенной Дѣвѣ Маріи, да предстательствуетъ Она предъ Богомъ о всѣхъ, кто притекаетъ къ божескому Сердцу, дабы познали они на себѣ его силу.

Днемъ пусть чаще притекаетъ онъ къ святынѣ божескаго Сердца и горячими воздыханіями любви соединяется съ нимъ. Также онъ имѣетъ придружиться (přidružiti se) къ ангельскому лику „Престоловъ", чтобы вмѣстѣ съ ними могъ покланяться святому Сердцу.

Если можно тѣлесно, а не то мысленно, *споспѣшникъ* посѣщаетъ святѣйшее Таинство и при этомъ проситъ о расширеніи апостолята,— въ особенности препоручаетъ Бож. Искупителю общество или домъ,

Какъ можно судить по самымъ названіямъ, каждая изъ этихъ службъ имѣетъ свою спеціальность, свое особое занятіе. Такъ *Споспѣшникъ* имѣетъ своей задачей, по мѣрѣ силъ и возможности, содѣйствовать распространенію культа. *Вознаградитель* старается вознаградить то непочтеніе, которое оказывается людьми таинству причащенія вообще и въ частности Тѣлу Христову, хранящемуся на св. алтарѣ (въ монстранцѣ). *Поклонникъ* усиливаетъ свое поклоненіе Пресв. Троицѣ въ духѣ и истинѣ, и это свое почитаніе сколько возможно тѣснѣе соединяетъ съ хвалою, которою славитъ св. Троицу Сердце Іисусово, чтобы такимъ образомъ совершить удовлетвореніе за то безбожіе, которое, о несчастіе! такъ распространилось въ наше время. *Любитель* имѣетъ вознаградить святѣйшему Сердцу равнодушіе и холодность сердецъ, Ему посвященныхъ. *Ученикъ* заботливо слѣдитъ за

къ которому принадлежитъ самъ, и сочленовъ этого благочестиваго общества, съ тѣмъ, чтобы Спаситель благоволилъ подчинить ихъ благотворному владычеству своего сладчайшаго Сердца.

Съ этою цѣлію помолись три раза: Слава Богу Отцу... Богородица Дѣва (Ave Maria).

Добродѣтель, въ которой споспѣшникъ имѣетъ упражняться въ особенности, пусть заключается въ томъ, чтобы словомъ и примѣромъ онъ старался и другихъ склонить къ поклоненію и почитанію св. Сердца, или же воспламенять къ большой горячности тѣхъ, которые уже покланяются Сердцу.

Безмѣрно счастливъ тотъ, кому достанется эта служба; Спаситель міра будетъ за него ходатаемъ предъ Богомъ Отцемъ, какъ это Онъ обѣщалъ благочестивой Маргаритѣ.

Основа: какъ человѣкъ, увлекающій другихъ къ худымъ поступкамъ, становится виновнымъ въ весьма тяжкомъ грѣхѣ, такъ напротивъ тотъ пріобрѣтаетъ себѣ великую заслугу, кто молитвою и своимъ примѣромъ старается расположить своихъ собратій къ безукоризненной жизни и къ благочестивымъ упражненіямъ.

Благоч. воздыханіе: О сладчайшее Сердце Іисуса!
Дай мнѣ любить Тебя больше и больше!

Молитва: О премилосердый Іисусе! по безконечной благости своей благоволи содѣлать, дабы всѣ люди познали безцѣнныя свойства Твоего святѣйшаго Сердца, дабы отреклись обманчивыхъ удовольствій этого міра, и такимъ образомъ вкусили тѣхъ невыразимыхъ радостей, которыя Ты благоволилъ приготовить угодникамъ Твоимъ. Аминь.

Дѣво Маріа! Твое сердце не знало другаго желанія, какъ только то, чтобы Твой божественный Сынъ былъ познанъ и любимъ всѣми

внушеніями и вдохновеніями, какія Богъ раждаетъ въ его душѣ и старается слѣдовать имъ. Получившій служеніе *жертвы*, тотчасъ на разсвѣтѣ дня великодушно посвящаетъ себя Богу и являетъ готовность исполнять волю Божію во всемъ, чтобы укротить праведный гнѣвъ Божій на грѣшниковъ. *Слуга* вмѣняетъ себѣ въ особенную и величайшую честь носить на себѣ оковы нѣжной и великодушной любви Христовой, ежечасно повторяетъ изъявленіе своей искренней преданности святѣйшему Сердцу, какъ своему господину и властелину, а предъ св. Таинствомъ посвящаетъ Сердцу свои дѣла съ мыслію и мольбою о томъ, чтобы это Таинство было принимаемо людьми чаще и достойнѣе, чѣмъ какъ это есть на дѣлѣ. *Проситель* старается оживить въ себѣ вѣру въ безконечныя заслуги святѣйшаго Сердца Господа и приносить ихъ небесному Отцу въ жертву за себя и за

людьми,—не допускай, чтобы мои грѣхи и несовершенства препятствовали мнѣ споспѣшествовать прославленію св. Сердца между моими собратіями, чтобы такимъ образомъ хоть бы отчасти содѣлать тщетными усилія безбожниковъ, которыя рады бы были видѣть божеское Сердце низринутымъ, обезчещеннымъ и даже прободеннымъ.

Охранителемъ споспѣшниковъ да будетъ св. Францискъ Сальскій,—ревности котораго слѣдуетъ всевозможно подражать; поэтому нужно взывать къ нему о помощи для надлежащаго исполненія своего служенія, а для этого въ честь сего святаго читай: Отче нашъ... Богородице... Слава Богу Отцу и т. д. Apost. modl. стр. 214—217.

Пятая служба. *Ученикъ*.

Ученикъ святѣйшаго Сердца пусть внимательно прислушивается ко всякому святому внушенію, которое Богъ вложитъ въ его душу при внутренней молитвѣ или при причащеніи, или при посѣщеніи святѣйшаго Таинства и пусть всевозможно старается поступать на дѣлѣ по этому внушенію. Во дни укрывайся чаще въ святое Сердце, чтобы здѣсь, какъ въ школѣ, изучилъ ты науку чистой любви къ Богу, которая дѣлаетъ то, что мы забываемъ всѣ суеты этого міра.

Поэтому чаще молись къ божественному Учителю, чтобы Онъ далъ тебѣ услышать свой св. гласъ, и усердно повторяй предъ нимъ эту краткую молитву: „Господи, научи меня любить Тебя отъ всего сердца“. По временамъ также испытывай себя: соблюлъ-ли ты божескія внушенія, и если найдешь, что не послушалъ ихъ, или мало обращалъ на нихъ вниманія,—сокрушенно проси о прощеніи и обѣщай впредь лучшее послушаніе. Поэтому, мысленно присоединись къ ангельскому лику „Серафимовъ“, чтобы съ ними тебѣ имѣть участіе въ сіяніи и благодатномъ свѣтѣ, которымъ ихъ озаряетъ св. Сердце Господа.

всѣхъ, которые находятся въ какой либо опасности духовной или тѣлесной, а особенно поручаетъ Господу души умирающихъ и находящихся въ чистилищѣ, а изъ сихъ послѣднихъ преимущественно тѣхъ, которые при жизни благоговѣйно чтили Сердце Іисуса и Сердце Дѣвы Маріи. Наконецъ *Ревнитель* обязанъ ревновать о почитаніи Сердца Іисусова чрезъ усовершенствованіе ближнихъ.

Каждое изъ сихъ упражненій связано съ призываніемъ одного изъ чиновъ ангельскихъ. *Споспѣшникъ* придруживается (má přidružiti se) къ *Престоламъ*, чтобы вмѣстѣ съ ними покланяться святѣйшему Сердцу. *Вознаградитель* взываетъ къ чину *Силъ*, чтобы вмѣстѣ съ ними дать удовлетвореніе Господу Іисусу за всѣ мессы, которыя были недостойно совершены, за всякое недостойное причащеніе, къ

Когда же посѣтишь досточтимое Таинство, проси божественнаго Учителя, чтобы свѣтъ своей благодати Онъ удѣлилъ и многимъ ученикамъ и привелъ ихъ къ познанію истины. Поэтому читай какую-нибудь пѣснь Духу Св., чтобы себѣ и другимъ пріобрѣсть седмь даровъ св. Духа.

Добродѣтель, которую ученикъ долженъ выполнять особенно, состоитъ въ томъ, чтобы хранить молчаніе или по крайней мѣрѣ остерегаться непотребныхъ разговоровъ.

Основа. Чѣмъ больше будешь хранить молчаніе, тѣмъ радостнѣе будетъ тебя учить божественный Учитель, а ты будешь становиться болѣе и болѣе способнымъ усвоять Его главное ученіе, кротость и смиреніе.

Благочестивое воздыханіе:

О сладчайшее Сердце Іисуса!
Дай мнѣ любить Тебя больше и больше.

Молитва. О божественный Учитель, принявшій меня въ число своихъ учениковъ! Ты знаешь мое невѣжество въ небесныхъ вещахъ; Ты вѣдаешь, какою тьмою окружаютъ мой разумъ неукротимыя пожеланія, а потому я весьма нуждаюсь въ Твоемъ наученіи. О, научи же меня исполнять св. Твою волю; отверзи мое сердце, и сдѣлай его способнымъ научаться Твоимъ святымъ внушеніямъ и обрати меня и всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которые противятся правдѣ Твоей.

И ты, непорочное Сердце Дѣвы Маріи, научи меня, что мнѣ дѣлать, чтобы найти доступъ до святѣйшаго Сердца Господа Іисуса.

Охранителемъ ученика да будетъ св. Іоаннъ Евангелистъ. Смотри, старайся ему подражать въ его вѣрности божественному Учителю, и въ честь его читай молитвы: Отче нашъ, Богородице, и слава Богу Отцу и т. д. Ib. стр. 225—228.

которому равнодушно приступали люди, и наконецъ за всѣ тѣ провинности, какія допустили члены апостолята или сожители въ домѣ. *Поклонникъ* взываетъ къ *Господствамъ* и въ союзѣ съ ними воспѣваетъ хвалебную пѣснь, непрерывно воспѣваемую святыми на небѣ: „святъ, святъ, святъ Господь Вседержитель“– и съ тѣмъ вмѣстѣ все добро, какое совершается во вселенной, руками сихъ блаженныхъ духовъ, приноситъ въ жертву святѣйшему Сердцу Іисуса. *Любитель* взываетъ къ *Серафимамъ* и, когда ложится спать, проситъ ихъ заступать его мѣсто и за него славословить Господа, а когда просыпается ночью, въ духѣ и сердцѣ соединяется „съ небесными силами, которыхъ оставилъ за себя предъ святѣйшимъ Таинствомъ“. *Ученикъ* присоединяется къ чину *Херувимовъ*, чтобы съ ними имѣть участіе въ сіяніи и благодатномъ свѣтѣ, которымъ ихъ озаряетъ святѣйшее Сердце Господа. *Жертва* обращается къ небеснымъ *Властямъ*, чтобы предъ таинствомъ или на литургіи руками ихъ приносить въ жертву умилостивленія Сердце Іисуса. *Слуга* обращается къ *Архангеламъ*, чтобы они приводили гостей на оную небесную вечерю и облекали ихъ въ брачную одежду. *Проситель* проситъ чинъ *Ангеловъ* и въ особенности чинъ *Ангеловъ-хранителей*, чтобы они сопровождали его, когда онъ идетъ къ св. Таинству, и его молитвы и добрыя дѣла приносили въ жертву величію Божію, во благо всѣхъ членовъ апостолята и къ утѣшенію несчастныхъ душъ въ очистилищѣ. *Ревнитель* взываетъ ко всѣмъ девяти чинамъ, но въ особенности къ *Началамъ* и проситъ ихъ, чтобы служеніе Сердцу познали и полюбили язычники и невѣры изъ христіанъ.

Каждое изъ упражненій имѣетъ и свою добродѣтель. *Споспѣшникъ* словомъ и примѣромъ долженъ располагать ближнихъ къ почитанію Сердца, а своихъ сочленовъ къ большей горячности. *Вознаградитель* ревностно исполняетъ всѣ лежащія на немъ обязанности и при этомъ превозмогаетъ всѣ страхи и опасенія со стороны людей, которые бы стали ему въ томъ препятствовать. *Поклонникъ* изъявляетъ особенное глубокое почитаніе святѣйшему таинству, и старается оживить свою вѣру въ присутствіе Христово въ таинствѣ.

Любитель являетъ постоянную исправность и горячность въ благочестивыхъ упражненіяхъ. *Ученикъ* хранитъ молчаніе, или по крайней мѣрѣ удерживается отъ непотребныхъ разсказовъ. *Жертва* располагается къ самоотверженію. *Слуга* усердно исполняетъ божественныя внушенія. *Проситель* показываетъ любовь къ ближнему и смиреніе. *Ревнитель* отличается ревностію, соединенной съ осторожной мудростію, останавливать по возможности всѣ тѣ оскорбленія, какія могутъ случиться святѣйшему Сердцу, и затѣмъ, не мѣшкая ни минуты, съ быстрою рѣшимостію дѣйствуетъ словомъ и дѣломъ во славу Божію.

Каждое упражненіе имѣетъ и свое особое основаніе. Такъ для *Споспѣшника* полагается слѣдующее: какъ соблазнъ есть великій грѣхъ, такъ участіе и содѣйствіе въ нравственномъ преуспѣяніи ближняго есть величайшая заслуга. Для *Вознаградителя*: за свои усилія вознаградить людскія неправости предъ Богомъ, онъ по благоволенію Божію освобождается отъ грѣховъ и наказаній за нихъ, и на него изливается невыразимая сладость милосердія Божія. Для *Поклонника*: тотъ только достойно славитъ Господа, кто изо всѣхъ силъ старается слѣдовать Ему. Для *Любителя*: въ блаженное царство любви войдетъ только тотъ, кто эту любовь доведетъ до неба. Для *Ученика*: чѣмъ больше будешь хранить молчаніе, тѣмъ радостнѣе будетъ для тебя божественный Учитель, и ты будешь становиться болѣе и болѣе понятливымъ къ уразумѣнію и сохраненію Его главнаго ученія, т. е. кротости и смиренія. Для *Жертвы*: любовь всѣ жертвы дѣлаетъ болѣе легкими. Для *Слуги*: кто служитъ Сердцу Господа, тотъ господинъ на дѣлѣ. Наибольшее счастіе благочестивой души—жить въ Сердцѣ Господа, а единственное желаніе—въ немъ и умереть. Для *Просителя*: молитвою и смиреніемъ всего достигнешь; что Богъ обѣщалъ, то и исполнитъ; *просите и обрящете*; *смиреннымъ Богъ даетъ благодать*. Для *Ревнителя*: кто въ дѣйствительности кого любитъ, тотъ не снесетъ равнодушно оскорбленія, какое наносятъ его любимцу.

Каждое упражненіе имѣетъ и свою особую молитву къ Сердцу Іисусову и къ Сердцу Богоматери. Какъ само собою

понятно, молитва эта приспособлена къ обязанности и добродѣтели упражненія. Но сердечное воздыханіе при этомъ повторяется у всѣхъ одно и то же; оно состоитъ въ слѣдующемъ двустишіи:

О сладчайшее Іисусово Сердце!
Дай мнѣ любить Тебя больше и больше.

Наконецъ, для каждой службы имѣется и свой особый патронъ. Такъ для *споспѣшника* св. *Франциск Сальскій* (еп. женевскій, много потрудившійся въ обращеніи кальвинистовъ къ лат. церкви. 1567—1622 г.); для *вознаградителя*—*Игнатій Лойола* (извѣстный основатель ордена іезуитовъ); для *поклонника*—*Франциск Борґіа* (1510—1572 г. генералъ ордена іезуитовъ послѣ Лайнеза); для *любителя*—*св. Терезія* (1516—1582 гг. долго боровшаяся съ своими свѣтскими влеченіями, но, наконецъ, посвятившая себя дѣвственной жизни въ монастырѣ); для *ученика*—*св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ*, (дѣвственникъ, усыновленный съ креста Господомъ Матери Божіей и Ея стражъ и попечитель о Ней до самой Ея смерти); для *жертвы*—*св. Алоизій* (Гонзаго, старшій сынъ князя и маркграфа де Кастильоне, съ раннихъ лѣтъ съ особою ревностію посвятившій себя служенію Богу, отказавшійся отъ старшинства (майоратства) въ пользу младшаго брата и по особенному откровенію вступившій въ общество іезуитовъ, гдѣ и умеръ 23 лѣтъ, трехъ мѣсяцевъ и трехъ дней 1568—1581 гг.); для *слуги*—*Іосифъ обручникъ*, (хранитель дѣвства и стражъ Дѣвы Маріи); для *просителя Станиславъ Костка*, (полякъ, подобно Алоизію съ раннихъ лѣтъ ревновавшій о благочестіи и потомъ убѣжавшій отъ отца въ Римъ и здѣсь вступившій въ общество іезуитовъ; умеръ невступно 18 лѣтъ; 1550—1568 гг.; за свою ревность сопричисленъ къ лику святыхъ, какъ и Алоизій); наконецъ, для *ревнителя*—*Франциск Ксаверій* (1507—1552 г., сподвижникъ Игнатія и апостолъ Индіи и Японіи [1]).

---

[1]) Память сихъ латинскихъ святыхъ празднуется въ слѣдующіе дни: *Франциска Сальскаго*—29 января, *Игнатія*—31 іюля, *Франциска Борґіи*—19 октября, *св. Терезіи*—15 октября; *св. Алоизія*—21 іюня; *Станислава Костки*—13 ноября; *Франциска Ксаверія*—3 декабря. — См. Leben und

Такимъ образомъ мы представили полное и точное описаніе того приспособленія, какое сдѣлано изъ культа Сердца къ цѣлямъ апостолята!

Здѣсь съ перваго взгляда поражаетъ насъ произвольность въ составѣ службъ, мистическая туманность и неопредѣленность въ ихъ содержаніи и грубо чувственный характеръ ихъ представленій и выраженій.

Въ самомъ дѣлѣ, всмотримся въ эти службы повнимательнѣе.

Всѣхъ службъ девять и, какъ видно, это число принято по соотвѣтствію съ числомъ чиновъ ангельскихъ. Но необходимо ли это соотвѣтствіе и на чемъ оно основано? Очевидно, оно совершенно *произвольно* и рѣшительно ни на чемъ не основано. Оттого въ распредѣленіи занятій службъ замѣтна натянутость. Нѣкоторыя службы по своимъ обязанностямъ сходятся между собою и легко могли бы быть совмѣщены въ одной. Такъ *вознаградитель, поклонникъ* и *любитель* имѣютъ одно и то же занятіе—приносить удовлетвореніе и вознагражденіе Богу, только первый за *непочтеніе* къ таинству причащенія, второй за *равнодушіе* и *холодность*, а третій за *безбожіе*. Такое же сходство имѣютъ *споспѣшникъ* и *ревнитель;* споспѣшникъ не можетъ быть не ревнителемъ, ревнитель не споспѣшникомъ. То же должно сказать объ *ученикѣ* и *слугѣ:* ученикъ долженъ прислушиваться къ внутреннимъ божескимъ внушеніямъ и слѣдовать имъ,— а слугѣ это вмѣняется въ спеціальную добродѣтель. Далѣе, необходима ли эта связь службъ культа съ служеніемъ ангельскимъ? Почему напр. споспѣшникъ придруживается къ *престоламъ*, а не къ инымъ какимъ либо чинамъ? Почему вознаградитель долженъ взывать непремѣнно къ *силамъ*, а поклонникъ — къ *господствамъ* и т. д.? Очевидно и здѣсь связь опредѣляется также произволомъ и соображеніями внѣшними, несущественными. Наконецъ, съ чего взяли приписывать чинамъ ангельскимъ нѣкоторыя спеціальныя особенности въ ихъ служеніи? Такъ *Престолы* будто бы покла-

---

Thaten der Heiligen. Seine Legendeu.—Sammlung für das Christkatholische Volk von Michael Tintzel. Augsburg 1840 г. 4-ре тома.

няются святѣйшему Сердцу Іисусову, *Силы* доставляютъ удовлетвореніе Господу,—*Господства* воспѣваютъ хвалебную пѣснь: святъ, святъ, святъ Господь Вседержитель, и несутъ все добро, содѣянное въ мірѣ, Сердцу Іисуса, — *Серафимы* благоговѣйно покланяются св. Гостіи,— *Херувимы* озаряются свѣтомъ святѣйшаго Сердца Іисусова, — *Власти* несутъ въ жертву умилостивленія *Сердце Іисуса*, — Архангелы провожаютъ гостей на небесную вечерю и облекаютъ ихъ въ брачную одежду;—*Ангелы-хранители* сопровождаютъ чтителей Сердца во храмъ, — а *Начала* имѣютъ на своемъ попеченіи расширеніе культа Сердца Іисусова? Очевидно, все это личныя фантазіи оо. изобрѣтателей культа.

Обратимся теперь къ составу службъ, къ спеціальнымъ занятіямъ ихъ.

Что службы, по назначенію своему, должны служить успѣхамъ апостолята, — это несомнѣнно, — и двѣ изъ нихъ, дѣйствительно, имѣютъ прямою обязанностію всѣми мѣрами заботиться объ его преуспѣяніи. Но какую пользу могутъ приносить остальныя семь? Онѣ прикрыты такимъ туманомъ, выражены такимъ неопредѣленнымъ образомъ, имѣютъ такое мистическое содержаніе, что трудно понять ихъ сущность. Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь хорошенько въ служенія Вознаградителя, Поклонника, Любителя, Ученика, Жертвы, Слуги и Просителя. Что значитъ эта усиленная забота о вознагражденіи — Вознаградителя, Поклонника и Любителя? Какимъ образомъ служитъ апостоляту *Ученикъ*, заботливо слѣдящій за внутренними божескими вдохновеніями, или *Жертва*, посвящающій себя Богу и изъявляющій готовность исполнять во всемъ волю Божію, — или *Слуга*, вмѣняющій себѣ въ особенную честь носить на себѣ оковы нѣжной и великодушной любви Христовой? Что значитъ усиленное поклоненіе пресв. Троицѣ *Поклонника*, и соединеніе этого почитанія съ хвалою, которою *славитъ св. Троицу Іисусово Сердце?* или: оживленіе вѣры *Просителя* въ безконечныя заслуги святѣйшаго Сердца Господа и поднесеніе этихъ заслугъ Богу Отцу въ жертву за себя и за другихъ? И для чего этотъ таинственный и въ то же время грубо-чувственный языкъ? Какъ это можно ставить за себя Ангеловъ предъ св.

Гостіей на время сна, ихъ руками представлять Богу все добро, совершаемое въ мірѣ, или подносить Іисусово Сердце въ умилостивленіе? Что это за новыя добродѣтели, о которыхъ еще не слыхалъ христіанскій міръ? Если бы было сказано, что для нравственнаго преспѣянія апостолята ревнителямъ высшаго совершенства предлагаются для упражненія особыя добродѣтели, напр. послушаніе, смиреніе, покаяніе, безмолвіе, цѣломудріе и под., то это было бы понятно; но возлагать на одного вознагражденіе, на другаго прислушиваніе къ внутреннимъ внушеніямъ, на третьяго—изъявленіе преданности, на четвертаго — ношеніе нѣжныхъ узъ любви Христовой, на пятаго оживленіе вѣры въ таинство причащенія,—какъ хотите, а—все это чрезвычайно странно и непонятно!!. Странность эта увеличивается еще больше, когда мы примемъ во вниманіе, что въ правилахъ культа положенныя службы являются *необязательными* и *временными* или *случайными*. Первое правило гласитъ: „Эти службы совершаются изъ любви къ Сердцу Господа, но необязательны подъ отвѣтственностію, такъ что если бы кто забылъ или опустилъ что нибудь, въ томъ не имѣетъ грѣха. Кто же отправляетъ ихъ, тотъ являетъ пріятную службу Господу Іисусу. Для распредѣленія службъ девять сочленовъ сговариваются между собою, и въ первое воскресенье наступающаго мѣсяца или въ другой какой день разбираютъ службы или по собственному желанію или по жребію. Послѣ чего пусть каждый имѣетъ особенную заботу о томъ, чтобы взятую службу совершать съ добросовѣстнымъ прилежаніемъ. При этомъ случаѣ сочленъ долженъ впродолженіе цѣлаго мѣсяца, во первыхъ, особенно чтить доставшагося ему святаго, и во вторыхъ, позаботиться о пріобрѣтеніи той добродѣтели, какая рекомендована въ упражненіи [1])“. Въ силу этого правила, чтитель Сердца можетъ мѣнять службы и добродѣтели скорѣе, чѣмъ свои платья; въ продолженіе 9 мѣсяцевъ онъ можетъ отправить всѣ девять службъ и доставить радость Господу Іисусу всѣми девятью добродѣтелями. Такъ одинъ

---

[1]) Ap. modl. стр. 210.

мѣсяцъ какъ *Споспѣшникъ* онъ словомъ и примѣромъ располагаетъ ближнихъ къ почитанію Сердца, а своихъ сочлененовъ къ большей горячности, — затѣмъ въ слѣдующій мѣсяцъ, бросивъ это служеніе, онъ какъ *Вознаградитель* ревностно исполняетъ свои обязанности служебныя и храбро превозмогаетъ всѣ препятствія, полагаемыя въ томъ людьми; въ третій мѣсяцъ, оставляя эту ревность по службѣ, какъ *Поклонникъ* упражняется въ изъявленіи глубокаго почитанія св. Таинству и старается оживить свою вѣру въ присутствіе Христово въ таинствѣ, въ четвертый мѣсяцъ какъ *Любитель*, оставивъ то, являетъ особенную исправность и усердіе въ обычныхъ благочестивыхъ упражненіяхъ (?), затѣмъ въ пятый мѣсяцъ, какъ *Ученикъ* упражняется въ молчаніи, а послѣ того какъ *Жертва въ самоотверженіи*, — въ седьмой мѣсяцъ какъ *Слуга* — въ исполненіи божескихъ внушеній, далѣе какъ *Проситель* — въ любви къ ближнему и въ смиреніи, и наконецъ, въ девятый мѣсяцъ, какъ *Ревнитель* — отличается ревностію объ успѣхахъ апостолята.

Если такая быстрая смѣна службъ для доставленія радостей Господу Іисусу не имѣетъ заднихъ прикровенныхъ цѣлей, то службы показываютъ слишкомъ легкомысленное отношеніе къ добродѣтели и просто безсмысленны. Но у такихъ глубоко сообразительныхъ и разсчетливыхъ людей, какъ іезуиты, не можетъ быть ничего даромъ. Смѣемъ увѣрить, что весь этотъ туманъ мистическихъ выраженій напущенъ намѣренно, въ особыхъ видахъ. Посмотримъ на дѣло попроще.

Во первыхъ, службы представляются необязательными, но при той постановкѣ дѣла, какая дается службамъ, эта необязательность сильнѣе приказанія. Она похожа на то, какъ если бы отецъ сказалъ своему сыну: „вотъ тебѣ мое желаніе; я не приказываю, но если можешь, сдѣлай,—этимъ ты доставишь мнѣ удовольствіе; если же не будетъ охоты или возможности, не дѣлай, я не буду сердиться“. Безъ сомнѣнія сынъ постарается исполнить волю отца, потому что такое выраженіе отеческаго желанія сильнѣе связываетъ волю, чѣмъ приказаніе. Подобно и здѣсь. Благочестивыя службы отдаются на произволъ чтителя Сердца: „если ты

не будешь дѣлать, это ничего, грѣха въ томъ нѣтъ, Богъ не будетъ гнѣваться; но если возьмешь на себя какое нибудь служеніе, то этимъ доставишь радость Сердцу Іисуса". Какой же набожный католикъ останется спокойнымъ при такомъ способѣ предложенія?.. Одно это, что онъ не хочетъ доставить радость Сердцу Іисуса, между тѣмъ какъ для этой именно цѣли и вступилъ „въ общество служенія Сердцу", — одно это будетъ постоянно точить и безпокоить его сердце. Если къ этому прибавить, что духовные отцы въ интересахъ апостолята постараются ударять по этой струнѣ при каждомъ удобномъ случаѣ, а особенно на исповѣди, постоянно растравлять это безпокойство, то понятно, что членъ общества невольно долженъ стать на путь благочестивыхъ упражненій, а разъ ставши, долженъ будетъ идти дальше и дальше, и все ускореннымъ шагомъ. Ибо его благочестивая дѣятельность вводится въ *систему натверживанія* и *непосредственнаго* воздѣйствія культа на воображеніе и чувство. Припомнимъ постоянное воздыханіе: „о сладчайшее Сердце Іисуса, дай мнѣ любить Тебя больше и больше!" Мысль, что онъ еще не вполнѣ доставляетъ радость Сердцу Іисуса, что онъ еще недостаточно любитъ Его, что можетъ любить Его и служить Ему гораздо больше и усерднѣе, — будетъ постоянно подгонять его впередъ и впередъ, дотолѣ, доколѣ онъ не дойдетъ до самоотреченія, или до пламенной ревности объ успѣхахъ апостолята и о славѣ служенія Сердцу. Такое движеніе впередъ будетъ похоже на ускоряющійся бѣгъ запальчиваго коня. По представленію латинянъ, такое движеніе есть систематическое достиженіе святости, а по нашему разумѣнію—опасное напряженіе, которое легко можетъ кончиться разстройствомъ души и всего дѣла спасенія, какъ запальчивость коня кончается его испорченностію и смертію. — Такимъ образомъ мнимая необязательность службъ есть только осторожность, чтобы на первое время не запугать мірскихъ людей трудностями служенія и не оттолкнуть отъ культа.

Точно такимъ же образомъ откроется и таинственный смыслъ службъ, если мы на нихъ посмотримъ съ болѣе практической точки зрѣнія. Такъ какъ всѣ эти службы на-

правлены въ пользу апостолята, то предположимъ, что всѣ онѣ сначала не больше какъ пробы, какъ случаи извѣдать способности и пригодность сочлена, вызнать, какъ имъ воспользоваться, къ чему его приспособить и куда направить; послѣ же испытанія, когда открылось, къ чему способенъ сочленъ, онѣ уже обращаются для него въ постоянныя служенія. Въ такомъ случаѣ смыслъ службъ становится понятнымъ, случайность въ ихъ первоначальномъ разборѣ и отправленіи оказывается хитрымъ разсчетомъ, а таинственность преднамѣреннымъ покровомъ. Основаніе къ такому пониманію службъ даетъ намъ назначеніе патроновъ для службъ и ихъ выборъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего еще патроны, когда чтитель Сердца находится съ Ангелами въ такой близости и въ такомъ содружествѣ, что стоитъ только ему мысленно обратиться къ нимъ, и они готовы къ услугамъ? Мы уже видѣли, что по просьбѣ чтителей во время сна Ангелы, заступая ихъ мѣсто, исполняютъ ихъ обязанности поклоненія св. Гостіи, сопровождаютъ ихъ во храмъ, приносятъ ихъ молитвы Сердцу Іисусову и под.,—зачѣмъ же еще патроны? Неужели патроны сильнѣе Ангеловъ? или имѣютъ какую нибудь свою спеціальность, какой нѣтъ у тѣхъ? Да, послѣднее предположеніе справедливо: патроны имѣютъ свою спеціальность, какой не имѣютъ Ангелы, они суть образцы извѣстной добродѣтели, живые представители того направленія, какое желательно дать благочестивому настроенію чтителя Сердца, образное прикрытіе того постояннаго служенія, какое въ интересахъ культа хотятъ дать или навязать тому или другому сочлену апостолята. Поэтому, если мы вмѣсто патрона поставимъ его личную добродѣтель, то мы легко поймемъ, какое было намѣреніе сочинителей службъ при назначеніи патрона на ту или другую службу. Такъ напр. любителю назначена *св. Терезія*, но вмѣсто этого лица поставимъ отреченіе отъ мірскихъ удовольствій и монашество; ученику—назначенъ *св. Іоаннъ Богословъ*, но вмѣсто лица поставимъ дѣвственность и служеніе Богу въ мірскомъ званіи; жертвѣ св. *Алоизій*, а просителю—*Станиславъ Костка*—вмѣсто этихъ лицъ опять поставимъ *горячее благочестіе* съ раннихъ лѣтъ молодости, отреченіе отъ мірскихъ

преимуществъ, богатства и славы, — отреченіе и даже бѣгство отъ родителей; слугѣ назначенъ *св. Іосифъ Обручникъ*,— вмѣсто лица опять поставимъ отреченіе отъ супружескихъ правъ, цѣломудріе и служеніе Богу; ревнителю — св. *Франциск Ксаверій;*—вмѣсто него поставимъ *апостольскіе подвиги;* представимъ далѣе, что сочленъ по мѣсяцу упражняетъ себя въ этихъ добродѣтеляхъ; одинъ мѣсяцъ отрекается отъ *мірскихъ удовольствій* и пробуетъ себя въ *монашеской жизни*, другой мѣсяцъ ставитъ себѣ цѣлію *дѣвственность* и беретъ на себя такую *горячность* къ Богу, что готовъ отречься не только отъ удовольствій, но даже и отъ родителей; затѣмъ еще мѣсяцъ, если сочленъ состоитъ въ бракѣ, подвергаетъ себя *строгому воздержанію*, если же внѣ брака, то строжайшему цѣломудрію, даже и въ мысляхъ,—наконецъ еще мѣсяцъ— беретъ на себя апостольскіе подвиги или въ воображеніи услаждается ими, — можно ли послѣ того усомниться что это не проба? Утверждаемъ, что это самая ловкая, тонкая и основательная проба.—Представимъ себѣ, что въ числѣ сочленовъ имѣется молодая и богатая вдова. Въ видахъ апостолята желательно бы было сдѣлать ее *жертвой* этого молитвеннаго братства, т. е. расположить ее, чтобы она и себя и все, что имѣетъ, отдала братству. Но какъ это сдѣлать и притомъ такъ, чтобы потомъ она не раскаявалась, а увлечена была благочестивыми чувствами навсегда, безповоротно. Очевидно, прекрасное средство — провести ее по всѣмъ службамъ, попробовать ее на всѣхъ и потомъ чрезъ службы *ученика и слуги* довести до *жертвы*. Когда она вступитъ въ служеніе *ученика*, и будетъ предаваться безмолвію и прислушиваться къ божескимъ внушеніямъ въ своемъ сердцѣ,—можно настроить ее такъ, чтобы въ ней появились именно такія внушенія, какія нужны апостоляту, т. е. отреченіе отъ міра, обреченіе себя на дѣвственность и служеніе Богу; затѣмъ, въ службѣ *слуги*, когда она должна восчувствовать честь въ томъ, что она носитъ оковы нѣжной и великодушной любви Христовой,—она привыкнетъ изъявлять готовность исполнять божескія внушенія. Когда же эта готовность созрѣетъ вполнѣ, тогда уже можно поставить ее и на служеніе *жертвы* и въ этомъ служеніи оставить на всю

жизнь. Точно также смотря по испытанію, по сдѣланнымъ опытамъ, можно и для каждаго сочлена опредѣлить его постоянное служеніе видамъ апостолята. Ибо нельзя же представить, чтобы члены апостолята чрезъ каждые девять мѣсяцевъ снова мѣняли службы съ тѣмъ, чтобы чрезъ другіе девять мѣсяцевъ опять мѣнять ихъ; это было бы совершенной безсмыслицей. — Нѣтъ, послѣ единократныхъ или двукратныхъ опытовъ, — службы избираются если не на всю жизнь, то на болѣе продолжительные сроки, напр. на трехлѣтія, пятилѣтія и болѣе. И такъ ясно, что за мистическимъ покровомъ скрывается опредѣленная система, что службы суть *пробы*—вызнать свойства сочлена и затѣмъ поставить его на опредѣленное служеніе. Отсюда выходитъ, что апостолятъ въ соединеніи съ культомъ Сердца есть нѣчто въ родѣ новаго ордена, въ которомъ члены раздѣляются на два класса: на *новоначинающихъ*—или *испытуемыхъ* и на *совершенныхъ* или *испытанныхъ*.

Изобрѣтатели службъ апостолята имѣли въ виду не однѣ внѣшнія цѣли, т. е. его успѣхи и процвѣтаніе, но и внутреннія, его крѣпость и нравственную силу. Какъ видно, была приложена особая забота объ укрѣпленіи внутреннихъ связей апостолята. Послѣднее правило гласитъ: „чтобы союзъ любви, связующій членовъ апостолята, болѣе и болѣе укрѣплялся, пусть ежедневно каждый одинъ другаго препоручаетъ св. Сердцу Іисуса, пусть по возможности единожды совершаетъ какъ жертву св. причащеніе или молитву св. четокъ, прося при этомъ святѣйшее Сердце, чтобы каждаго изъ сочленовъ оно снабдѣвало большимъ и большимъ преспѣяніемъ въ св. любви и никотда не допускало, чтобы въ комъ нибудь изъ нихъ охладѣвалъ благочестивый пламень къ прекрасному апостоляту“ [1]). Если мы съ этой точки зрѣнія посмотримъ на нѣкоторыя службы, прикрытыя мистическимъ туманомъ, то смыслъ откроется со всею ясностію. Всѣ вообще службы имѣютъ между прочимъ въ виду поддерживать, возбуждать и оживлять въ сочленахъ нравственную связь, духовное сродство, солидарность, а нѣкоторыя, какъ

[1]) Ap. modl. стр. 213.

напр. *вознаградитель*, *поклонникъ*, *любитель и проситель*, имѣютъ прямой своей задачей быть для своихъ сочленовъ примѣромъ, поддержкой, поощреніемъ,—подталкивать сочленовъ, возбуждать въ нихъ соревнованіе, или проще поддерживать ихъ. Такъ *вознаградитель* приноситъ Христу вознагражденіе за ошибки своихъ сочленовъ, и каждый пятокъ молитъ Бога предъ св. таинствомъ о прощеніи ихъ грѣховъ; *поклонникъ* испрашиваетъ для сочленовъ горячность въ исполненіи ихъ обязанностей, а *ученикъ* для такихъ же учениковъ, какъ онъ самъ, *седмь даровъ Св. Духа; проситель* молится за души находящихся въ очистилищѣ, а особенно за души чтителей Сердца Іисуса и Дѣвы Маріи,—а *ревнитель* послѣ св. причащенія, совершеннаго въ удовлетвореніе Спасителя, смиренно молитъ о прощеніи всѣхъ провинностей, какія допустили—онъ самъ и его сочлены.

Чтобы горизонтъ мысленнаго зрѣнія не расширялся у сочлена апостолята, а напротивъ, чтобы самое общество являлось ему въ болѣе сосредоточенномъ видѣ, и онъ могъ постоянно и непосредственно чувствовать, видѣть и обнимать его интересы,—для этого основная, первоначальная форма общества сосредоточена въ числѣ девяти. *Девять* сочленовъ, образуя изъ себя союзъ для раздѣленія службъ, составляютъ, такъ сказать, основную клѣточку; изъ сложенія этихъ клѣточекъ слагается обширное общество, ревнующее о благѣ латинской церкви.

Такимъ образомъ апостолятъ въ соединеніи съ служеніемъ Сердца есть такое новое общество, члены котораго не только стремятся къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, но стараются и внутри взаимными подталкиваніями и поощреніями поддерживать въ себѣ пламень ревности и усердія. Такое общество можно назвать новоизобрѣтеннымъ perpetuum mobile іезуитовъ.

Послѣ сдѣланныхъ нами изслѣдованій о служеніи Сердцу будетъ вполнѣ справедливо сказать: „поелику служеніе Сердцу открываетъ новыя средства возбуждать религіозное чувство набожныхъ католиковъ и чрезъ то овладѣвать ими и направлять ихъ къ извѣстнымъ цѣлямъ: то оо. іезуиты присоединеніемъ его къ апостоляту открыли въ немъ источникъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ для его существованія и процвѣтанія". Это новый опытъ въ латинской церкви поднять религіозное чувство и эксплоатировать его въ пользу расширенія ея владычества. Какъ новое средство, Сердце Іисусово дѣйствуетъ пока удовлетворительно, но надолго ли и есть ли еще что впереди, чтобы замѣнить его на тотъ случай, какъ приглядятся и къ этому образу?—это вопросы будущаго.

Общее заключеніе.

Мы кончили. Подводя подъ общій итогъ всѣ наши изслѣдованія, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Культъ Сердца есть искуственное средство поднять религіозное чувство чадъ латинской церкви,—*искусственное*, какъ по изобрѣтенному іезуитами *символу Сердца*, такъ и по служенію, установленному въ честь его.

2. Изображеніе Сердца Іисусова можетъ быть разсматриваемо только въ смыслѣ *символа*, а отнюдь не какъ предметъ почитанія самъ въ себѣ.

3. Изобрѣтеніе новаго символа, который поставленъ рядомъ съ крестомъ Христовымъ, а употребляется предпочтительно предъ нимъ, есть произведеніе *непосредственнаго воззрѣнія* латинской церкви.

4. Православная церковь остается вѣрною кресту Христову и дорожитъ имъ, какъ совершеннѣйшимъ и глубочайшимъ выраженіемъ любви Божіей къ человѣку, ибо руководствуется воззрѣніемъ *созерцательнымъ*. Латинская же церковь, наоборотъ, поелику предпочла кресту новоизмышленный символъ любви—фигуру Сердца,—этимъ показала,

что она и теперь держится *непосредственнаго воззрѣнія*, какъ и прежде.

5. Воззрѣніе *непосредственное* относится къ *созерцательному* такъ же, какъ дѣтскій возрастъ, остановленный въ своемъ развитіи къ совершенному; оно носитъ на себѣ печать *духовной незрѣлости*.

6. Служеніе Сердцу, какъ и изобрѣтеніе символа, есть дѣло „товарищества Іисусова“. Для возвышенія этого служенія іезуиты возводятъ его установленіе къ непосредственному откровенію самого Іисуса Христа.

7. Сердце въ служеніи понимается какъ личное, живое, только сосредоточенное представленіе самого Христа, потому всѣ молитвы, пѣснопѣнія, воздыханія, обращенія и под. благочестивыя упражненія, направлены къ Сердцу, какъ къ живому божественному лицу, — въ чемъ заключается крайняя несообразность служенія.

8. Служеніе Сердцу есть систематическое возбужденіе воображенія и чувства, или искусственное вызываніе чувствованій порывовъ любви и умиленія.

9. Любовь, практикуемая въ культѣ, не есть истинная любовь, но любовь *натверженная*, столь же искусственная, какъ и система, ее вызывающая.

10. Подъ внѣшностію этой искусственной любви скрывается забота о Христѣ или ревность о славѣ Божіей, которая при силѣ и препятствіяхъ переходитъ въ фанатическую и человѣкоубійственную нетерпимость и которая однакожъ понята латинскимъ міромъ въ смыслѣ Христовой любви.

11. Въ культѣ Сердца есть напряженное усиліе поднять благоговѣніе къ таинству причащенія. Какъ сама латинская церковь грубо чувственнымъ пониманіемъ и почитаніемъ таинства Тѣла и Крови Христовой уронила благоговѣніе къ таинству,—такъ теперь искусственно-напряженнымъ благоговѣніемъ хочетъ поднять вѣру въ это таинство.

12. Чрезъ соединеніе съ апостолятомъ культъ Сердца получилъ практическое примѣненіе—служить распространенію и утвержденію католичества.

Сдѣланное нами изслѣдованіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть поучительно и для насъ православныхъ.

Во первыхъ, нельзя не отдать справедливости латинской церкви въ ея заботливости будить, поднимать и поддерживать духъ вѣры въ своихъ чадахъ, для чего неутомимо изобрѣтаетъ она все новыя и новыя средства. Правда, средства для этого употребляются ложныя, за цѣлями религіозными скрываются и цѣли не совсѣмъ чистыя, разсчеты прямо корыстные, но тѣмъ не менѣе самая забота поучительна. Цѣня ее, мы должны соревновать ей, а осуждая средства и нечистыя цѣли, сами должны остерегаться, чтобы не погрѣшать въ томъ же, т. е. чтобы не обращать религію на служеніе цѣлямъ внѣшнимъ для нея.

Во вторыхъ, и это особенно для насъ важно,—мы должны сознавать достоинство и значеніе *созерцательнаго воззрѣнія*, каковое есть наше достояніе, и *воззрѣнія непосредственнаго*, каковое есть и будетъ *воззрѣніе* латинское, пока церковь латинская остается такою, какъ она есть. Созерцательное воззрѣніе есть *существенно-православное.* Оно столь же важно для насъ, какъ во время оно для церкви ветхозавѣтной умопредставленіе Іеговы, отрѣшенное отъ чувственныхъ образовъ земнаго. Въ немъ начало истинной любви, залогъ будущаго истиннаго развитія человѣчества. Дорожа имъ, мы должны, какъ сами въ себѣ развивать и поддерживать его, такъ и меньшихъ нашихъ братій подымать до него, подавая собою примѣръ и пріучая ихъ къ духовному разсужденію, богомыслію и созерцанію.

Въ настоящее время чувствуется потребность въ православномъ мірѣ сдѣлать проповѣдь болѣе живою, болѣе доступною къ разумѣнію мірянъ-слушателей, болѣе примѣнительной къ жизни. Нѣтъ спору, что надо всемѣрно удовлетворять этой потребности, но при этомъ и всемѣрно остерегаться, чтобы не низринуться въ латинскую непосредственность, не оземленить небеснаго, не овеществить духовнаго и не осуетить божественнаго. По взгляду нашего учителя, блаженной памяти митрополита Филарета, слово съ церковной каѳедры есть своего рода священнодѣйствіе, надо совершать оное съ сознаніемъ его важности и святости. Когда

общепонятность проповѣди полагаютъ только въ бойкости слова, въ живости картинъ и оборотовъ, въ непосредственности воздѣйствія, то выражаютъ этимъ еще только латинскій взглядъ. Нужно кромѣ того еще умѣнье такъ воздѣйствовать на слушателей, чтобы впечатлѣніе проповѣди упрочивалось внутреннымъ духовнымъ разсужденіемъ,—а такое умѣнье дается проповѣднику его личною опытностію въ духовномъ разсужденіи, созерцаніи и богомысліи!

Заключимъ нашу рѣчь словами защитника культа Юнгмана. Желая уступкою противнику оттѣнить свою рѣчь, онъ слѣдующимъ образомъ осуждаетъ французскую письменность по данному предмету: (то, что онъ говоритъ о французской литературѣ, мы имѣемъ полнѣйшее право сказать вообще о латинской, включая сюда и самого Юнгмана).

„Вообще во многихъ произведеніяхъ нашей аскетической словесности не хватаетъ, болѣе чѣмъ это позволительно,— богословской вѣрности, равно какъ и вѣрнаго тона, я разумѣю тотъ тонъ, который ведетъ къ основательному, духу церкви соотвѣтствующему чествованію, и не производитъ вмѣсто того лицемѣрія и ханжества, которое не имѣетъ ни корней, ни можетъ принести плодовъ для жизни. Конечно, это достойно похвалы, если кто ревнуетъ о назиданіи народа, и о подачѣ ему духовной пищи. Но хорошо ли поступаютъ, если забываютъ при этомъ, что подаваемое должно быть во всякомъ случаѣ чистая христіанская истина,—здоровая пища? „Любовь, говоритъ св. Августинъ, есть цѣль и исполненіе закона, но она не имѣетъ ни малѣйшей цѣны, если то, на чемъ она основывается, не истинно, а ложно“. Это чаще упускается изъ виду, чѣмъ можно бы было подумать. Не мало виновато въ этомъ, думаю я, то слишкомъ большое усердіе, съ которымъ мы спѣшимъ переносить тотчасъ же на нѣмецкую почву иностранныя аскетическія произведенія и произведеньица, особенно французскія. Я думаю, что мы нѣмцы не такъ сотворены, чтобы чувствовать и молиться

по французски, и что натягивать нѣмецкіе нравы на французскіе образцы—значитъ коверкать ихъ. Во всякомъ случаѣ было бы полезнѣе и разумнѣе, если бы переводили иностранныя сочиненія съ большимъ выборомъ и удостоивали этой чести только дѣйствительно выдающіяся произведенія; ибо только такія заслуживаютъ ея. Впрочемъ не за Рейномъ только живутъ эти люди, которые считаютъ отсутствіе вкуса за ревность и, кажется, полагаютъ, что пламень молитвы долженъ воспылать тѣмъ сильнѣе, чѣмъ безграничнѣе преувеличивается все въ назидательныхъ статьяхъ и проповѣдяхъ, и чѣмъ рѣшительнѣе оскорбляется здравый смыслъ... Они думаютъ, что трудятся въ духѣ церкви для возвышенія христіанской жизни; но духъ церкви никогда еще не одобрялъ преувеличеній и никогда не благопріятствовалъ безвкусію. Если бы придерживались исключительно ея воззрѣній и заботились о томъ, чтобы научиться молиться и чувствовать чрезъ прилежное изученіе литургическихъ произведеній,—скоро бы убѣдились, что сверхъестественная истина не нуждается въ ходуляхъ, чтобы казаться великою, ни въ поддѣлкѣ прибавкою чуждыхъ примѣсей, чтобы охватывать сердца и воодушевлять ихъ къ христіанской жизни“ [1]).

Какъ бы хорошо было, если бы авторъ съ такою же строгостію посмотрѣлъ и на свои разсужденія въ защиту Сердца и вообще на всѣ ультра-латинскія произведенія и произведеньица!?

---

[1]) Ap. modl. стр. 213.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КЪ I ГЛАВѢ,

къ стр. 22—27, подлинный текстъ.

Večerní pozdravení.

O Srdce Ježíšovo! ve svátosti oltářní skryté,
O Srdce věčného Slova,
O Srdce jednorozeného Syna Božího,
O Srdce z Ducha svatého počaté,
O Srdce z Marie Panny narozené,
O Srdce pro nás lidi obětované,
O Srdce pro hříšníky zemřelé,
O Srdce všech srdcí,
} Chvála a věčná láska budiž Tobě!
Ježíši, Tvé Srdce! my se mu klaníme.
Ježíši, Tvé Srdce! my je milovat chceme.
Ježíši, Tvé Srdce! my je velebit chceme.
V. Láskou, kteroužto Ty plápoláš,
R. Zapal naše studené srdce.

Uplná Pobožnost V. Ruffera p. 148—149.

Večerní pozdravení.

O Srdce Ježíšovo v Svátosti oltářní skryté,
O Ty Svatyně Trojice svaté,
O Ty poklade Božství,
O chráme svatosti,
O pramene spravedlnosti,
O břehu jistoty,
O úmluvo dokonalosti,
O Srdce všech srdcí,
} Chvála a věčná láska budiž Tobě!
Ježíši, Tvé Srdce! my se mu klaníme.
Ježíši, Tvé Srdce! my je milovati chceme.
Ježíši, Tvé Srdce! my je velebiti chceme.
V. Láskou, kterouž Ty plápoláš.
R. Zapal naše studené srdce.

Ibid. p. 152.

Večerní pozdravení.

O Srdce Ježíšovo, ve Svátosti oltářní skryté,
O Ty obětované Srdce,
O Ty trpící Srdce,
O Ty opuštěné Srdce,
O Ty potupené Srdce,
O Ty pohaněné Srdce,
O Ty prodané Srdce,
O Srdce všech Srdcí,

} Chvála a věčná láska budiž Tobě!

Ibid. p. 175.

Píseň ku poctě Srdce Pána Ježíše.

Poklad nebes nejvyšší,
Pramen naší spásy,
Srdce Tvoje, Ježíši,
Slaví vděčné hlasy:
Budiž pochváleno,
Od nás velebeno,
Ježíši, srdce Tvé
Na věky buď ctěno!

Srdce to, jež od věků
Láskou k lidem vřelo,
A z té lásky k člověky
Žilo jen a mřelo:
Budiž pochváleno atd.

Ach, v to srdce hluboce
Vraženo jest kopí,
V krvi jeho potoce
Hřích se lidstva topí:
Budiž pochváleno atd.

Kdo máš srdce, pohledni,
Jak to srdce bije,
Jak do kapky poslední
Pro tebe krev lije:
Budiž pochváleno atd.

Pozoruj, jak umírá
Srdce tvého Pána,
A jak se v něm otvírá
Tobě nebes brána:
Budiž pochváleno atd.

Tečeť z něho sladkota,
Vane rajská vůně,
Na obnovu života
V duši, která stůně:
Budiž pochváleno atd.

Duše má, ach, stůně též,
Bolestí a hyne,
Božské srdce, ty ji těš,
Nechať smrt ji mine:
Budiž pochváleno atd.

Srdce svaté, sláva Ti!
Pánu, Spasiteli
Díky budu zpívati,
Po svůj život celý:
Budiž pochváleno adt.

Pravidla bratrstva pag. 5.

Chvalozpěv.

Byť mne ďábel, svět i tělo klamy svými šálili,
A od srdce Ježíšova srdce moje vábili!
Neošálí — neodvábí: Ježíš jestiť síla má,
Pryč se kliďte nepřátelé: Bůh mne pod svou stráží má!

Srdce Páně, lásko moje, ty lilium žádoucí,
Perlo drahá, růže krásná, kvítí nebem páchnoucí,
Ráji můj a nebe moje, spáso má, ó Bože můj,
Nauč Ty mne milovati, v lásce své mne opatruj!

Ibid. p. 10.

Litania k neisv. Srdci Pána Ježíše.

Pane, smiluj se nad námi.
Kriste, smiluj se nad námi.
Pane, smiluj se nad námi,
Kriste uslyš nás,
Kriste vyslyš nás,
Otče s nebes, Bože, smiluj se nad námi.
Synu Vykupiteli světa, Bože, smiluj se nad námi.
Duše svatý, Bože,
Svatá Trojice, jeden věčný Bože,
Srdce Ježíšovo, ty srdce pravého Boha i člověka,
Srdce Ježíšovo, drahý stánku nejsvětější Trojice,
Srdce Ježíšovo, oblíbená schráno Otce nebeského,
Srdce Ježíšovo, hlubino Božských tajemství,
Srdce Ježíšovo, trůne velebnosti a slávy Boží,
Srdce Ježíšovo, příbytku moudrosti a umění,
Srdce Ježíšovo, sídlo milostí a darův Ducha sv.
Srdce Ježíšovo, nádobo lásky všeliké a ctnosti,
Srdce Ježíšovo, jasné zrcadlo čistoty, pokory a tichosti,
Srdce Ježíšovo, dokonalý obraze trpělivosti i poslušnosti,
Srdce Ježíšovo, nejsvětější oltáři pobožnosti,
Srdce Ježíšovo, skvělá pochodni horlivosti o spásu duší,
Srdce Ježíšovo, magnete, srdce lidská přitahující,
Srdce Ježíšovo, ty srdce lásky nejhodnější,
Srdce Ježíšovo, květnice všeliké ctnosti,
Srdce Ježíšovo, ó srdce pro hříchy naše raněné,
Srdce Ježíšovo, ó srdce nevděkem lidí urážené,
Srdce Ježíšovo, ó srdce milosrdenstvím a láskou k lidem zanícené
Srdce Ježíšovo, nepřemožená ohrado proti pokušením,
Srdce Ježíšovo, bezpečné útočiště duší věřících,

Smiluj se nad námi!

Srdce Ježíšovo, nejjistější záclono před hněvem Božím,
Srdce Ježíšovo, líbezné odpočinutí nábožných,
Srdce Ježíšovo, ó srdce našeho nejlepšího rádce,
Srdce Ježíšovo, ó srdce našeho nejvěrnějšího přítele.
Srdce Ježíšovo, ó srdce našeho nejdobrotivějšího smírce,
Srdce Ježíšovo, ó srdce našeho všemohoucího krále a soudce,
Srdce Ježíšovo, ó srdce milostného ženicha duší našich,
Srdce Ježíšovo, ty slávo a potěšení všech Svatých,
Milostiv nám buď — odpusť nám, Ježíši,
Milostiv nám buď — uslyš nás, Ježíši!

Smiluj se nad námi!

Ibid. p. 16—17.

Uctění kříže v Srdci Ježíšovu a prosba o lásku ke kříži.

O ukřižované Srdce mého Vykupitele! skrz celé přebývání Tvé mezi lidmi bylo jsi rozličnými strastmi, křížem a mukami obklíčeno, na dřevě kříže ale, na němž jsi mezi dvěma lotry umřelo, proudem nevýslovné bolesti a zármutku zachváceno, v hořkosti pohříženo a i po smrti, kdežto jsi již dávno v slávě Otce nebeského na trůnu bylo, nechtělo jsi jinak, než křížem ozdobené lidem se ukázati a tudy do srdce jejich veledůležitou a vznešenou pravdu vtisknouti, že ten, kdo se Tebou v kříži nechlubí a nemiluje, cos Ty milovalo, Tebe hoden není a sebe samého za slepého držeti musí; jelikož Bůh duši křesťanské v životě tomto žádnou větší milost prokázati nemůže, jako když ji nechá se Synem svým na kříži živu býti a umříti. Neb jak praví sv. Pavel: „Známka vyvolených jest, býti připodobněnu k Synu Božímu, trpět křížě a pronásledování jakékoliv a s odevzdáním se do vůle Boží". — O Srdce Pána nebes i země! jenž jsi tyto věci před moudrými a hrdými skryl, malým a pokorným se objevil, já ctím toto tajemství a prosím, vtiskni to umění všech svatých do srdce mého, abych celé své bohatství v chudobě, největší čest svou v potupě, svou největší rozkoš v kříži a trápení, své největší štěstí v tom nalezal, když na tomto světě osud mého utiskovaného, trpícího a na kříži umírajícího Spasitele budu moci zdíleti čili mu podoben býti.—O Srdce Ježíše! Ty kniho života věčného, v němžto všickni předzřízení k životu věčnému zaznamenáni jsou; ach, pokorně Tě prosím, zaznamenej do nejsvětějšího Srdce Svého i moje jmeno N., mých přátel N. a dobrodinců a známých N. i všech ctitelů Tvého nejsladšího Srdce, abychom se od Tebe nikdy neoddělili, nýbrž stále s Tebou spojeni byli již zde a potom tam skrz celou věčnost. Amen.

Uctění otevření Srdce Pána Ježíše a prosba o vchod do něho.

O láskou opanované a skrz celý čas umučení Tvého bolesti plné Srdce! Ty jsi chtělo nejen bolestně umříti, nýbrž i po smrti hlavní důkaz své lásky na jevo dáti. Ranil a otevřěl Tě setník jeden kopím svým. Což jsi proto připustil, abych do Tebe volně vkročiti mohl. Čím toto tajemné otevření Srdce Tvého a odporoučím se vždycky do nejsladšího Srdce Tvého. Amen.

Uctění krve a vody ze Srdce Pána Ježiše tekoucí.

O sladké Srdce! ach jak mnoho Tě stála má duše! poslední krůpěj krve i vody vycedilo jsi pro nás. Čest, slávu a díky Tobě vzdáváme za tu nevyslovnou lásku. Vroucně Tě prosím, abys onou krví a vodou mé srdce od nepravosti obmylo, a k hořké skroušenosti pohnulo. O uděl mi dar slzí, abych z lásky k Bohu hořce slzel, a všecka provinění srdce svého z vroucnosti a žádosti takřka krvavými slzami oplakával. A jsa krví a vodou Tvou obmyt od hříchů mých, abych všemi žádostmi jen po Tobě dychtil. Jako jelen po dlouhém běhu prahne, hledá pramen vody k uhašení žízně své, tak mnohými strastmi a žádostmi unavená, duše má dychtí po Tobě, o studnice všeliké útěchy! Ach, kdy se ten šťatný čas přiblíží, kdežto láska má jen po Tobě toužiti a láska Tvá mně všecko ve všem bude? Kdež jen pouze Tobě, o můj pravý živote, žíti a skrze Tebe věčně blažen budu.

Uctění plamenů lásky, jež ze Srdce Ježíšova vynikají, a prosba, od nich zajatu býti.

O Ježíši! jaké to svaté plameny lásky z rány Srdce Tvého vynikati vidím? O tajemství lásky, kteréžto tak dlouho v Tobě bylo skryto a nyní najednou objeveno jest! O můj nejsladší Ježíši! jak Ti budu moci náležitou hodností děkovati, žes lásku svou ke mně tím způsobem chtěl osvědčiti? O vy láskou plápolající Serafínové; o bych mohl s vámi to Božské Srdce milovati! Ach, kdy začnu to Srdce milovati, které mne dříve milovalo a z lásky ke mně až na smrt krvácelo? O příjemní a klanění hodní plamenové lásky! vy jste život vtěleného Boha na kříži strávili; učiňtež, abych ustavičně vroucně miloval, po onom vzdychal, jenž na potupném dřevě kříže z lásky ke mně umřel. Amen.

Uctění trnové koruny Srdce Ježíšova a prosba o srdce trpělivé.

O bolestí a potupy plné Srdce! ach, jak přeostrým trním byla zbodána nejsvětější hlava Tvá! ach, jaks hrosné bolesti vytrpělo za hříchy pokolení lidského! o kdo uváží neunavenou trpělivost Tvou?

Klaním se Tobě se všemi anděli, a srdečné díky Tobě vzdávám, za ty muky a za potupu Tvou. O trpělivé Srdce Ježíše Krista; uděliž srdci mému tu nebeskou ctnost, trpělivost a pokoru, abych jsa oud trním korunované hlavy Tvé byl pokorný a trpělivý — a jedenkráte s Tebou oslavený. Amen.

Uplná Poh. Ruffera p. 77—80.

КЪ IV ГЛАВѢ.

Примѣры обращеній и воздыханій къ Сердцу.

Vzdechy lásky k nejsvětějšímu Srdci Pana Ježíše.

O srdce Ježíšovo, srdce vtěleného Boha, Tobě se klaním, Tebe ctím, Tebe miluji!

Srdce Ježíšovo; Tys bylo na světě, a svět Tě nepoznal; o dej, aby Tě nyní všickni lidé poznali, milovali a následovali!

Srdce Jezíšovo! všecky poklady moudrosti v Tobě skryté jsou; dej mi po této moudrosti toužiti!

Srdce Ježíšovo! srdce milovaného Syna Božího, v němž se otci dobře zalíbilo! o učiň, abych i já Otci nebeskému se zalíbil!

Srdce Ježíšovo! Tys mne tak velice milovalo, žes hříchy mé krví svou obmylo! Já Tě miluji a chci ustavičně milovati!

Srdce Ježíšovo! vůle Tvá jest posvěcení mé; prosim Tě za to, posvětiž mne!

Srdce Ježíšovo! až k smrti kříže poslušné; tahniž mne, abych Boha víc než lidí poslušen byl!

Srdce Ježíšovo, tiché a pokorné! kýž i já sloužím Tobě tichým a pokorným srdcem!

Srdce Ježíšovo nejčistší! kýž plamenové lásky Tvé všecku nečistotu v srdci mém stráví!

Srdce Ježíšovo ohněm lásky planoucí! rač zapáliti mé srdce láskou k Tobě i k bližnímu.

Srdce Ježíšovo! Tys přišlo hříšníky volati; ach, přivolejž mne!

Srdce Ježíšovo! pro nás na kříži kopím prohnané, dejž mi v Tobě vždy přebývati!

Srdce Ježíšovo! pro spasení naše usmrcené; učiň, ať můj celý život láskou strávím k Tobě!

Srdce Ježíšovo! nejdokonalejší příklade všech ctností; dejž, ať se Tobě v ctnostech vždy víc a více podobám!

Srdce Ježíšovo! pro hříchy naše zraněné; uděl mi, abych všech provinění svých hořce oplakával.

Srdce Ježíšovo oslavené! ach, prosím Tě, po tomto bídném životě přijmi i mne k sobě do nebe. Amen.

Uplná Pob. Ruffera p. 33—34.

Po sv. přijímání.

Křesťanská duše! jakmile jsi Krista Pána v nejsvětější Svátosti přijala; tu použij štěstí svého, co možná nejdéle rozmlouvej s Pánem Ježíšem, neboť nyní jestiť vyvolený čas milosti, nejšťastnější čas tvého života, čas nebeských radostí a slastí. Rozjímej hluboké ponížení velikého Boha—rozvažuj ten veliký div, že neskončený Bůh sám k tobě přijíti a tímto způsobem s tebou se spojiti ráčil. Koř se hluboce nejdobrotivějšímu Bohu, jenž nyní v srdci tvém odpočívá: pak se oddej rozjímání o Jeho nejsvětější přítomnosti a miluj — tak vřele, jak ti to jen možná; ale tiše a pokojně. Jenom city lásky k Pánu Ježíši panujtež v srdci tvém! Jeho láska táhni tě k sobě, jakobys skutečně se sv. Janem miláčkem v Jeho náruči, na Jeho nejsv. Srdci odpočíval! Tu s Ním mluv o spasení své duše, o touženosti, že chceš svatě zíti a blaženě umříti. A když takovéto sv. myšlénky ti budou ochabovati, pak modli se z knihy dále:

Horlivé vzdechnutí k nejsv. Srdci Ježíšovu.

O milosrdenství plný Ježíši, uslyš mne! Milost Srdce Tvého obrať mne. Bolest Srdce Tvého skormuť mne. Jasnost Srdce Tvého osvěť mne. Voda Srdce Tvého obmej mne. Krev Srdce Tvého posvěť mne. Kříž Srdce Tvého posiln mne. Koruna trnová Srdce Tvého ozdob mne. Rána Srdce Tvého zavři mne. Duch Srdce Tvého obživ mne. Plamen Srdce Tvého rozněť mne. Láska Srdce Tvého opoj mne. Sláva Srdce Tvého proměň mne. Patření na Tvé Srdce zardi mne. Radost Tvého Srdce oblaž mne. Poklad Tvého Srdce

nasyť mne. Hlubokost Srdce Tvého pohřiž mne. Nech tam žíti a umříti mne. Ať vždy víc a víc miluji Tě zde časně a tam věčně. Amen, Amen.

O nejsladší Ježíši! Ty jsi tedy skutečně u mne přítomen, o blažené okamžení! můj Bůh, můj Stvořitel, můj Vykupitel, můj ženich, koruna a blaženost všech Svatých a Vyvolených jest skutečně v mém srdci přítomen s Božstvím i s člověčenstvím, to silně věřím neomylnému slovu Tvému; ach, jaká to nesmírná milost míti Boha u sebe a okusiti nebeských roskoší věčných již nyní; ach Ty jsi závdavek mých blažeností, o sváté to spojení s Tebou, můj Ježíši, má lásko! Chci Tebe hlasem srdce svého pozdravovati, jak Tvá láska mně slovo dá. Tvá slova nejsou hřmotná, nýbrž tichá a vroucná, vnitřní, tak sladká, tak plná laskavosti, svatá klanění jsou to, jež se před Tebou v srdci vylévají. A co jiného by srdce činiti mohlo? Ty, o můj Bože! lásko! Ty skutečně v mém srdci odpočíváš. O ať se Tobě všecko klaní, Tebe chválí všecko mé hnutí, myšlení, přání a žádosti, a docela se s Tebou sjednocují; Ty jsi se mně celý s zásluhami daroval, i já se celý Tobě odevzdávám, lásko má! Zdaliž nesmím s chotí nebeskou v písni Šalamounově zvolati: «Nalezl jsem, jehož miluje duše má — aniž se ho spustím.» — Ne, nic, o můj Ježíši! — ne, na věky ne! — ne moje první nevěrnost a hříchy — ne moje první vlažnost a nestálost — ne má lhostejnost a studenost — ne, nic ve světě, žádné pokušení, žádné kříže, ani bída a nouze, žádné namáhání a pronásledování — nic na věky nemá mne od Tebe rozděliti; já jsem s Tebou ouzce spojen a sjednocen. Zajisté, co by mne mohlo od Tebe odtrhnouti? — já nežádám nic jiného než Tebe — a co bych mohl mimo Tě žádati? po čem mám toužit na nebi i na zemi mimo Tě? — Ty jsi můj Bůh, mé dědictví věčné, Ty jsi mé nejvyšší dobré, Ty jsi nejkrásnější, nejbohatší, nejmilejší ženich duše mé! — «Ano, milý jest můj, a já jsem jeho.» Ježíš jest můj a já jsem celý Jeho. — Ach, pokud jsem tak blízko u Tebe, slyš mé volání, vzezři na mne okem milosti a spoj mne skrze toto svaté přijímání nerozlučitelně s Tebou a svými milostmi oučinkuj na mne; Ty jsi v mém srdci a ono jest zatmělé, o Ježíši, světlo světa, osvěť je; mé srdce jest nečisté, Ty nejčistší jsi v něm, očisti je; — mé srdce jest pyšné a hněvivé, Ty nejpokornější a nejtišší jsi v něm, učiň je pokorné a tiché; jest slabé, Ty nejsilnější jsi v něm, posilni je na všech cnostech, abych se Tobě nyní i vždycky podobal. Amen.

Ibid. p. 66—69.

Navštívení nejsvětější Svátosti oltářní.

(Ze spisů sv. Alfonsa z Liguori).

Ježíš Kristus ke každé duši, která Jej v nejsvětější Svátosti navštěvuje, jako oné choti v písni Šalamounově, mluví: «Vstaň, pospěš, přítelkyně má, krásná má, a pojď.» O duše! jenž mne navštěvuješ, pozdvihniž se z tvého bídného stavu, já jsem zde proto přítomen, abych tě milostmi svými obohatil. Pospíchej, přibliž se ke mně, nelekej se mé velebnosti, která se v této Svátosti snížila, aby ti všecku bázeň odňala a s důvěrností tě obdařila. Přítelkyně má! nejsi více mou nepřítelkyní, poněvadz ty mne a já tebe miluji. Krásná má, milost má tě tak krásnou učinila. Přijď tedy rychle, obejmiž mne, žádej ode mne, cokoli chceš, s důvěrností.

Můj Pane Ježíši Kriste! jenž z lásky k nám lidem dnem i nocí zde v této Svátosti přebýváš, a lásky a dobroty plný očekáváš, zveš a přijímáš všecky, kteří Tě navštěvují; věřím, že skutečně a podstatně v Svátosti oltářní přítomen jsi! Klaním se Tobě v duchu pokory a hluboké ničemnosti mé a děkuji Tobě za všecka mi prokázaná dobrodiní, zvlášť pak za to, že jsi se mi samého v této Svátosti darovati, Marii, svou nejsvětější Rodičku za orodovnici mi dáti a mne opět v tomto chrámu Páně k navštívení Tebe povolati ráčil. Miluji Tě, o Ježíši můj! z celého srdce svého, miluji Tě nade všecko. Lituji velice, že jsem Tě, o neskončená dobroto! urazil, a tak často Tobě nelibost způsobil! Odpusť mi provinění mé; s milosti Tvou toto opravdové předsevzetí činím, budoucně Tebe více neuraziti; nyní docela se Tobě obětuji. O můj Ježíši, přijdiž ke mně, a račiž v srdci mém obydlí sobě připraviti, a u mne na vždy žůstati. Učiň to, o můj Ježíši! bych ničehož více nežádal, než zalíbení Tvé rozmnožovati, Tebe milovati, již zde po celý život můj, a tam potom v nebi věčně věkův. Amen.

Klanění se Pánu Ježíši v nejsvětější Svátosti oltářní.

1. Klaním se Tobě v nejhlubší pokoře, o můj Ježíši, v nejsvětější Svátosti! Vyznávám Tebe co pravého Boha a člověka, a tímto klaněním se Tobě chci nahraditi vlažnost přemnohých křesťanů, kteří jdouce mimo chrámy Tvé a mnohdykrát i mimo schránu — v kteréž každou hodinu s láskyplnou trpělivostí dlíti ráčíš, bys věřícím milosti udílel — Tebe ani nepozdraví, nýbrž trestuhodnou nedbalostí svou, bohužel! dokazují, že jim jako židům

na poušti tato nebeská manna nechutná. Obětuji Tobě předrahou krev, kterouž jsi z rány levé nohy vycedil ku zadostučinění za tuto hroznou vlažnost, a zavíraje se v tuto ránu, opakuji tisíc a tisícráte:

Pochválena a velebena budiž bez přestání ó nejsvětější Svátost oltářní. — Otče náš atd. Zdrávas Maria atd. Sláva atd.

2. Klaním se Tobě v nejhlubší pokoře, ó Pane Ježíši! jenž jsi v nejsvětější Svátosti oltářní přítomen, a tímto klaněním se Tobě rád bych nahradil netečnost lhostejných křesťanů, jenž, ač vidí Tebe nésti k nemocným co občerstvení a posilu na jejich dalekou cestu do věčnosti, přece Tě nedoprovázejí a ani dosti malým znamením úcty zevnitřní Tebe nectí. Obětuji Tobě tedy ku zadostučinění za tuto chladnost předrahou krev, již jsi z rány pravé nohy vycedil, a do této rány se zavíraje, opětuji tisíc a tisíckráte:

Pochválena a velebena budiž bez přestání, ó nejsvětější Svátost oltářní. — Otče náš atd. Zdrávas Maria atd. Sláva atd.

3. Klaním se Tobě v nejhlubší pokoře, ó můj Ježíši! Ty pravý chlebe života věčného! a tímto klaněním žádám zadostučiniti Tobě za ty mnohé rány, jimiž denně raněno bývá Srdce Tvé zneuctíváním Tvých chrámů, kdežto ve svátostných způsobách dlíti ráčíš, aby Tvoji věrní se Tobě klaněli a Tebe milovali. Obětuji Tobě tedy předrahou krev, kterou jsi z rány levé ruky vycedil, a do této rány Tvé se zavíraje, opakuji tisíc a tisíckráte:

Pochválena a velebena budiž bez přestání, ó nejsvětější Svátost oltářní. — Otče náš atd. Zdrváas Maria atd. Sláva atd.

4. Klaním se Tobě v nejhlubší pokoře, ó můj Ježíši! živý chlebe! jenž jsi s nebe sstoupil, a tímto klaněním žádám Tobě zadostučiniti za všecku mnohonásobnou neuctivost, jíž se denně věřící Tvoji dopouštějí při slyšení mše svaté, při kterézto z něžné lásky k nám tutéž, ač nekrvavou, obět obnovuješ, kterouž jsi na hoře Kalvarii za spasení naše vykonati ráčil. Obětuji Tobě tedy na zadostučinění za takovou nevděčnost předrahou krev, již jsi z rány pravé ruky vycedil, a do této rány se zavíraje, spojuji hlas svůj s hlasy andělů, jenž Tobě se klaní, a volám s nimi:

Pochválena a velebena budiž bez přestání, ó nejsvětější Svátost oltářní. — Otče náš atd. Zdrávas Maria atd. Sláva atd.

5. Klaním se Tobě v nejhlubší pokoře, ó můj Ježíši! Ty pravá oběti za naše hříchy, a obětuji Tobě toto klanění, bych poněkud nahradil ony svatokrádeže a rouhání, které trpíš od tak mnohých nevděčných křesťanů, jenž se opovažují k Tobě se blížiti, a majíce těžké hříchy na duši své, Tebe přijímati. K zadostučinění za ošklivé toto zneuctívání obětuji Tobě poslední krůpěje Tvé předrahé krve, kterouž jsi z rány boku svého vycedil, a do této

rány se zavírajíc, přicházím Tobě se klanět a se všemi nábožnými ctiteli nejsvětější Svátosti oltářní tisíc a tisíckráte opakovat:

Pochválena a velebena budiž bez přestání, ó nejsvětější Svátost oltářní. — Otče náš adt. Zdrávas Maria atd. Sláva atd.

Odprošení nejsvětějšího Srdce Pána Ježíše v nejsvětější Svátošti oltářní.

O cti nejhodnější Srdce Ježíšovo, přítomné na tomto oltáři! Nejsvětější a nejlaškavější všech srdcí! Padáme před Tebou na kolena, co kající hříšníci; přicházejíce, abychom Tě — prohlížejíce ku Tvé lásce — co nejpokorněji a nejslavněji odprosili. O Spasiteli a Bože můj! Spatřuje ty nezbednosti a urážky, neuctivosti a nevděčnosti i rouhání, kteréž proti Tobě lehkost a bezbožnost ďábelská páše — za všecky tyto nezbednosti a urážky — s pláčem pravím — není posud zadostučiněno. My sami, ach, my sami: neprovinili-liž jsme se dosti proti Tobě?—Zdaliž jsme nebyli aspoň nedbalí v oželení hříchů svých a v zadostučinění za ně? Tyto nezbednosti proti Tobě, o můj nejmilejší Vykupiteli! spáchané, táhnou nás k nohoum Tvým a dohánějí nás, abychom tisíckráte volali k Srdci Tvému skroušeně: «Odpusť, o Bože! provinění naše! O nejsvětější Srdce! zde na zemi klečíme, litujeme provinění všech proti Tobě spáchaných a odprošujem Tebe za všecky urážky Tobě učiněné. O kýž možná obmýti krví svou všecka ta místa, kde s Tebou tak nehodně zacházeno bylo a kde láska Tvá posud tolik nevděčnosti zakouší! Od této doby chci se vynasnažiti vždy, jak mi jen možno bude, Tebe ctíti, Tobě se hluboce klaněti, vzdechy lásky k Tobě odesýlati. O Ježísi! rozpaluj mé srdce vždy víc a více láskou k Tobě. Všecky oudy, smysly nechť stále volají: Chváleno, oslavováno a uctěno buď věčně Srdce Pána Ježíše v nejsvětější Svátosti oltářní». Amen.

Ibid. p. 86—91.

Touha.

Takovou důvěrou posilněn a vyzván Tvou neskončenou láskou, můj Ježíši, nežádám tak vroucně ničehož, než Tebe přijmouti. Jako jelen práhne po pramenech vody, tak žádá duše má po Tobě, Ježíši, jenž jsi pramen vody živé; já žízním po Tvé krvi, já toužím po Tvém Srdci, po těle Tvém i duši Tvé, já si žádám Božství

Tvého! Ty jsi můj Bůh, Ty's můj Spasitel. Ty's můj budoucí Soudce, Ty's Učitel apoštolů. — Ó Ježíši! k Tobě přicházím netoliko sám pro sebe, ale celý náš apostolat zavírám v duši svou a k Tobě přináším;— ó Ježíše! jest to apostolat Srdce Tvého, zachovej ho v Srdci Svém; posvěť nás spoluoudy všecky, osvěť rozum, posilni vůli a rozněť plamen svaté horlivosti, ať jest pravým apostolatem Srdce Tvého.—Mně pak nejmenšímu ze všech spoluoudů uděl dnes hojnou milost Tvojí svaté lásky, abych až do smrti Tobě věrným zůstal, a po smrti Tebe s radostí spatřil, a s Pannou Marií a se všemi milými Svatými Tebe chválil a velebil.

Modlitbičky, které se před svatým Přijímáním konati mohou.

O Ježíši! na tisíckráte žádaný! Ty žádosti duší čistých! ejhle, již se blíží kněz, aby mi Tebe podal! Ó kýž já jsem věrným přítelem Tvým, pak bude Tobě milo i mně bude milo! na věky Tebe milovati žádám! — Ó kýž já Tě přijmu s takovou úctou, s takovou vírou, s takovou nadějí, s takovou vřelou láskou, a jakou Svatí a Světice Tebe přijímali!—Ó kýž já Tě přijmu s takovou pobožnou a čistou myslí, s jakou Tvoje panenská Matka při Tvém vtělení Tebe přijala a napotom ve Velebné Svátosti přijímala!

Ó kéž já mám Tvoje Srdce přečisté a božské, abych Tě tak přijal, jak toho zasluhuješ!

Ó můj Ježísi! již stojíš u dveří srdce mého, již slyším hlas miláčka svého! Pojď lásko moje, pojď všecka naděje má! Já Tebe přijmu a uvedu v srdce své!

Ejhle, dvéře srdce mého jsou Ti otevřeny, můj přemilý Ježíši, a já si přeji, aby Ti tak otevřeny byly, jako se Ti celé nebe při Tvém vstoupení otvíralo.—Otevři se srdce mé, aby's krále nebes mohlo přijmouti.

Přijď ó můj Ježíši, přijď králi srdce mého! vezmi příbytek v srdci mém! posvěť a požehnej srdce mé! spojen se všemi horlivými spoluoudy apostolatu prosím: přijď ó můj Ježíši! zůstaň při mně věčně!

Po svatém Přijímání.

Pozdrav.

Buď mi tisíckráte pozdraven můj Ježíši! můj božský hoste, můj Spasiteli! budiž pozdraven Tvůj spanilý obličej, buďtež po-

zdraveny oči milostné, svatá ústa, všemohoucí ruce! budiž pozdraveno božské Srdce, z lásky ke mně probodené, Srdce drahé, Srdce na věky milované! Ty ve mně nyní živo přebýváš! Přiklekám a v duchu líbám Tebe, Srdce předrahé, líbám Tvoji korunu, — a Tvoji ránu, a krůpěje krve z ní tekoucí; líbám plameny Tvoje a svatý kříž Tvůj! aj, budiž na stotisíckráte pozdraveno nejdražší Srdce mého Pána Ježíše!

Tobě se klaním, o Ježíši! tak jako Panenka Maria a svatí Andělé a všickni Svatí a Světice v nebi Tobě se klaní! V duchu se zavírám v úctu celého apostolatu, abych Tě nyní důstojně velebil a věčně věkův velebiti mohl!

Díky a láska.

Což pak Ti dám, můj dobrý Ježíši, za všecko, co jsi mi udělil? Sám se mi dáváš, a všecko mi dáváš! — Chvalte Ježíše a oslavujte Jej všickni Svatí Boží! Díky Mu buďte nyní a na věky! Ó kdybych měl tolik srdcí, co je písku v moři, abych Tě, můj Ježíše! se všemi milovati mohl! Ó kdybych měl srdce apostolů, a mysl všech andělů a srdce Marie Panny, abych vroucně Tě miloval, a plamen Tvé lásky aby ztrávil srdce mé! Plamen té lásky Tobě obětuji, můj Ježíši! O kdybych já tě důstojně mohl milovati! — Když tedy o Ježíši, jsi celý můj, nalezl jsem lásku, která Tebe jest důstojna. Hle, já mám Srdce Tvé, s Tím Tě žádám milovati a skutečně miluji, co nejvíce mohu. — Z toho Srdce plesám Tobě a raduji se, ze všeho dobra, co jsi a co máš a konáš. — V tom srdci se raduji, že nacházíš lásku, jakou zasluhuješ! — V tom Srdci volím, co Ty žádáš, a proto volím a tak volím, jak Ty žádáš! V tom Srdci miluji to, co Ty miluješ; a nenávidím, co Ty, můj Pane, nenávidíš!

Obětování vlastního srdce.

Ale, můj dobrý Ježíši! kdybych Ti sebe více ze Srdce Tvého obětoval, nebudeš spokojen, pokud svoje vlastní srdce nepodám! Já tě slyším praviti: «Synu, dej mi srdce své!» Ty máš zalíbení v srdci lidském, a jakkoli jest bídné, Tobě jest přece vzácné; i v ničem nemáš takové radosti, jako býti králem srdcí. — Tedy neváhám, můj Ježíši přemilý! ejhle, od té chvíle moje srdce, moje láska Tobě přináleží. Já ti je dávám, zasvěcuji zcela jak jen mohu, pro celý život svůj a pro celou věčnost! Od nynějška máš Ty jediný býti pánem srdce mého! Tobě stůj otevřeno na věky, pak zavřeno tělu, světu a ďáblu, a všemu stvoření, které posavádě srdce mé proti Tobě bouřilo. Odstup, co mne odvádělo od Pána Ježíše! Žádná láska, žádná žádost, žádný zármutek, žádná bázeň, žádný jiný pocit nemá býti nalezen v srdci mém, který by pro Ježíše neb podle

Jeho Srdce nebyl; — Ó Ježíši, Tvoje milost, Tvoje vnuknutí, Tvoje víra, Tvůj příklad jediný mají v mém srdci vládnouti, kteréž Ti úplně podávám!

K tomu konci, můj nejsvětější Ježíši, si pevně před se beru, že v následujících úmyslech se Ti docela zasvětím.

Předně: Raději tisíckráte smrt, než jediný smrtelný hřích! Já volím tisíckráte zemříti, než jeden těžký hřích do srdce připustiti; a k tomu volím, ze vší síly se varovati všech příležitostí zlých, krotiti nezřízené žádosti a náklonnosti srdce svého, a každému pokušení, přijdiž si odkudkoli, v okamžení a se vší silou se opříti.

Druhé: Já se na pozoru míti budu, abych také žádným všedním hříchem, alespoň žádným veskrz dobrovolným všedním hříchem srdce své nepoškvrnil. Zvláště takových hříchů všedních se chci varovati, které buď dle povahy své, nebo dle náklonnosti srdce mého snadno se mohou těžkým hříchem státi. Ze vší síly pozor dám, abych žádnému hříchu, i kdyby lehký byl, nepřivyknul. Kterak pak by se Tobě, můj Ježíši, mohlo takové srdce líbiti, kteréž ustavičně se ku starým hříchům vrací, nešťastnými poutami se na ně váže, tak že je snad za mnohá leta, snad do smrti nepřetrhne?

Třetí. Nade všecky jiné ctnosti přivyknu v srdci svém pokoře a tichosti, poněvadž Srdci Tvému jsou tak milé a vzácné, a že jsi mi je ve svatém evanděliu tak tuze poručil: «Učte se ode mne, neboť jsem tichý a pokorný srdcem.»

Čtvrté. Žádného dne nenechám minouti, že bych některé vyražení, jinak dovolené, anebo cos jiného Tvému nejsvětějšímu Srdci neobětoval a na oběť lásky a ochotné služby své.

Páté. Já jsem spoluoudem apostolatu; nebudu spoluoudem váhavým a bojácným. — Kterou duši pak bych pro Tebe, můj Ježíši, mohl získati?

Ejhle, můj Ježíši: tyto pevné úmysly mojí vůle! ach! kdybych je podle žádosti Tvého nejsvětějšího Srdce ve skutek uvedl! Nedopouštěj alespoň, abych kdy u vlažný život upadl, a jakým těžkým hříchem se od Tebe odloučil. Propůjč za to, aby se moje srdce láskou a následováním tak spojilo se Srdcem Tvým, že bych v pravdě říci mohl: «Živ jsem já, ale již ne já, nýbrž Božské Srdce ve mně a já v Něm.» Amen.

Prosba.

Přesladký Ježíši! nyní jsem Ti srdce své v oběť přinesl; ale ach! bídné jest i nehodno Tvého božského pohledu; však útěcha má jest, že Tvé božské Srdce jest při mně. Ó božský vzore všech srdcí, Božské Srdce! pro tu lásku, ze které jsi ve Velebné Svátosti ke

mně přišlo, Tě prosím, dej mi nové, hodnější srdce. Dej mi srdce pokorné, které by prázdno veškeré pejchy, vedlo život skromný i — paklí Tvá svatá vůle bude, — aby vedlo život před světem povržený. Dej mi srdce tiché, které by radostně a mlčky snášelo všecky úkory, a svoje úhlavní nepřátele slovem a skutkem milovalo. — Dej mi srdce trpělivé, které by v každém protivenství se v pokoji udrželo, a v řízení Tvé Prozřetelnosti odevzdáno zůstalo. Dej mi srdce poslušné, které by rozkazy Tvoje a rozkazy představených úplně a radostně vykonalo. Dej mi srdce pobožné, které by vroucnou a častou modlitbou se k Tobě povzneslo a v Tobě jediném spočívalo. Dej mi srdce za Tvou čest a slávu horlivé, které by bez unavení pracovalo a trpělo; které by se radovalo z rozšíření Tvého království, a se rmoutilo nad každou urážkou, která se Ti učiní. Dej mi srdce horlivé, srdce jak náš posvátný apostolat žádá, které by pečovalo o duše, za které Ty jsi takové starosti, takové práce, takové umučení, ano až i poslední krůpěje krve obětoval; abych v tom stavu, ve kterém se nacházím, na jejich spasení jednal, a žádné překážky se nehrozil. Dej mi srdce upřímné, které by mimo Tebe a mimo spásu bližního nehledalo ničehož. Dej srdce plné lásky a slitování k bližnímu, abych, co síly stačí, jiným ku pomoci přispěl. Dej srdce čisté, prosté všech nezřízených žádostí, a láskou k Tobě zcela naplněné! Dej mi srdce, veskrz podobné Srdci Tvému! Staň se, Pane Ježíši! staň se!

(Nyní jsi domluvil k Ježíši, hostu svému; pros Jej teď, aby Ón k tobě mluviti ráčil. Mnozí v tom bloudí, že modlitbám a prosbám svým konce nedělají. To jest důkaz nezdvořilosti, že ustavičně mluvíš k hostu, a jemu nedáš k slovu přijíti. Ježíš toho má moc, co by ti říci měl. Pomlč tedy, a to jediné slovo Mu ještě řekni: „Ó Ježíši: mluv k srdci mému!“ A věz, že důležitá slova na tvou prosbu pronese. Buď jist, že ti odpoví v srdci tvém, na některou chybu tě upozorní, v něčem tě napomene, poradí, srdce ti dodá atd. Poslouchej Ježíše; sklop oči svoje, sebeř pozornost svou, nedbej na venkovské myšlénky a starosti, ty se ukryj v Srdci Páně.—Ó blahoslavená samota! Ale pro všecko tě prosím, co ti na světě vzácno jest: slyš na hlas Ježíšův, na Jeho napomínání, pokárání, na Jeho radu. Pak-li dnes uslyšíš hlasu Jeho, nezatvrzuj srdce své! Co by z tebe bylo, kdybysi dnes na Jeho hlas nedbal, a On vícekráte k tobě nemluvil?)

Apostolat modlitby p. 108—114.

Půst suchých dnů

vracející se čtyřikrát do roka, odkud latinské jich jmeno quatuor tempora totiž jejunii, z čehož, obyčejný název kvatembr. Papež Urban II určil, aby jarní suché dni mezi 1. a 2. neděli postní, letní v svatodušní oktáv, před slavností nejsv. Trojice, podzimní v týden po povýšení sv. Kříže (15. září) a zimní po 3. neděli adventní, postem a újmou ve středu, v pátek a v sobotu se zachovávaly. V sobotu nyní jest jen újma nařízena. Čas ten určují verše pamětné: «Post Luciam, Cineres, post Pneuma, Crucemque — tempora dat quatuor, feria quarta sequens». Před časy sluly tyto posty také angaria cinerum, pentecostes, crucis et angaria post Luciae (t. festum); neděle pak po suchých dnech sluly zlaté; též se suché dni v kalendářích zlatým písmem znamenaly. O suchých dnech má s postem spojiti se modlitba za dokonalé kněžstvo, jakož v dřevní době i svěcení kněžská se děla.

„Slovník Naučny". V Praze 1867.
„Půst", str. 1123, sl. I.

КЪ V ГЛАВѢ.

Назидательныя черты изъ жизни нѣкоторыхъ патроновъ, назначенныхъ для службъ апостолята.

Na den sv. Josefa, pěstouna Pána Ježíše (19 března).

Sv. Josef jest panický ženich panenské matky Marie, vzor tedy a příklad jak lidí svobodných tak i všech manželů. Kdyby všickni svobodní, kř. jinochové a panny, tak smýšleli a se chovali jako sv. Josef a Panna Maria, nebylo by hříchu mezi mládeží, kterýž mesi křesťany nemá ani jmenován býti. (Ef. 5, 3). «O tom vězte rozumějíce, že žádný smilník... nemá dědictví v království Božím». (Ef. 5, 5. Žid. 13, 4). A kdyby všickni manželé byli tak ctnostni a bohabojni jako sv. Josef a Maria, nikdo by zajisté neželel, že v stav manželský vstoupil. Za našich časů mnozí křesťané v stavu svobodném i manželském jsou nespokojeni, čehož příčinou jest, že touží po věcech smyslných, nemají ducha čistoty dle příkladu sv. Josefa. «Po žádostech svých nechoď a od vůle své odvracuj se.

(Sir. 18, 30). Mládenčích žádostí se varuj, ale následuj spravedlnosti, víry, lásky a pokoje s těmi, kteří z čistého srdce vzývají Pána». (II. Tim. 2, 22).

Sv. Josef dal krásný příklad k své panenské choti, aby jí čest zachoval a sobě dobré svědomí. (Mat. 1, 20). Však mnozí z křesťanů v podobných případnostech bývají k bližnímu nelaskavi a nespravedlivi. Následujme v tom příklad sv. Josefa. «Se vší pokorou a tichostí snášejte se vespolek v lásce». (Ef. 4, 2). Žádný ať nehledá toho, což jest jeho vlastní, ale což jest druhého (I. Kor. 10, 24 a 13, 5).

Sv. Josef jest patronem, zástupcem umírajících. Jakož on umřel v rukou choti své Marie a Pána Ježíše, kdoby si nepřál tak umírati? Prosme jej tedy za šťastnou hodinku smrti. Chceme-li však, aby Ježíš, Maria, Josef stáli při nás v hodině smrti: i my stůjme věrně při nich a smrt jejich si často připomínejme. Vzpomenutí toto bude nás všeho chrániti a k dobrému vzbuzovati, což nejlepší příprava k smrti. Vzývejme každodenně sv. Josefa co patrona umírajících, nebo co den můžeme umříti (Kaz. 9, 12. Jak. 4, 13. Zjev. 3, 3). Abychom pak hodni byli jeho zastání a přímluvy, snažme se, abychom vždy podle příkladu jeho živi byli. (Fil. 3, 17).

„Blahověst" Hlasy katolické 1872 p. 113.

Na den sv. Aloisia (21 června).

Svatý Alois, když svět opustil a do řádu tovaryšstva Ježíšova vstoupil, zcela svatě byl živ. Když všech statků se odřekl, tu vše, i sám sebe — svou duši i srdce, mysl i vůli za oběť přinesl Bohu. Vy, jenž jste podobnou oběť přinesli Bohu, vstoupivše do některého ctihodného řádu, i vy jste obětovali tělo i duši svou, svatou, čistotu slavně přislíbivše, chudobu Pána Ježíše na se vzavše a své vůle se odřekše: nuže plňte ochotně a bez reptání dle příkladu sv. Aloisia vše, co jste Bohu slavně přislíbili. Uvažte slova písma sv. «Slíbil-lis co Bohu, neprodlévej to splniti. ... nebo mnohem lépe jest neslibovat, než co připověděno, nesplniti». (Kor. 5, 3. 4; V. Mojž. 23, 21).

Sv. Alois, co na se přijal, v tom setrval — duchu světa statečně se ubránil, ač i v řádu mnohé pokušení, jakéž vznešenost, bohatství a mladost v průvodu mívá, naň nalehalo. A totě pohříchu chyba mnohých, kteří odřeknuvše se světa nicméně dle zásad tohoto světa a dle příkladu osob světských se říditi chtějí. Ó nespravujte se nikdy tímto světem, pomněte na slova Kristova: Žádný, kdo

vztáhna ruku svou k pluhu, ohlídá se nazpět, není spůsobný ku království Božímu. (Luk. 9. 62).

Pluh váš, k němuž jste ruku vztáhli, jest stav váš duchovní, jemuž jste se zasvětili. Pročež neohlížejte se nazpět po hrncích egyptských — po žádostech světa. Konejte bedlivě práci svého spasení a pečujte i o spasení svých svěřených, abyste netoliko sami spůsobnými se stali ku požívání radostí království Božího, nýbrž i k rozmnožení království Božího přispívali. «Dobré činíce neustávejme; nebo časem svým žíti budeme neustávajíce.» (Gal. 6, 9.) «Budiž věren až do smrti a dám tobě korunu života.» (Zjev. 2, 10.)

Ibid. p. 257.

Na den sv. Ignáce, zakladatele řádu (31. července).

Sv. Ignác obrátiv se — pro Krista mnoho konal; on založil řád k větší cti a chvále P. Ježíše Spasitele svého a pro Pána trpěl mnoho hany a potupy, mnoho křivd a pronásledování. Ale vše činil a trpěl ochotně s největší radostí a zůstavil svému řádu heslo: «Všecko k větší cti a slávě Boží!» Vše k větší cti a slávě Boží — to budiž i heslo naše. Cokoli počínáme, cokoli konáme i co trpíme, všecko čiňme a trpme k větší cti a chvále Boží. Vždyť proto jsme na zemi, aby v nás a skrze nás Bůh byl veleben. «Cokoli činíte, všecko k slávě Boží čiňte,» napomíná sv. Pavel (I. Kor. 10, 31.). «Králi věků nesmrtelnému, neviditelnému, samému Bohu buď čest a sláva na věky věkův.» (Tim. 1, 17).

Svatý Ignác jest zakladatel řádu jesuitského. K této společnosti mají v jistém smyslu všickni křesťané náležeti. Všickni máme býti Jesuité čili Ježíšovi. Pán Ježíš jest naším mistrem a my jsme jeho učeníci. Slova i příklad jeho mají býti naším pravidlem. Za jméno nemusíme se nikdy styděti; neboť «není jiného jména pod nebem daného lidem, skrze kteréž bychom měli spaseni býti» (Sk. ap. 4, 12.). Na jméno to a v jménu tom byli jsme pokřtěni. Vše, co činíme a trpíme, máme ve jménu Ježíše činiti a pro jméno toto všecko trpěti, tehdáž budeme Jesuité v duchu a v pravdě, Ježíši budeme patřit zde i na věčnosti. Ano, Ježíši! tobě živ jsem, tobě umírám, tvůj jsem živ i mrtev.

Ibid. p. 306.

Na den sv. Františka Borgiáše (10. října).

Tři věci pohnuly sv. Františka Borgiáše, že světem pohrdl a vše, co pozemského, opustil.

Nejprve pohled na mrtvou císařovnu Isabellu. Když uzřel tvář její smrtí zošklivenou, poznal patrně, že ani krása, ani moc, ani bohatství neuchrání člověka hrobu a jak vše pozemské jest marné i pomíjí jako dým. Proto umínil si, že lepšímu králi, králi nesmrtelnému a věčnému chce sloužiti.

Žiješ-li k. m. na venku, můžeš se několikráte do roka, a bydlíš-li v městě větším, můžeš se několikrát v týhodnu přesvědčiti, jak smrt nemilosrdně řádí mezi spoluobčany tvými, jak všecku krásu a ušlechtilost s těla jejich setře, jak sílu jeho zničí, jak chudého uchvacuje i krále. A vida to, zhostí srdce své dle příkladu sv. Františka B. všech věcí pomíjejících, jichžto ti smrt bez toho chtěj neb nechtěj odejme.

«Dělejte sobě měšce, kteříž nevetšejí; nehynoucí poklad v nebesích, kdežto se zloděj nepřibližuje, ani mol kazí» (Luk. 12, 33). «Oklamavatelná jest milost a marná jest krása.» (Přísl. 31, 30.) Pamatuj na hrozbu Hospodinovu: «Zhyne pýšná síla.» (Ezech. 33, 28.) «Běda, kteří jste moudří v očích svých a sami před sebou opatrní.» (Isai. 5, 2.)

Dále poznal sv. František, jak velice nepokojný a obtížný jest život lidí světáků. Znamenal, že jakkoli v očích světa zdají se býti šťastnými, v pravdě však jsou k politování, ježto ze všech svých statků nemají jiného prospěchu — leč nepokoj, bázeň a soužení. To pohnulo jej, že jen dychtil po takových statcích, ježto srdce lidské mohou jedině upokojiti, totiž po statcích nepomíjejících, věčných.

A co by mohlo také světáka upokojiti?

Rozkoš? Ta se brzy přesytí a zanechá v srdci prázdnotu a omrzelost. Statky nestálé? Přátelé vrtkaví? Důstojnosti a hodnosti? — toto vetché zboží — obílený hrob? — Odpočinuti, klid a pokoj — jedině v Bohu nalezneš a nikde jinde. «Pojďte ke mně všickni, kteříž pracujete a obtíženi jste a já vás občerstvím. Vezměte jho mé na sebe a učte se ode mne; neboť jsem tichý a pokorný srdcem a naleznete odpočinutí duším svým» (Mat. 11, 28, 29.), volá k nám Spasitel náš, jehož slova vždy na paměti mějte.

Ibid. p. 433.

Na den sv. Stanislava Kostky, vyzn. P. (13. listopadu.)

Známe tři znamenité výpovědi tohoto svatého mládence, ježto chceme uvažovati.

1. «Nezrodil jsem se pro časnost, nýbrž pro věčnost.» Pravda tato pohnula sv. Stanislava, šlechetného jinocha, že pohrdl všemi pozemskými statky a rozkošemi a v potupě, v kříži a v tichosti duchovního řádu hledal své útočiště. Také my jsme zrozeni ne pro časnost, ale pro věčnost, nemáme zde místa zůstávajícího, nýbrž hledáme budoucího. (Žid. 13, 14.) A proto nechtějme srdce své na věci pozemské věšeti, nýbrž hledejme věcí nebeských, které nehynou. (Kol. 3, 1.)

2. Druhý výrok sv. Stanislava: «Lépe jest z poslušnosti konati věci nepatrné, nežli o své vůli konati veliké a slavné.» Spolehaje na tuto pravdu měl Stanislav stále vůli Boží na zřeteli, jižto mu kázali představení a pravidla řeholní. Konati vůli Boží bylo mu nejkratší cestou k dokonalosti křesťanské. Po této cestě i ty, křesťane, za ním kráčej! Zamiluj si poslušnost, kterou velebí již Samuel řka: «Lepšíť jest zajisté poslušenství, nežli oběti.» (I. Král. 15, 22.) «Synové a dcery, poslouchejte rodičů svých ve všech věcech, nebo to jest libé Pánu.» (Kolos. 3, 10.) — «Služebníci, poslušni buďte ve všem pánů svých, bojíce se Boha.» (Kolos. 3, 22.)

3. «Matka boží jesti mou matkou» — zní třetí jeho výpověď. — On hned co dítě poctě Marie Panny se zasvětil; proto také svatě a nevinně byl živ, a šťastně, blahoslaveně žemřel pod ochranou své matky Marie. Vyvol sobě jako svatý Stanislav Marii Pannu za matku, jižto po celý život vroucně cti a miluj. Umírající Kristus pravil k Janovi: «Aj matka tvá!» «Těmi slovy dal Marii za matku všem, jižto jsouce křesťané, zasluhují býti i jeho učeníky» (sv. Alf. Liguori). «Co matka Kristova jest Maria i matkou všech oudů, kteřížto s ním — hlavou — úzce spojeni jsou,» praví sv. Augustin. Pod ochranu matky té se kř. odevzdej, abys časně i věčně byl blaženým.

Ibid. p. 482.

Na den sv. Jana Evangelisty (27. prosince).

Sv. Jan, jehož památku dnes konáme, zove se miláčkem Páně, že ho P. Ježíš mezi všemi apoštoly nejvíce byl miloval, jemuž na prsou dal spočívati. Příčina byla ta, že vyvolen co panic, panicem zůstal. — Proto, kdo jsi panic, miluj a střež si panickou čistotu. Jest to ctnost Pánu nejvíce milá a činí člověka miláčkem Božím.

«Takového si volme ženicha,» piše sv. Bernard, «kterýž když vše nám bylo odňato, věren nám zůstává.» Proto horlí sv. Pavel o panicích horlením Božím řka: «Zasnoubiti jsem vás jako čistou pannu oddati jednomu muži — Kristu» (II. Kor. 11, 2.)

Ibid. p. 547.

Къ слову объ изображеніи распятія Христова.

Недавно здѣсь въ Прагѣ показывали новую картину извѣстнаго художника Габріеля Макса: Распятіе Христово. Изображеніе, дѣйствительно, достойно общаго вниманія! Въ немъ естественное гармонически соединено съ идеальнымъ. Положеніе тѣла сколько естественно, столько же спокойно, художественно. Мускулы обозначены съ такою подробностію и точностію, какъ только можетъ это сдѣлать глубокій знатокъ ихъ строенія. На лицѣ Христа нѣтъ страданій; со смертію они кончились; наступилъ моментъ примиренія. Лице Распятаго мягко, нѣжно, любвеобильно, незлобиво. На тѣлѣ нѣтъ ни кровавыхъ пятенъ, ни синяковъ, ни воспалительныхъ ранъ. Фонъ картины темный, мрачный, какъ и слѣдуетъ быть, но въ то же время за крестомъ, въ глубинѣ картины начинается просвѣтъ, мракъ отгоняется и скоро исчезнетъ. Солнце, хотя въ полномъ затменіи,—закрыто луною, но все таки даетъ малый свѣтъ. Этотъ свѣтъ изображенъ съ такою силою, вводитъ въ такой обманъ зрителя, что невольно хочется заглянуть за полотно картины и увѣриться, точно ли тамъ нѣтъ особой лампы? — Словомъ — картина замѣчательная!

Здѣшніе критики говорятъ, что эта картина написана въ византійскомъ стилѣ.—Справедливо, но не вполнѣ. Если византійскій стиль состоитъ не только въ спокойствіи изображенія, но главное— въ выдерживаніи библейскаго смысла или священной правды, а отсюда въ строгости и церковности стиля,—и если мы съ этой точки зрѣнія посмотримъ на картину Макса,— то должны будемъ признать, что византійскій стиль не вполнѣ понятъ художникомъ.

На картинѣ взятъ моментъ, когда Христосъ сказалъ: совершишася, и, преклонивъ главу, предалъ духъ. Es is vollbracht, Joh. 19, 30,—вотъ что подписано подъ картиной для ея обозначенія. Моментъ взятъ въ высшей степени торжественный и важный. Но для такого момента лице Спасителя на картинѣ слишкомъ мягко, слишкомъ нѣжно, искусственно; нѣтъ въ немъ величаваго, важнаго спокойствія, — нѣтъ впечатлѣнія этого всемірно-историческаго момента. Правда, Онъ съ любовію страдалъ за насъ, но все-таки страдалъ и тѣломъ и душою; правда опять и то, что съ моментомъ смерти кончились и страданія, но тѣмъ не менѣе строгость выра-

женія должна оставаться на лицѣ, а не уступать мѣсто чуть не улыбкѣ.

Далѣе: по Евангельскому сказанію, при крестѣ присутствовали соучастники страданій Господа, которые были свидѣтелями того самого момента, какой взятъ художникомъ. т. е, смерти. Поэтому мы привыкли видѣть у креста по крайней мѣрѣ Матерь Господа и Его возлюбленнаго ученика, Іоанна. Но художникъ всѣхъ удалилъ. Безъ сомнѣнія, онъ сдѣлалъ это съ тою цѣлію, чтобы сосредоточить вниманіе зрителей на одномъ Распятомъ. Положимъ; но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ рисовать у подножія креста разно-сложенныя руки, въ числѣ пяти паръ? Вы видите, что лица остались внизу, внѣ картины,— а руки высунулись изъ-подъ рамы и простерты ко Христу. Зачѣмъ это? Не отвлекаютъ ли онѣ вниманія болѣе, чѣмъ если бы на картинѣ изображены были лица? Каждый зритель не задаетъ ли себѣ вопроса: Чьи это руки? Что онѣ выражаютъ? Положимъ даже, что поймутъ значеніе рукъ въ томъ смыслѣ, что онѣ суть выраженіе разныхъ обращеній ко Христу,—но ужъ это будетъ символизмъ, чуждый истинному искусству и Евангельской правдѣ. Такой символизмъ не допускается въ византійскомъ стилѣ; онъ есть произведеніе латинскаго субъективизма.

Кромѣ этого заслуживаетъ особеннаго вниманія одна техническая особенность художника. Вспомнимъ, что въ его знаменитомъ „Нерукотворенномъ Образѣ“ обращало на себя вниманіе изображеніе убруса. Ветхій убрусъ изображенъ былъ такъ натурально, что являлось подозрѣніе: не наклеенъ ли на полотнѣ картины настоящій старый холстъ? До того былъ силенъ обманъ зрѣнія! Нѣчто подобное и здѣсь. Картина представляетъ видъ промытой картины, на которой въ углубленіяхъ полотна, въ пазахъ еще осталась вѣковая пыль и копоть. Зачѣмъ это? Нельзя, разумѣется, и предполагать, чтобы художникъ понялъ византійскій стиль въ такомъ непосредственномъ смыслѣ, какъ понимаютъ его наши суздальскіе иконописцы, — которые нарочно коптятъ ново-написанные образа, чтобы придать имъ видъ древности. Нужно думать, что художникъ хотѣлъ чрезъ то показать, что распятіе Христово есть старое, но не старѣющее изображеніе.— Мысль прекрасная, но въ области ли она искусства?

Въ заключеніе, нельзя не выразить сожалѣнія, что картина для полнаго впечатлѣнія на зрителя требуетъ искусственнаго освѣщенія, по крайней мѣрѣ она показывалась и днемъ при газовомъ освѣщеніи.

Авторъ.

1882 г.
Марта 18/30.

Академія наукъ СССР
Институтъ научной информаціи
и фундаментальная библіотека
по общественнымъ наукамъ
30·5·72

БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГІОЗНОГО
МУЗЕЯ

ОПЕЧАТКИ.

	Стр.	Напечатано.	Надо читать.	Сверху.	Снизу.
	1	čten	čtení	—	14
	107	большой	большей	—	19
Прилож.	9	nosí	nosi	14	—
		očekávà	očekáváš	15	—
	16	mesi	mezi	—	9

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ